Годъ III. Май (Маі). 1901 г.

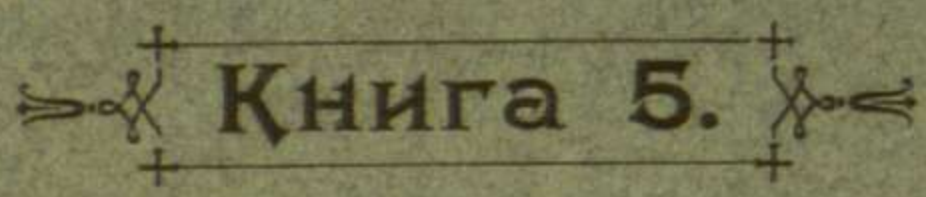
Сибирскій НАБЛЮДАТЕЛЬ.

(Бывшій Дорожникъ по Сибири и Азіатской Россіи).

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(Ancien Itinéraire a traver la Sibérie et la Russie d'Asie).

(ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).



ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

Содержаніе.

Стр.

I. Енисейская губернія, статистико-экономич. очеркъ *Ал. Голод—ва.* 1
II. Нѣсколько данныхъ о неурожаѣ въ Алтайскомъ округѣ *М. Мих—скаго* 5
III. Кузнецкій Алатау, физико-математич. обзоръ, *М. Самохвалова* . . 14
IV. Сибирскіе чиновники былого времени, *Н. Гурьева* 20
V. Повѣсть о черной лисицѣ, разсказъ *А. Клюге.* 34
VI. По Алтаю, *П. Дмитріева* 58
VII. Отъ Томска до Яренска, наблюденія и встрѣчи въ дорогѣ *К. Я—скаго* 67
IX. Изъ восточныхъ мотивовъ, *Дм. Вольфсона* 75
X. На взорванный „Евгеній", *Алексѣя Скороходова* 76
XI. Невольница Оби, остяцкая легенда *Кузнецова-Тобольскаго* . . . 83
XII. Поэтическая натура, изъ дорожныхъ арабесковъ *В. Саввиныхъ* . 84
XIII. Сибирскія элегіи, изъ дорожныхъ впечатлѣній *Всеволода Сибирскаго* 88
XIV. Двѣ ночи, эскизъ *В. Ѳ.* 96
XV. Обзоръ современныхъ переселеній въ Сибирь, *Ю. Горбатовскаго* . 99
XVI. Библіографія, *В. Дол—ова.* 104
XVII. Письмо въ редакцію, *Г. А. Кузьмина* 107
XVIII. Желѣзнодорожныя свѣдѣнія 108
XIX. De la part de la Rédaction . . . . . —
XX. Communication par eau de la Sibérie. 1
XXI. Объявленія.

Портреты, виды и типы (Portraits, vues et types):

1) Спасскій (мужской) монастырь въ г. Якутскѣ. (Cloître du Sauveur à Iakoutsk). 2) Дѣвичій институтъ и музей въ Иркутскѣ. (Institut des demoiselles et le musée à Irkoutsk). 3) Кяхта (на Монгольско-Китайской границѣ) Vue de la bourgade de Kiachta).

Редакторъ-издатель **В. А. Долгоруковъ.**

Цѣна книжки въ отдѣльной продажѣ 40 к.; съ перес. 50 к.

Годъ III. Май (Mai). 1901 г.

Сибирскій НАБЛЮДАТЕЛЬ.

(Бывшій Дорожникъ по Сибири и Азіатской Россіи).

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(Ancien Itinéraire a traver la Sibérie et la Russie d'Asie).

(ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ).

ТОМСКАЯ ГОРОДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

Книга 5.

ТОМСКЪ.

Паровая Типо-Литографія П. И. Макушина.

1901.

ЗА ТРУДОЛЮБІЕ И ИСКУССТВО МИХАЙЛОВУ МАКУШИНУ

Дозволено цензурою. Томскъ, 27 мая 1901 года.

Отъ редакціи.

Съ настоящей—**майской** книжки мы нашему изданію, съ разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати, даемъ другое названіе—„СИБИРСКАГО НАБЛЮДАТЕЛЯ“, подъ которымъ оно и будетъ выходить въ свѣтъ. Нѣсколько увеличится и цѣна: вмѣсто **трехъ** рублей въ годъ—„СИБИРСКІЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ“ будетъ стоить **четыре** рубля и **два** рубля **пятьдесятъ** коп. за полгода, съ доставкой и пересылкой внутри Европейской и Азіатской Россіи. За пересылку-же за границу, какъ и прежде, будетъ добавляться къ подписной цѣнѣ: годовыми подписчиками **три** рубля и полугодовыми **два** рубля.

Подписчики нынѣшняго года, получающіе наше изданіе за 3 р. въ годъ, разумѣется, **ничего не добавляютъ** къ подписной цѣнѣ.

Въ виду увеличенія подписной цѣны, редакція приметъ мѣры къ расширенію изданія и увеличенію объема книжекъ „Сибирскаго Наблюдателя“, начиная съ будущаго 1902 года.

Мы не даемъ никакихъ заманчивыхъ обѣщаній, но употребимъ всѣ усилія и старанія, чтобы наше маленькое изданіе,—нарождающійся въ Сибири журналъ,—удовлетворяло своему назначенію.

Енисейская губернія.

(*Статистико-экономическій очеркъ*).

(Географическое положеніе. Климатъ. Земледѣліе. Народное продовольствіе. Промыслы. Заводская и фабричная промышленность. Лѣсное хозяйство. Торговля. Движеніе населенія. Подати и повинности: окладныя взысканія, земскіе сборы. Городскіе доходы и расходы. Акцизные сборы. Воинская повинность. Сухопутныя и водныя сообщенія. Телеграфъ и почта. Народная нравственность. Ссылка. Врачебная часть. врачи, аптека, больницы, домъ умалишенныхъ, оспопрививаніе. Эпидеміи и эпизоотіи. Насильственныя и случайныя смерти. Благотворительныя учрежденія. Народное образованіе. Музеи. Переселенческое движеніе. Заключеніе).

I.

Енисейская губернія, занимая измѣреннаго инструментальнымъ порядкомъ 2222725 десят. 2118 саж. и неизмѣреннаго 231171186 десят. 256 саж. пространства и обнимая собой почти весь бассейнъ Енисея въ среднемъ и нижнемъ его теченіи, совершенно свободно могла бы вмѣстить въ свои предѣлы Германію съ Пруссіей, Европейскую Турцію и Швецію съ Норвегіей. При этомъ ширина территоріи мѣстами достигаетъ 1300 верстъ, а протяженіе по мередіану равняется почти 3000 верстъ. Благодаря указанному огромному своему протяженію отъ береговъ Ледовитаго океана до земли урянхайцевъ т. е. до границъ Китая, климатъ губерніи крайне разнообразенъ. Въ рѣчи, произнесенной 29 января с. г. при открытіи Красноярскаго подъотдѣла В. С. Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества, предсѣдатель названнаго отдѣла г. Крутовскій, говоря о климатѣ Енисейской губерніи, между прочимъ, высказалъ, что крайне холодный климатъ въ области тундръ, нѣсколько смягченный по побережью Ледовитаго океана и дающій лишь возможность произрастать мхамъ, лишайникамъ и кое гдѣ карликовымъ деревьямъ, по мѣрѣ удаленія отъ океана, постепенно уступаетъ мѣсто, хотя тоже суровому, континентальному, съ жаркимъ лѣтомъ и очень холодной зимой, климату среднихъ частей губерніи, но этотъ климатъ уже даетъ возможность развитія разнообразнѣйшихъ формъ растительнаго

и животнаго міра. Въ разсматриваемой полосѣ уже растутъ не только хвойныя, но и лиственныя деревья. Въ этой же полосѣ, приблизительно, съ широты Туруханска, могутъ культивироваться и, начиная съ южныхъ частей Енисейскаго уѣзда, культивируются хлѣбныя растенія и овощи, при чемъ, чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ культуры становятся разнообразнѣе и увеличиваютъ свою область распространенія; климатъ же Минусскаго уѣзда, называемаго по справедливости Сибирской Швейцаріей и составляющаго южную часть страны, не теряя, однако, признаковъ континентальности, на столько благопріятенъ, что позволяетъ воздѣлывать здѣсь въ довольно широкихъ размѣрахъ такія любящія тепло овощи, какъ свекловицу и арбузы. Первая здѣсь засѣвалась для потребностей бывшаго сахарнаго завода Гусевой, а послѣдніе въ концѣ августа громадными партіями сплавляются на плотахъ по Енисею въ г. Красноярскъ. Кромѣ того, здѣсь же производились опыты надъ культурой яблони, давшіе основаніе полагать, что яблоня вполнѣ можетъ приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ, ставъ со временемъ однимъ изъ промысловъ мѣстнаго населенія.

Земледѣліе составляетъ главнѣйшее занятіе сельскаго населенія Енисейской губерніи. Изъ озимыхъ хлѣбовъ здѣсь сѣется рожь, а изъ яровыхъ—пшеница, овесъ, ярица ячмень, гречиха, просо и, въ весьма незначительномъ количествѣ, колба; хотя и есть нѣсколько хозяйствъ въ Ачинскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ, гдѣ сѣется озимая пшеница, но культура ея еще мало распространена въ виду рискованности сохранить озимые всходы пшеницы въ малоснѣжныя зимы. Общее количество засѣваемаго въ губерніи хлѣба, съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги и прекращеніемъ извознаго промысла, все болѣе и болѣе увеличивается съ каждымъ годомъ. Уѣзды Ачинскій и Канскій по распредѣленію посѣвовъ разнаго рода хлѣба весьма сходны между собою, благодаря сходству климатическихъ и почвенныхъ условій; въ обоихъ этихъ уѣздахъ посѣвы озимой ржи, единственнаго въ губерніи озимаго хлѣба, составляютъ приблизительно $^1/_5$ всего посѣва; за ними по количеству посѣва озимаго хлѣба слѣдуютъ уѣзды: Манусинскій, Енисейскій и Красноярскій. Въ Минусинскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ преобладаютъ посѣвы яровыхъ хлѣбовъ, такъ какъ озимые, благодаря малоснѣжности зимъ, часто вымерзаютъ. Овесъ болѣе засѣвается въ Красноярскомъ, яровая же пшеница въ Минусинскомъ уѣздѣ. Неурожаи хлѣбовъ чаще посѣщаютъ Енисейскій уѣздъ; въ остальныхъ же уѣздахъ они бываютъ періодически, благодаря неблагопріятнымъ метеорологическимъ условіямъ въ періоды вегетаціи хлѣбовъ. Вообще, урожаи всѣхъ хлѣбовъ въ губерніи подвергаются значительнымъ колебаніямъ: яровымъ вредятъ долго продолжающіеся весенніе заморозки и холодные утренники въ концѣ лѣта, весною же и лѣтомъ—засуха и, кромѣ того, въ значительной степени вредныя насѣкомыя: кобылка, саранча и др. Яровые болѣе подвержены неурожаямъ, чѣмъ озимые. Изъ данныхъ за *двадцатилѣтній* періодъ съ 1879—1899 г.г. мы усматриваемъ, что земледѣліе отъ неурожаевъ болѣе терпитъ въ Енисейскомъ уѣздѣ, затѣмъ въ Минусинскомъ, несмотря на плодородіе его почвы, далѣе въ Ачинскомъ, Канскомъ и Красноярскомъ уѣздахъ. Въ послѣднемъ уѣздѣ земледѣліе ведется болѣе раціональнымъ способомъ, чѣмъ въ остальныхъ. Неурожаи въ Минусинскомъ уѣздѣ рѣдко бываютъ повсемѣстными: въ сухое лѣто неурожаи посѣщаютъ посѣвы степной полосы; въ дождливое же лѣто—лишь посѣвы южной подтаежной полосы; средняя же полоса подвергается неурожаямъ рѣдко.

Какъ разнообразны почвенныя условія губерніи, такъ разнообразна и система полеводства: здѣсь можно встрѣтить и переложную систему, и трех-

нольную, и двухпольную. Послѣднія двѣ системы распространены въ Красноярскомъ, Канскомъ, Ачинскомъ сѣверной части и Енисейскомъ уѣздахъ; переложная же до сихъ поръ является преобладающей системой въ губерніи. При господствѣ этой системы обрабатываются „зологи" т. е земля изъ подъ лѣса, который срубаютъ и продаютъ, но большею частію, не выкорчевавъ даже пней, собираютъ въ кучи и тутъ же сжигаютъ. Послѣ этого „залога" вспахивается и засѣвается и, снявъ съ него безъ всякаго удобренія два три и болѣе сряду хорошихъ урожая, онъ пускается подъ паръ и, смотря по качеству почвы, года на два или же на болѣе продолжительный срокъ подъ залежъ, послѣ чего земля эта снова поступаетъ подъ разработку. Нерѣдко приходится встрѣчать въ губерніи яровые хлѣба, засѣваемые на жниво изъ подъ озимой ржи, снятой въ тоже лѣто, безъ новой глубокой вспашки: эти посѣвы на жниво особенно развиты тамъ, гдѣ господствуетъ и понынѣ переложная система, такъ какъ залогъ изъ подъ вырубленнаго лѣса нерѣдко даетъ хорошій урожай въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о веденіи правильнаго полевого хозяйства, но въ тѣхъ уѣздахъ (напр Красноярскомъ), гдѣ уже начинаетъ давать чувствовать себя недостатокъ годныхъ для хлѣбопашества земельныхъ угодій, хозяйство пріобрѣтаетъ болѣе правильныя формы, приближаясь къ типу трехпольнаго. Недостатокъ переложной системы выражается здѣсь, главнымъ образомъ. обезлѣсеніемъ края, что неминуемо влечетъ за собой уменьшеніе влаги и частыя засухи, а уже послѣдствіемъ всего этого являются частые неурожаи. Удобреніе полей навозомъ здѣсь почти вовсе не встрѣчается и навозъ, который такъ бережется въ теченіе цѣлой зимы крестьянами Тобольской губерніи и, затѣмъ. „помочью" вывозится на поля для удобренія послѣднихъ—здѣсь навозъ этотъ, будучи сваленъ кучами за селомъ или чаще по берегу рѣчекъ, служитъ лишь источникомъ различныхъ эпедимическихъ заболѣваній, заранѣе давая чувствовать своимъ благоуханіемъ близость деревни. Земледѣльческія орудія здѣсь примитивны. въ большинствѣ,—допотопной конструкціи и лишь за послѣднее время съ наплывомъ переселенцевъ и съ открытіемъ складовъ земледѣльческихъ орудій и машинъ при волостныхъ правленіяхъ и въ г. Красноярскѣ, среди сельскаго населенія губерніи стали появляться усовершенствованныя земледѣльческія орудія: плуги ‹акка, бороны, изрѣдка сѣнокосилки и жатвенныя машины; послѣднія существуютъ или у зажиточныхъ торгующихъ крестьянъ, дающихъ эти машины за извѣстную плату своимъ однодеревенцамъ, или же пріобрѣтаются цѣлыми обществами; большой симпатіей пользуются здѣсь вѣялки пермскихъ кустарей и косы Артинскихъ заводовъ. Для поднятія земледѣлія и ознакомленія населенія съ болѣе раціональными способами веденія полеводства является положительно необходимымъ открытіе среди этого населенія цѣлаго ряда низшихъ сельскохозяйственныхъ школъ и учрежденіе должности губернскаго агронома. Нѣкоторую долю пользы въ распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній среди населенія можетъ принести имѣющій въ скоромъ времени открыться въ Красноярскомъ уѣздѣ, въ Вознесенской волости, въ с Березовскомъ, духовный учительскій институтъ, въ программу котораго, между прочимъ, включены и агрономическія науки, но . . . одна ласточка не дѣлаетъ весны, и этого одного института на весь громадный районъ нашей губерніи болѣе чѣмъ недостаточно.

Въ заключеніе настоящей главы укажемъ на количество засѣяннаго осенью 1898 и осенью 1899 г. хлѣба: всего было засѣяно озимаго 675103 и ярового 704653 четверти, болѣе предъидущаго года на 772156 четв.; собрано же озимаго —502879 и ярового—704653 четверти; болѣе минувшаго года на 1780932 четверти.

Посѣвы хлѣбовъ въ Енисейской губерніи обыкновенно производятся: озимовыхъ съ конца іюля, въ августѣ и въ началѣ сентября, а яровыхъ—со 2-й половины апрѣля, въ маѣ и мѣстами даже и до іюня мѣсяца.

Цѣны на рабочій трудъ стоятъ слѣдующія: рабочему платится въ годъ на хозяйскихъ харчахъ отъ 70—85 р., работницѣ отъ 35 - 50 р. Поденная плата во время *посѣва* хлѣба: а) на хозяйскихъ харчахъ работнику съ лошадью 1 р. 40 коп., пѣшему 62 коп., работницѣ 35 коп.: б) на своемъ содержаніи—работнику съ лошадью 1 р 50 к.; пѣшему 75 к; работницѣ - 51 коп.; во время уборки

хлѣбовъ и сѣна: а) на хозяйскомъ содержаніи—работнику съ лошадью 1 р 50 к., пѣшему 70 к. и работницѣ до 49 коп. и б) на своемъ содержаніи—работнику съ лошадью 1 р. 60 коп., пѣшему 95 к. и работницѣ 60 коп. При этомъ мы должны замѣтить, что въ минувшемъ 1900 г., когда „китайскія" осложненія увлекли изъ деревни главныхъ работниковъ, т. е. всѣ молодыя силы, перечисленныя цѣны на рабочій трудъ поднялись вдвое, а мѣстами втрое и уборка хлѣбовъ во многихъ мѣстахъ затянулась до глубокой осени.

Для обезпеченія народнаго продовольствія въ губерніи существуетъ 449 хлѣбозапасныхъ экономическихъ магазиновъ: въ Красноярскомъ 82, въ Енисейскомъ 99, въ Канскомъ 92, въ Ачинскомъ 55 и въ Минусинскомъ уѣздѣ 121; во всѣхъ этихъ магазинахъ къ 1 январь 1900 г. находилось на лицо озимого хлѣба 437827 и въ ссудахъ и недоимкѣ 39774 четверти. Наиболѣе обезпеченнымъ хлѣбными запасами является населеніе Минусинскаго, Красноярскаго и Канскаго уѣздовъ; наиболѣе же нуждающимся—Енисейскій уѣздъ, что видно по высшему проценту количества ссуженнаго хлѣба къ общему количеству его, числящемуся въ магазинахъ.

Жители станковъ Туруханскаго края, расположенныхъ отъ г. Туруханска внизъ по р. Енисею до Толстаго Носа, запасаютъ хлѣбъ для своего продовольствія лѣтомъ съ пароходовъ и судовъ, прибывающихъ въ низовья р. Енисея изъ г.г. Красноярска и Енисейска: зимой же, при недостаткѣ запасовъ, покупаютъ у частныхъ торговцевъ въ с. Дубинскомъ или же берутъ заимообразно изъ казенныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ; жители же станковъ вверхъ по р. Енисею отъ г. Туруханска покупаютъ хлѣбъ въ г. Енисейскѣ чрезъ своихъ общественниковъ, наиболѣе состоятельныхъ, плавающихъ ежегодно, съ открытіемъ навигаціи, на своихъ судахъ въ упомянутый городъ для сбыта пушнины.

Въ городскихъ общественныхъ магазинахъ на лицо и въ ссудѣ состояло запаснаго хлѣба 6090 четв., а именно: въ г. Канскѣ 2730, въ Ачинскѣ 762 четв. и Минусинскѣ 1779 четв. Кромѣ того, въ принадлежащемъ казечьему населенію и находящемся въ г. Красноярскѣ магазинѣ состояло хлѣба 819 четв.

Помимо запасовъ хлѣба, продовольствіе населенія губерніи обезпечивается продовольственными капиталами: 1) губернскимъ, который къ 1 января 1900 г. достигъ наличными деньгами 75053 р. 29 к и процентными бумагами 20000 руб.; 2) мѣщанскими, хранящимися въ Красноярскомъ Отдѣленіи Государственнаго Банка и частію въ сберегательныхъ кассахъ, а именно: г. Красноярска--4370 р. 90 к., г Енисейска 6535 р., 59 к., г. Канска—725 р. 66 к., г. Ачинска—2773 р. 77¾ к. и г. Минусинска—17362 р. 65 к., всего въ суммѣ 31766 р. 57¾ к.; 3) крестьянскими—Канскаго уѣзда 47278 р, 50 к и Енисейскаго уѣзда до 40000 руб. и, наконецъ, 4) капиталомъ общественной запашки для выдачи ссудъ крестьянамъ.

Такимъ образомъ, изъ вышеизложеннаго ясно видно, что обезпеченіе народнаго продовольствія въ Енисейской губерніи поставлено на прочную почву. Мы еще забыли упомянуть, что наличность хлѣба, находящагося въ магазинахъ, ежегодно, весною, провѣряется перемѣркою его волостными начальниками въ присутствіи понятыхъ и смотрителей магазиновъ

Промыслы городского населенія составляютъ въ г. *Красноярскѣ*: мелочная торговля и разныя ремесла—плотничное, кузнечное, сапожное и пр.; отчасти же жители г. Красноярска занимаются и земледѣліемъ, но только въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ.

Населеніе г. *Енисейска* болѣе состоятельное занимается торговлею, золотопромышленностью и коммерческими предпріятіями; среднее же и болѣе бѣдное городское населеніе—извозомъ, рыболовствомъ, плотничествомъ и др. работами, а также работами на золотыхъ промыслахъ и на пароходахъ.

Ал. Голод—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Нѣсколько данныхъ о неурожаѣ въ Алтайскомъ округѣ.

Едва-ли ошибочно утвержденіе, что до момента оффиціальнаго признанія острой продовольственной нужды среди пострадавшаго отъ неурожая населенія Томской губерніи въ ряду многочисленныхъ и разнообразныхъ вопросовъ мѣстной жизни продовольственный вопросъ отсутствовалъ; до послѣдняго времени не былъ предметомъ обсужденія печати и не волновалъ общество.

Тѣ неполныя, отрывочныя извѣстія изъ „голодныхъ мѣстъ", которыя проникали въ ежедневную прессу, носили характеръ случайныхъ сообщеній и не могли вызывать сколько нибудь отчетливаго представленія о безотрадной дѣйствительности и тѣхъ трудныхъ переживаніяхъ, которыя, несомнѣнно, оставятъ глубокій, замѣтный слѣдъ въ хозяйственной жизни нашей деревни, особенно среди ея пришлаго, экономически неокрѣпшаго переселенческаго элемента.

Глухой заброшенный уголъ Алтайскаго округа, удаленный отъ административныхъ и всякихъ иныхъ центровъ, чуждый какого бы то ни было живого общенія съ ними, естественно долженъ оставаться на положеніи „таинственнаго незнакомца" до тѣхъ поръ, пока административное вмѣшательство не привлечетъ въ его сторону общественнаго вниманія.

Такъ именно и было съ неурожаемъ въ Алтайскомъ округѣ. Осенью мы просмотрѣли „недородъ", нарушившій „равновѣсіе" въ бюджетѣ крестьянскаго хозяйства, и только, когда губернская администрація открыто поставила вопросъ о неизбѣжности тяжелыхъ для крестьянства переживаній, мы съ тревогой устремили все свое вниманіе на развертывающуся передъ нами эпопею голода со всѣми его прерогативами и фатальными послѣдствіями, попрежнему оставаясь, однако, далеко неосвѣдомленными о степени продовольственной нужды. Только благодаря гласности, которою сопровождались правительственныя мѣропріятія, такъ или иначе связанныя съ послѣдствіями неурожайнаго года, наше долгое пребываніе въ области невѣдѣнія закончилось, и мы, прежде нѣмые и безмолвные, въ силу своего невѣдѣнія, свидѣтели далекой драмы, получили, наконецъ, возможность активно проявить свою самодѣятельность въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ бѣдствіемъ.

Печать ознакомила насъ съ фактическимъ, собраннымъ администраціей, матеріаломъ, на основаніи котораго Минист. Внут. Дѣлъ установлены какъ общіе размѣры, такъ и частныя нормы продовольственной и сѣменной ссуды нуждающемуся населенію.—Но,

ознакомившись этимъ путемъ съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ округѣ, съ ихъ statu quo, мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ничего не знаемъ непосредственно о размѣрахъ неурожая, о тѣхъ *конкретныхъ* данныхъ, которыми должны измѣряться итоги минувшаго сельско-хозяйственнаго года.

Предполагая огромную цифру недобора хлѣбовъ,—что безусловно вѣрно - все же нельзя судуть о его размѣрахъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ въ распоряженіи конкретныхъ величинъ—въ данномъ случаѣ среднихъ валовыхъ подесятиннаго сбора для минувшаго неурожайнаго года. Только путемъ сопоставленія этихъ данныхъ съ обычными нормальными цифрами возможно судить о количествѣ недополученныхъ населеніемъ хлѣбовъ, другими словами—о крайней скудости тѣхъ средствъ, съ которыми населеніе вынуждено бороться противъ стихійнаго бѣдствія—скудости, которая, глубоко подорвавъ устои хозяйственной жизни, въ моментъ наступленія полевыхъ работъ поставила крестьянство лицомъ къ лицу съ роковымъ и неразрѣшимымъ для него вопросомъ—чѣмъ обсѣяться, на чемъ пахать?

Предлагая вниманію читателей сжатый физическій очеркъ минувшаго года въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и цифровую сводку „неурожайныхъ" данныхъ, мы надѣемся хотя отчасти восполнить указанный нами пробѣлъ.

Минувшій 1900 годъ въ хозяйственной жизни Алтайскаго округа является исключительнымъ, выдающимся по своей неурожайности, обусловленной, преимущественно, крайне неблагопріятными для роста хлѣбовъ метереологическими условіями. Наиболѣе пострадавшими оказались волости степной полосы Змѣиногорскаго и Барнаульскаго уѣздовъ (Ленинская, Черно-Курьинская, Шелковниковская, Локтевская и др., въ которыхъ и предыдущій 99-й годъ былъ также неблагополучнымъ). Уже при бѣгломъ взглядѣ на картограмму ярко обозначается общая тенденція къ пониженію урожая по мѣрѣ удаленія отъ средней линіи округа (линія *Томскъ—Барнаулъ*) къ западу. Такимъ образомъ, волости, прилегающія къ границѣ Семипалатинской области, нужно отнести къ разряду особенно пострадавшихъ. Но, прежде чѣмъ говорить объ итогахъ неурожайнаго года, постараемся дать по возможности сжатый очеркъ метереологическихъ условій вегетаціоннаго періода въ юго-западномъ районѣ округа и тѣмъ самымъ отмѣтить найболѣе неблагопріятные моменты въ ростѣ хлѣбовъ и травъ.

Какъ извѣстно, $^{1899}/_{1900}$ сельскохозяйственный годъ начался недобрымъ предзнаменованіемъ. Еще лѣтомъ и осенью 99-го года стояла сухая, бѣдная осадками погода. Къ началу зимы почва

оказалась просохшей на значительную глубину и, чтобы вернуть ей обычную влажность, послѣдующіе періоды года должны были принести особенно много атмосферическихъ осадковъ. Но этого не случилось. Снѣгъ выпалъ на сухую землю покровомъ не толще $1^1/_2$—2 четвертей и держался по преимуществу въ полыняхъ и по жнивамъ; съ распаханныхъ-же полей его выдувало вѣтрами. Лишенная послѣднихъ запасовъ влаги, земля не промерзала и оставалась пыльной, какъ лѣтомъ. Дружная весна, наступившая въ первыхъ числахъ апрѣля, быстро согнала снѣга и снѣговая влага жадно поглотилась изсушенной почвой. Не было обычныхъ для весенняго времени ни ручьевъ, ни разлива рѣкъ, ни сколько-нибудь значительныхъ дождей. Пока въ землѣ сохранялись еще скудные остатки зимняго орошенія, нужно было приступать къ сѣву, но съ этимъ временемъ какъ разъ совпала пасхальная недѣля и отдалила полевыя работы. Между тѣмъ, приготовленные съ прошлаго года залоги и пары быстро высыхали, и къ началу работъ вспаханныя поля оказались уже совершенно высохшими. Брошенныя въ нихъ зерна не дали ростка за исключеніемъ района, орошеннаго дождемъ 11 и 12 апрѣля. Теплая, сухая и вѣтренная погода, установившаяся въ апрѣлѣ, держалась весь май. Посѣвы на залогахъ погибали. За недостаткомъ орошенія зерно въ большинствѣ не могло дать ростка и загнивало. Всходы же, успѣвшіе подняться, погибли отъ заморозка, неожиданно ударившаго 12 мая. Лучшіе результаты обѣщали посѣвы, произведенные около Николина дня въ промежутокъ между 5 и 12 мая. Въ это время обсѣивались полыни и жнивы, которыя имѣли лучшее зимнее орошеніе и, кромѣ того, пролежавъ сухой апрѣльскій періодъ невспаханными, заключали въ себѣ влаги больше, нежели разрыхленные залоги. Засѣянные подъ соху, онѣ дали отпоть и покрылись всходами, несмотря на упорную засуху и сильные вѣтры, выдувавшіе изъ подъ корней сухую землю. Всходы средняго сѣва, оставаясь рѣдкими, все же распустились. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ немногимъ домохозяевамъ оказали поддержку грозы конца мая. Среди огромныхъ выжженныхъ и пыльныхъ пространствъ изрѣдка выдавались узкія съ оживившеюся растительностью полосы, надъ которыми прошли грозовыя тучи. Въ общемъ, однако, уже въ срединѣ мая весь юго-западный районъ округа представлялъ собой однообразную унылую пустыню. Вѣтры испаряли, „высасывали“ изъ земли тѣ скудные остатки влаги, которые еще оставались въ ней. Обмеленіе степныхъ рѣчекъ дошло до крайнихъ предѣловъ; озера высыхали; многіе колодцы лишились воды. „Удушье“, характеризовавшее состояніе атмосферы, было прервано сильнымъ инеемъ при температурѣ— $0{,}4^0$, выпавшимъ въ описываемомъ районѣ почти повсемѣстно въ ночь на 1-ое іюня. Слѣдомъ, 4 іюня, вмѣсто ожидаемыхъ дож-

дей, по всему району пронесся горячій вѣтеръ. Максимальный термометръ нѣсколько дней подрядъ показывалъ 37^0--39^0 въ тѣни. Такой рѣзкій переходъ температуры окончательно не погубилъ остатковъ растительности только потому, что въ это время уцѣлѣвшіе всходы средняго сѣва не были въ сокахъ, и сухая земля, сохранившая корни отъ мороза, на этотъ разъ предохранила отъ гибели и самые всходы. Пріостановленные въ ростѣ, они снова оправились и продолжали подниматься. Но посѣвы, которые взошли незадолго до заморозка, погибли. Около десятыхъ чиселъ іюня незначительная часть изъ уцѣлѣвшихъ посѣвовъ была поддержана новыми грозами, хотя преобладающей чертой погоды попрежнему оставалась засуха при самой высокой по сравненію съ остальными лѣтними мѣсяцами температурѣ. Земля затвердѣла до такой степени, что при подготовительной для будущаго года распашкѣ, не смотря на усиленныя затраты труда, не поддавалась сохѣ и во многихъ мѣста была оставлена не вспаханной.– Въ концѣ іюня начали перепадать дожди. Проходя небольшими тучами, они среди огромныхъ пространствъ орошали только узкія незначительныя полосы. Къ Прокофіеву дню (8 іюля) дожди обошли весь районъ. Передъ ихъ началомъ, приблизительно около 20 іюня, картина общаго состоянія полей рисовалась въ слѣдующемъ видѣ: ранніе посѣвы на заготовкахъ *всѣ погибли*, поздніе еще *не всходили*. Отъ средняго сѣва *остались только рѣдкіе стебли*; достигнувъ роста въ $1-1^1/_2$ четверти, они стали выметывать колосъ. На поляхъ, которыя были орошены первыми іюньскими дождями, колосъ успѣлъ уже сложиться и сталъ наливаться за *цѣлый мѣсяцъ раньше обычнаго*. Наконецъ, на участкахъ, обойденныхъ дождевыми тучами, колосъ *бѣлѣлъ и умиралъ*.

Дожди конца іюня вызвали къ жизни сѣмена среднихъ сѣвовъ, до сихъ поръ лежавшія въ землѣ. Послѣднія всходили рѣдкими, безсильными и истощенными. Подъ вліяніемъ затянувшейся дождливой погоды, всходы продолжали подниматься непрерывно до средины іюля, и іюльское состояніе хлѣбовъ близко напоминало обычный майскій періодъ ихъ роста. Въ срединѣ мѣсяца подули сильные вѣтры и принесли нѣсколько дождей. Прерванная ими засуха вскорѣ возобновилась и продолжалась уже до среднихъ чиселъ сентября. Первое рѣзкое пониженіе температуры падаетъ на 20-ое августа, когда почти повсюду былъ замѣченъ сильный иней. Съ наступленіемъ сентября минимальные термометры очень часто начинаютъ показывать отрицательныя температуры.

Такимъ образомъ, 20-ми числами августа заканчивается вегетаціонный періодъ минувшаго года. Передъ началомъ жатвы поля имѣли слѣдующій видъ: поднявшіеся въ іюлѣ всходы значительно переросли давно созрѣвшіе одинокіе колосья средняго сѣва.

Всходы конца іюня выметали колосъ приблизительно къ 24 іюля и въ августѣ образовали зерно; но въ короткій періодъ роста колосья не успѣли окончательно сложиться: нижняя уплотненная часть не закончила процесса образованія и осталась въ перѣ. Верхняя, правда, успѣла налиться, но зерна сидѣли въ ней не сплошь, а „черезззерницей". Только уже неполная часть колоса, да одинокіе стебли средняго сѣва и дали населенію этотъ скудный сборъ, которымъ обусловлена крайняя продовольственная нужда въ юго-западномъ районѣ округа. Остальные всходы, задержанные въ ростѣ, частью были скошены и пошли на кормъ скоту, частью вытравлены этимъ послѣднимъ. Только овесъ образовалъ нормальный колосъ, но вызрѣть не успѣлъ и былъ побитъ начавшимися заморозками. Выдержанный характеръ общей неурожайности въ описываемомъ районѣ нарушался лишь немногими относительно урожайными полосами, которыя, благодаря своевременно выпавшимъ на нихъ дождямъ, легче перенесли послѣдующій періодъ засухи.

Таковы были метереологическія условія, при которыхъ происходилъ ростъ хлѣбовъ въ юго-западномъ районѣ Алтайскаго окр.*).

Приступая въ дальнѣйшемъ текстѣ къ подведенію итоговъ неурожая, выразившихся въ крайне низкихъ цифрахъ подесятиннаго сбора, мы считаемъ не лишнимъ указать на источники, изъ которыхъ заимствованъ нижеприводимый матеріалъ и попутно сдѣлать оговорку о характерѣ послѣдующаго изложенія.

Мѣстному статистическому бюро при главномъ управленіи Алтайскаго округа, преимущественно, путемъ опроса населенія черезъ добровольныхъ корреспондентовъ удалось собрать значительный цифровый и фактическій матеріалъ, какъ для общей характеристики минувшаго неурожайнаго года, такъ и для точнаго по возможности установленія среднихъ величинъ сбора для различныхъ районовъ округа. Означенный матеріалъ и служитъ канвой для дальнѣйшаго изложенія, въ которомъ намъ хотѣлось бы съ помощью цѣлаго ряда скомбинированныхъ данныхъ представить неурожайные итоги въ цифровомъ выраженіи. Краснорѣчивое само по себѣ, оно не потребуетъ пространныхъ поясненій.

Изъ отдѣльныхъ мѣстностей округа относительной урожайностью выдѣлился Томскій уѣздъ. Лучше другихъ родилась озимая рожь, занимающая здѣсь около 1/4 всей посѣвной площади. Равномѣрность, съ которой распредѣлился урожай по отдѣльнымъ волостямъ, позволяетъ установить одинъ общій для всего уѣзда рядъ среднихъ подесятиннаго валового сбора.

Валовой сборъ гл. хлѣбовъ въ пудахъ съ 1 каз. десятины.											
Пшеницы.			Овса.			Ярицы.			Озим. ржи.		
Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн отнош
72	30	42%	89	40	45%	60	28	46%	60	50	83%

*) Въ сѣверо-западн. части округа, прилегающей къ Каинскому уѣзду, вегетаціонный періодъ протекалъ при такихъ же условіяхъ.

Приведенныя для сравненія здѣсь, какъ и въ послѣдующихъ таблицахъ, нормальныя величины сбора хлѣбовъ выведены на основаніи данныхъ за 4-лѣтіе съ 1896-го—1899-й годъ.

Не замѣчается также рѣзкихъ уклоненій отъ обычныхъ нормальныхъ въ Мунгатской и Верхотомской волостяхъ Кузнецкаго уѣзда. Но, къ сожалѣнію, онѣ оказываются исключительными и совершенно теряются среди остальныхъ неурожайныхъ.

	Валовой сборъ гл. хлѣбовъ въ пудахъ съ 1 каз. десятины.											
	Пшеницы.			Овса.			Ярицы.			Озим. ржи.		
	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн отнош	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн отнош.
Мунгатская и Верхотомская волости.	70	54	77%	78	56	72%	57	39	68%	61	38	62%
Остальныя волости уѣзда . .	72	19	26%	88	40	45%	59	15	25%	60	21	35%

Высшій подесятинный сборъ въ наиболѣе неурожайной части уѣзда полученъ съ овса; среднее мѣсто занимаетъ озимая рожь и, наконецъ, на послѣднемъ стоятъ пшеница и ярица, давшія всего только четверть обычнаго сбора

Барнаульскій уѣздъ представляетъ собой пеструю картину урожая съ рѣзкими цифровыми колебаніями и по степени урожайности распадается на четыре района. Къ первому району относится 6 волостей, лежащихъ вдоль западной границы округа (Лянинская, Ярковская, Черно-Курьинская, Карасукская, Чулымская и Покровская). Второй районъ охватываетъ 10 волостей, занимающихъ лѣво-обскую часть уѣзда къ юго-западу отъ линіи Барнаулъ-Камень. (Ребрихинская, Касмалинская, Боровская, Шадринская и др.). Третій районъ заключаетъ 11 волостей, лежащихъ къ сѣверу отъ указанной линіи Барнаулъ-Камень (Ординская, Бурлинская, Екатерининская и др.) и, наконецъ, IV районъ составляютъ остальныя волости уѣзда, занимающія его восточную часть, вдоль Салаирской Черни.

	Валовой сборъ гл. хлѣбовъ въ пудахъ съ 1 каз. десятины.											
	Пшеницы.			Овса.			Ярицы			Озим. ржи.		
	Нормальный.	Въ 1900 году	Процентн. отнош.	Нормальный	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн отнош.	Нормальный	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.
I. района. . .	61	9	15%	78	15	19%	51	6	12%	56	5	9%
II „ . . .	76	16	23%	77	23	30%	54	14	26%	70	12	17%
III. „ . . .	68	32	47%	81	44	54%	55	22	40%	49	35	71%
IV. „ . . .	87	52	59%	100	62	62%	63	42	67%	65	55	85%

Принимая во вниманіе общую пониженность урожая, сборъ въ Причерневыхъ волостяхъ для минувшаго можно считать удовлетворительнымъ. Но по мѣрѣ удаленія къ западной границѣ онъ становится замѣтно хуже и достигаетъ крайнихъ предѣловъ паденія въ степной полосѣ уѣзда. Здѣсь въ 6-ти волостяхъ, выдѣленныхъ нами въ составъ 1-го района и нѣкоторыхъ 2-го, не оправдались даже затраченныя на высѣвъ сѣмена. Во многихъ селеніяхъ не пытались приступать къ уборкѣ, и скудные всходы, частью не вызрѣвшіе, частью погибшіе, были скошены на кормъ скоту.

Крайне низкими средними характеризуется степная полоса и Бійскаго уѣзда, гдѣ сборъ пшеницы достигаетъ едва $^1/_4$, а ярицы $^1/_7$ обычнаго при нормальномъ урожаѣ.—Змѣиногорскій уѣздъ стоитъ еще ниже. Здѣсь урожай пшеницы выразился въ 8 пудахъ съ десятины (приблизительно $^1/_8$ норм. сб.); овса—12 пуд. (8 $^0/_0$ норм. сб.); ярицы 5 пуд. (около $^1/_{11}$ норм. сб.) и, наконецъ, озимая рожь дала 11 пудовъ, что составляетъ менѣе $^1/_4$ обычнаго сбора.

		Валовой сборъ гл. хлѣбовъ въ пудахъ съ 1 каз. десятины.											
		Пшеницы.			Овса.			Ярицы.			Озим. ржи.		
		Нормальн.	Въ 1900 г.	Процентн. отнош.	Нормальн.	Въ 1900 г.	Процентн. отнош.	Нормальн	Въ 1900 г.	Процентн. отнош.	Нормальн.	Въ 19 0 г.	Процентн. отнош.
Бійскій у.	Степной районъ .	71	16	24 $^0/_0$	77	43	56 $^0/_0$	57	8	14 $^0/_0$	55	19	34 $^0/_0$
	Горный районъ .	69	40	56 $^0/_0$	86	70	81 $^0/_0$	65	38	58 $^0/_0$	64	37	58 $^0/_0$
Змѣиног. у.	Степной районъ .	61	8	13 $^0/_0$	67	12	18 $^0/_0$	53	5	9 $^0/_0$	48	11	23 $^0/_0$
	Горный районъ .	71	18	25 $^0/_0$	73	28	38 $^0/_0$	60	21	36 $^0/_0$	71	20	28 $^0/_0$

Такимъ образомъ, здѣсь, въ степной полосѣ, какъ и въ западныхъ волостяхъ Барнаульскаго уѣзда, мы наблюдаемъ туже картину полной неурожайности.—Въ горномъ районѣ Бійскаго уѣзда, благодаря сравнительно бо́льшему количеству выпавшихъ осадковъ, урожай повелъ къ лучшимъ результатамъ, давъ населенію сборъ приблизительно въ половинномъ размѣрѣ.

До сихъ поръ при опредѣленіи размѣровъ недобора хлѣбовъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ округа, мы, придерживаясь установленныхъ административныхъ подраздѣленій, видѣли, что въ предѣлахъ одного и того же уѣзда урожай оказывался далеко неравномѣрнымъ. Между тѣмъ, на основаніи общаго признака—высоты средняго подесятиннаго сбора—урожай самъ собою градируется по тремъ районамъ, на которые принято дѣлить Алтайскій округъ въ географическомъ отношеніи. Правда, это естественное распаденіе по географическимъ районамъ нѣсколько нарушается Кузнецкимъ уѣздомъ, который за исключеніемъ двухъ волостей съ относительно высокимъ урожаемъ, характеризующимъ холмистую полосу по степени урожайности, болѣе подходитъ къ степной полосѣ. Но это обстоятельство, какъ увидимъ изъ нижесгруппированныхъ порайонныхъ данныхъ, не подрываетъ установленнаго нами положенія.

РАІОНЫ.	Валовой сборъ гл. хлѣбовъ въ пудахъ съ 1 каз. десятины.											
	Пшеницы.			Овса.			Ярицы.			Озим. ржи.		
	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.	Нормальный	Въ 1900 году.	Процентн. отнош	Нормальный.	Въ 1900 году.	Процентн. отнош.
Холмистый . . .	74	37	50%	87	49	56%	59	34	58%	59	40	68%
Горный	70	29	41%	80	49	61%	63	29	46%	67	28	42%
Степной	66	12	18%	75	23	31%	54	8	15%	56	12	22%

Итакъ, валовые итоги минувшаго урожая оказываются очень низкими; въ особенности, если брать ихъ не для всего округа, т. е. относительно благополучнаго и неблагополучнаго районовъ вмѣстѣ, а ограничиться предѣлами одной только наиболѣе пострадавшей степной полосы.

Въ заключеніе настоящаго очерка намъ остается назвать наиболѣе потерпѣвшія волости, въ которыхъ валовой сборъ главнаго посѣвного хлѣба—пшеницы—не превысилъ 7-ми пудовъ съ десятины. Такихъ волостей въ Барнаульскомъ уѣздѣ четыре: Лянинская, Ярковская, Чулымская и Черно-Курышская; въ Змѣиногорскомъ—три: Шелковниковская, Локтевская и Александровская. Сюда же относятся степи Ремовская, Коростелевская и Бельагачская, гдѣ находятся хозяйства арендаторовъ Кабинетскихъ земель и частію кочевья киргизовъ. Къ той же категоріи особенно неблагополучныхъ въ продовольственномъ отношеніи волостей слѣдуетъ отнести Покровскую и Карасукскую Барнаульскаго уѣзда, Курымскую, Ново-Алейскую, Чарышскую и Ново Шульгинскую—Змѣиногорскаго.

И безъ того острая продовольственная и хозяйственная нужда въ поименованныхъ волостяхъ усиливалась недостаткомъ кормовыхъ средствъ для скота—этого едвали не главнаго устоя въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Чтобы не утомлять вниманіе читателей новыми цифровыми выкладками, мы ограничимся указаніемъ на тотъ фактъ, что неурожай травъ въ минувшемъ году наблюдался параллельно и въ той же степени, какъ и неурожай хлѣбовъ.

Заканчивая настоящій очеркъ, мы полагаемъ, что представленныя цифровыя иллюстраціи даютъ возможность составить общее, приблизительное представленіе о степени и размѣрахъ неурожайнаго бѣдствія въ юго-западной части Алтайскаго округа.

Говоримъ—общее приблизительное, ибо, разумѣется, соотношеніе между валовыми цифрами, хотя бы и ограниченнаго района, не можетъ служить точнымъ масштабомъ измѣренія продовольственной нужды въ отдѣльныхъ хозяйствахъ. Плюсы и минусы уравновѣшиваютъ и балансируютъ другъ друга только въ итогахъ вычисленій, при которыхъ принимается въ разсчетъ состояніе *всѣхъ* хозяйствъ.

Въ жизни дѣло обстоитъ иначе. Два смежные участка могутъ значительно разниться результатомъ полученнаго урожая, и положеніе хозяйства, не оправдавшаго сѣмянъ, не облегчится, если избытокъ на сосѣднемъ надѣлѣ въ общемъ итогѣ покроетъ его недоборъ.

О продовольственной нуждѣ и недочетахъ продовольственной организаціи въ округѣ мы уже имѣли случай подробно говорить въ другомъ мѣстѣ *), поэтому здѣсь позволимъ себѣ ограничиться краткими замѣчаніями общаго характера.

Жизненныя условія, продиктованныя неурожайнымъ годомъ, въ ближайшемъ будущемъ неизбѣжно должны были отразиться на хозяйственномъ укладѣ деревни. Помимо острой продовольственной нужды, связанныхъ съ недоѣданіемъ, различнаго рода эпидемическихъ заболѣваній и усиленной смертности, голодный годъ вызвалъ цѣлый рядъ явленій иного порядка: массовый сбытъ обезцѣненнаго нуждой и недостаткомъ кормовъ скота, запродажу мѣстнымъ кулакамъ надолго впередъ рабочей силы и проч., что толкаетъ крестьянина по наклонной плоскости разоренія.

Правительственныя мѣропріятія, направленныя къ удовлетворенію продовольственныхъ нуждъ и обезпеченію полей посѣвами, далеко не покроютъ всѣхъ дефектовъ въ крестьянскомъ бюджетѣ и не возстановятъ нарушеннаго равновѣсія. Слишкомъ очевидный недостатокъ въ рабочемъ скотѣ и средствахъ обсѣмененія замѣтно сократитъ площадь запашки, значительная часть полей останется не обсѣянными и, быть можетъ, огромная масса, вчера еще экономически-самостоятельнаго и крѣпкаго къ землѣ населенія, будетъ оторвана отъ средствъ труда и производства. Перспективы ближайшаго будущаго окрашиваются въ опредѣленный цвѣтъ, и нужны рѣшительныя мѣропріятія, чтобы гарантировать крестьянское хозяйство отъ дальнѣйшаго упадка и разоренія.

„Неурожай отъ природы—голодъ отъ людей". Справедливость этого глубоко вѣрнаго замѣчанія какъ нельзя лучше оправдывается переживаемымъ моментомъ. Если, какъ мы видѣли, неурожай былъ вызванъ слѣпыми стихійными силами природы, то голодъ со всѣми его неизбѣжными спутниками фактически обязанъ отсутствію той постоянной организаціи сознательныхъ силъ, которая была бы призвана предупреждать трудные и мучительные процессы, время отъ времени переживаемые трудящейся массой.

На очереди стоитъ перестройка продовольственной системы на иныхъ, болѣе жизненныхъ началахъ, къ которымъ безусловно относится принципъ страхованія посѣвовъ.

Барнаулъ, 12-го марта.

М. Мих—скій.

---

*) См „Сиб. Ж." № 58 за тек. годъ.

Кузнецкій Алатау.

(*Физико-математическій обзоръ*).

Кромѣ всѣмъ извѣстныхъ Алтайскихъ горъ, Томская губернія заключаетъ еще въ своихъ предѣлахъ двѣ обширныя горныя страны: Кузнецкій Алатау и Салаирскій кряжъ. Кузнецій Алатау менѣе высокія, менѣе грандіозныя горы, чѣмъ Алтай; но занимаютъ не меньшее пространство, а въ отношеніи богатства ископаемыми, повидимому, даже превосходятъ его.

Названіе Куз. Алатау мало извѣстно среди сибиряковъ. Это названіе, данное учеными географами, горамъ, отходящимъ на сѣверъ отъ мѣста соединенія Алтайскихъ и Саянскихъ горъ и простирающимся по границѣ Томской и Енисейской губерній. Главная масса ихъ лежитъ въ Томской губ. Начинаясь въ вершинахъ Абакана, онѣ постепенно понижаются, сглаживаются и переходятъ въ Западно-Сибирскую низменность.

Среди сибиряковъ, какъ сказано выше, названіе Алатау не въ ходу. Даже среди золотопромышленниковъ не ощущалось надобности въ объединяющемъ названіи этого связнаго хребта, и различныя части его обозначаются именами рѣкъ, орошающихъ его. Такъ, на западномъ склонѣ, районъ, орошаемый Кондомой и Мрассой, называютъ „лѣвымъ берегомъ", потому что названныя рѣки—лѣвые притоки Томи; орошаемый Терсеями и Усой —„правымъ берегомъ"; мѣстность по Кіѣ—Маріинской тайгой и т. п. Вообще, рѣки, а не горы привлекали вниманіе сибирскихъ золотопромышленниковъ, потому что рѣки служили путями сообщенія среди хаоса горъ и лѣсовъ; въ руслѣ рѣкъ залегало золото и рѣки же давали даровую силу для производства промывки золота. Поэтому и опредѣленія мѣстъ въ Сибири всегда сводится къ опредѣленію рѣки или ключа. Даже отдѣльнымъ вершинамъ въ сибирскихъ тайгахъ, большею частью, нѣтъ названій у русскихъ, за исключеніемъ самыхъ выдающихся, и когда хочемъ знать имя горы—мы должны обращаться къ аборигенамъ страны—инородцамъ. На восточномъ склонѣ Алатау въ Енисейской губ. тоже самое. По словамъ Латкина: „Куз. Алатау у мѣстныхъ жителей носитъ совершенно различныя названія или, лучше сказать, каждая отдѣльная его часть или отрогъ носитъ отдѣльное имя; такъ, горы отъ Сабинскаго 24 пограничнаго знака по р. Чаханъ называются Колтановскими или Чаханскими, въ верховьяхъ р. Таштыпа, за р. Абаканомъ, горный хребетъ носитъ названіе Кояка; въ верховьяхъ рр. Аскыса и Уйбата—Карата́ша и Карлыгана; далѣе къ с.-з. въ верховьяхъ рр.

Іюсовъ—**Алатау**; еще далѣе къ сѣверу въ верховьяхъ Урюпа—**Урала**. Нѣкоторыя изъ болѣе извѣстныхъ по своей высотѣ сопокъ въ этихъ двухъ послѣднихъ хребтахъ носятъ названія: Большой и Малый Канымъ, Азаргая и Учумъ. Вообще, мѣстное туземное инородческое населеніе, не называя горные кряжи или отроги какимъ нибудь общимъ именемъ, именуетъ только болѣе замѣтные и почему либо примѣчательные ихъ вершины или отдѣльныя горы. Кузнецкій Алатау высокъ только въ болѣе южныхъ своихъ частяхъ, возвышаясь отъ 3700 до 5300 ф., и уже отъ верховьевъ р. Урюпа онъ начинаетъ сильно понижаться и въ дальнѣйшемъ своемъ пониженіи къ сѣверу—переходитъ, въ паралели Ачинска, въ холмистыя возвышенности, теряя характеръ непрерывнаго горнаго хребта, а далѣе на сѣверъ— сливается съ низменными увалами, простирающимися по западной границѣ губерніи" *).

Въ виду всего вышеизложеннаго мы, при описаніи орографическихъ особенностей различныхъ частей хребта, разсмотрѣніе страны пріурочили къ рѣчнымъ системамъ.

Между Алатау и Алтаемъ нѣтъ границы: они составляютъ одно цѣлое, хотя весьма непохожи другъ на друга. Отъ Алтая Алатау отличается, во 1-хъ, меньшей высотой, а кромѣ того—и формами рельефа. Въ Алатау нѣтъ альпійскихъ формъ горъ—бѣлковъ.—подобныхъ Катунскимъ и Чуйскимъ; нѣтъ и плоскогорій, изрѣзанныхъ глубокими долинами, характеризующихъ восточную часть Алтая. Алатау ближе всего напоминаетъ сѣверныя предгорья Алтая съ ихъ умѣреннымъ и мягкимъ рельефомъ, лишеннымъ дикихъ, остроконечныхъ формъ, свойственныхъ горамъ альпійскаго типа. Орографическая форма, представляемая горами Алатау, называемая нѣмцами mittelgebirge, т. е. средней высоты горы, и характеризуется широкими долинами съ пологими увалами, рѣдко встрѣчающимися ущельями, удобными перевалами чрезъ водораздѣлы, которые часто одними и тѣми же болотами питаютъ рѣки, текущія въ разныхъ направленіяхъ. Наиболѣе высокія точки, которыя носятъ удачное названіе гольцевъ (потому что представляютъ голую каменную вершину, ушедшую за предѣлы растительности, но недостигшую до высоты вѣчныхъ снѣговъ), имѣютъ куполовидную округленную форму и только небольшія пятна снѣгу. Ихъ зовутъ также инородч. именемъ „таскылъ". Высота главныхъ вершинъ около 1500 метровъ, тогда какъ Алтай имѣетъ высоты, могущія потягаться съ колоссами Швейцарскихъ Альповъ (Бѣлуха 4500 м. Іик—ту 4200 м. **), и среднюю высоту—равную высотѣ главныхъ вершинъ Алатау.

*) Латкинъ—Енис. губ., ея прошлое и настоящее. СПБ. 1892 г. 72—73. стр.
**) Сапожниковъ. Катунь и ея истоки, Томскъ 1901 г. (Таблица высотъ).

Начало Алатау принято считать отъ озера Телецкаго и Чульгинскаго, т. е. почти отъ 51° с. ш., а окончаніе—около 56°, т. е. уже недалеко отъ городовъ Томска и Маріинска. Около Томска —рѣчки праваго берега Томи, напротивъ р. Ушайки, носятъ горный характеръ, а на Томи есть еще скалистыя обнаженія, напр. —утесъ у с. Спасскаго, Чертовъ камень повыше устья Бассандайки, а также и берегъ подъ лагерями, въ нижнихъ своихъ слояхъ состоящій изъ каменной подстилки. Такимъ образомъ, пространство, занимаемое Кузнецкимъ Алатау въ длину, имѣетъ не менѣе 500 верстъ, при ширинѣ—не менѣе 150 верстъ, т. е. 75,000 кв. верстъ, что составляетъ величину вдвое большую Швейцаріи.

Все это громадное пространство можно по характеру рельефа разбить на 6 районовъ [1]). 1) Районъ, орошаемый Абаканомъ; 2) районъ Лебези (притокъ р. Біи), Кондомы и Мрассы (лѣвые притоки Томи); 3) районъ правыхъ притоковъ Томи—трехъ Терсей; 4) районъ, орошаемый Кіей, притокомъ Чулыма; 5) районъ правыхъ притоковъ р. Яи, тоже притока Чулыма, и, наконецъ, 6) районъ верховьевъ Чулыма: Бѣлаго и Чернаго Іюсовъ, лежащій въ Енисейской губерніи.

Карты, служащія для изученія Кузнецкаго Алатау,—это карта Алтайскаго горнаго округа, составленная въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Мейеномъ, и почти точное повтореніе ея—карта Омскаго штаба, не даютъ намъ понятія объ орографическомъ устройствѣ страны; это—карты рѣчныхъ системъ, среди которыхъ написаны названія отдѣльныхъ вершинъ и хребтовъ и тушевкой показано, гдѣ должны быть горы. Но и эта тушевка нанесена зачастую тамъ, гдѣ горъ вовсе нѣтъ, или болѣе интенсивно тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ горы менѣе высоки и болѣе пологи. Да и для составленія орографической карты Алатау нѣтъ еще матеріаловъ. Описанія путешественниками своихъ маршрутовъ немногочисленны, разрозненны, неопредѣленны и мало заключаютъ въ себѣ опредѣленій высотъ, даже пройденныхъ пунктовъ, не говоря уже о вершинахъ. Не малую цѣнность въ этомъ отношеніи представляютъ высоты около 80 пунктовъ, нанесенныхъ на геолог. картѣ сѣв.-западной части Томскаго горнаго округа Реутовскаго и Зайцева и геологической картѣ верховья Абакана Реутовскаго (7 пунктовъ). Поэтому вышеупомянутыя топографическія карты могутъ намъ служить только для оріентировки, а не для познанія формъ рельефа страны, о которомъ мы должны справиться у немногихъ очевидцевъ путешественниковъ—изслѣдователей, пересѣкшихъ ее кое гдѣ своими маршрутами [2]).

---

[1]) См. Реутовскій—Золотоносный районъ Томскаго горнаго округа, стр. 1.

[2]) О картографіи Алтая или, вѣрнѣе сказать; Алтайскаго горнаго округа, куда входитъ и часть Кузнецкаго Алатау см. статью Плетнера „О картографіи Алтая“ въ „Трудахъ геологической части Кабинета Его И. В.“ Т, I. вып. 1.

Первый районъ, орошаемый рѣкою Абаканомъ (370 верстъ къ Латкину), принадлежащею къ системѣ Енисея, самый южный, самый высокій и менѣе всѣхъ изслѣдованный. Здѣсь Кузнецкій Алатау сливается съ Алтаемъ и Саянскими горами. Вершины Абакана лежатъ между Телецкимъ и Чульчинскимъ озерами и никѣмъ не описаны. Горноразвѣдочная партія подъ начальствомъ Аносова въ 1855 г. не дошла до вершины Абакана 40 в., потому, что, по словамъ инородцевъ, выше пройти невозможно, вѣроятно—по причинѣ бомовъ [1]). Но и далѣе до устьевъ Малаго Абакана, впавшаго въ Большой справа, мы почти ничего не знаемъ какъ о рѣкѣ, такъ и объ окружающихъ ее горахъ. На картахъ между Б. и М. Абаканами показано озеро Черновое. По распросамъ Адріанова, это озеро кажется надо назвать Анаколь и оно имѣетъ длины около 25 в. и ширины 5 в. [2]). Горы, окружающія вершины Абакана, высоки и покрыты снѣгами. Въ 1842 г. Чихачевъ отказался отъ мысли пройти въ вершины М. Абакана отъ долины верхней Чульчи, такъ какъ перевалъ былъ занесенъ снѣгомъ, и ограничился обозрѣніемъ рѣки съ вершины Инякъ-ту, съ которой ее было видно до самаго устья. Мал. Абаканъ брался изъ нѣсколькихъ мелкихъ озеръ, лежащихъ на плоскогоріи, подобно многимъ другимъ рѣкамъ этого района. Неудачна была также попытка Радлова въ 1861 году проникнуть въ вершины Абакана изъ бассейна оз. Караколя, лежащаго по ту сторону Саянскихъ горъ, на территоріи сойонцевъ (или сойтовъ), вслѣдствіе того, что проводникъ его заблудился [3]). Горы, лежащія между Б. и М. Абаканами, [4]) называются на картахъ Карлыханъ, а между М. Абаканомъ и самымъ крупнымъ правымъ протокомъ Абакана—Аны-Чукчутъ. Сѣверная часть Чукчута [5]), по теченію р. Малаго Кызаса (притокъ М. Абакана) и Большаго Кызаса (притокъ Б. Абакана), болѣе извѣстна, благодаря тому, что въ этомъ районѣ находятся богатые золотые пріиски. Долина Б. Кызаса лежитъ, начиная отъ раздѣленія вершинъ (верстъ 12 отъ устья), свыше 970 метровъ надъ уровнемъ моря и представляетъ огромную котловину діаметромъ 40—50 верстъ, окруженную гольцами—Хансынъ съ сѣвера, Шаманъ съ юго-востока и Два брата—съ юга. Шаманъ имѣетъ, вѣроятно, не менѣе 2000 метровъ высоты надъ

---

[1]) Дополненіе къ Землевѣд. Азіи Риттера, Семенова и Потанина. стр. 564.

[2]) Адріановъ, Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное въ 1881 г. Стр. 54.

[3]) Костровъ. Путешествіе д-ра Радлова чрезъ Алтай къ Телецкому оз. и р. Абакану. Томскъ 1881 г. 75—90 стр., оттискъ изъ „Губ. Вѣд".

[4]) Реутовскій. Поиски на золото. Томскъ. 1894 г. стр. 50; Клеменцъ. Кратк. отч. объ экспедиціи въ М. Абаканъ, Зап.-Сиб. отд. И. Р. Г. О. кн. XI.

[5]) Этого названія, впрочемъ, Клеменцъ здѣсь не слыхалъ, см. Крат. отчетъ, стр. 15.

уровнемъ моря, потому что даже перевалъ изъ системы Б. Кызаса въ систему Б. Анзаса (лѣвый притокъ р. Аны) имѣетъ свыше 1580 метровъ [1]). Изъ этой котловины, замѣчательной по своему богатству золотомъ (она дала свыше 1000 пудовъ золота; изъ пріисковъ наиболѣе богаты были Пророко-Ильинскій Кузнецевыхъ и Веселый Цибульскаго), р. Б. Кызасъ чрезъ узкія ущелья порогами круто скатывается въ Абаканъ и уже лежащее въ семи верстахъ ниже устья Б. Кызаса на Абаканѣ зимовье имѣетъ только 380 метровъ абсолютной высоты. Еще выше Шамана-Хансынъ, главныя вершины котораго покрыты никогда не тающимъ снѣгомъ [2]). Теченіе Абакана сначала идетъ на сѣверъ, но еще до впаденія М. Абакана принимаетъ с. з. направленіе и слѣдуетъ ему до самаго устья. Долина его въ верхней части узка, мѣстами не проѣзжа; вся страна представляетъ дикую, лѣсную, необитаемую мѣстность; теченіе рѣки быстрое, порожистое. Горы лѣваго берега, вообще, менѣе возвышены, чѣмъ горы праваго, и слѣдующій, наиболѣе значительный послѣ Кызаса, притокъ Абакана Матуръ или Маторъ, впадающій слѣва, населенъ инородцами и настолько удобопроходимъ, что служитъ даже скотопрогонною дорогою изъ Бійскаго уѣзда въ Минусинскій чрезъ хребетъ Алатау [3]). Ниже Матура въ Абаканъ слѣва впадаетъ большая рѣка Аны, берущаяся въ пограничныхъ водораздѣльныхъ хребтахъ изъ болотъ и озерковъ, подобно и самому Абакану. По нижнимъ ея притокамъ разрабатываются золотые пріиска. Еще ниже справа впадаетъ Джебашъ съ притокомъ Чаханъ, берущійся въ Саянскихъ горахъ.

Верховья Аны болѣе извѣстны, благодаря тому, что въ системѣ этой рѣки проходятъ дороги, ведущія изъ системы Абакана въ землю сойтовъ. По словамъ Клеменца „съ незапамятныхъ временъ извѣстны только нѣсколько тропъ, ведущихъ изъ южной Сибири въ Монголію, и, не смотря на многочисленные поиски золотоискателей, звѣропромышленниковъ, охотниковъ и другихъ лицъ, до сихъ поръ не найдено другихъ: 1) Путь—правымъ притокомъ Абакана, р. Джебашъ, до впаденія въ послѣдній рѣки Чекана или Частые Броды; съ вершины этой рѣки на русско-китайскій пограничный знакъ Шабанъ-Дабага; затѣмъ—въ вершину Кантегира, на второмъ хребтѣ Саянской системы, и, наконецъ, однимъ изъ притоковъ Кемчика въ предѣлы Сойотской земли. 2) Начало дороги тоже, но вмѣсто того, чтобы подниматься вверхъ по Чекану, идутъ по лѣвому притоку его Карасибѣ, въ вершинахъ котораго переваливаютъ въ систему Кантегира. 3) Самый западный изъ извѣстныхъ путей по Джебашу, Чекану и Карасибѣ, а съ нее перевалъ въ р. Аны и снова чрезъ хребты въ систему Кемчика. Эти пути крайне неудобны: Чеканъ приходиться болѣе 40 разъ переходить въ бродъ. Дорога идетъ среди глухой тайги, болотъ и горныхъ хребтовъ; пограничный перевалъ около пограничнаго знака Шабанъ-Дабага лежитъ на высотѣ 7000 ф. [4]) слишкомъ. Это вьючныя тропы,

---

[1]) См. Геологич. карта р. Абакана, составл. Реутовскимъ.

[2]) См. у Клеменца, стр. 17 и слѣд.

[3]) Адріановъ Путеш. на Ал. и за Саяны лѣтомъ 1883 года.

[4]) По Мирошниченко—7465 ф., т. е. 2275 метровъ.—Записки зап. сиб. отд. геогр. о-ва кн. IV.

ѣзда въ экипажахъ здѣсь невозможна. По этимъ дорогамъ шли посланцы русскихъ царей въ XVII столѣтіи въ Монголію, къ Алтын-ханамъ: этимъ же путемъ, вѣроятно, двинулись на Большой Алтай киргизы изъ долинъ верхняго Енисея и Абакана въ началѣ XVIII в. Можно, однако, предполагать, что и въ болѣе давнія времена дороги эти служили для передвиженія большихъ массъ кочеваго народа съ юга и запада на сѣверъ и востокъ и обратно. На одномъ изъ лѣвыхъ притоковъ р. Аны, Большой Анзасъ, при разработкѣ золотаго пріиска, снявши 3 ар. верхняго, рѣчнаго, наноснаго пласта, состоявшаго изъ крупныхъ сланцевыхъ и кварцевыхъ зеренъ, нашли слой навоза около 3 дециметровъ толщиной. Въ этомъ пласту было найдено нѣсколько паръ желѣзныхъ стремянъ и двѣ серебряныя чаши. Гдѣ находятся эти вещи—неизвѣстно, а потому нельзя сказать ничего опредѣленнаго ни объ эпохѣ, ни о народѣ, которому онѣ принадлежали. Бывши въ 1883 г на этомъ пріискѣ, я хотѣлъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ найдены были остатки этой древней стоянки, но новый владѣлецъ промысла завалилъ площадь галькой и устроилъ на ней свой скотный дворъ, такъ что она теперь потеряна навсегда для науки. Начиная отъ устья Джебаша на Абаканѣ вплоть до лѣваго берега Енисея, мы не имѣли проходовъ за Саянскіе хребты. Здѣсь горы настолько мало доступны, что ихъ плохо знаютъ даже звѣропромышленники изъ инородцевъ. Самъ Енисей служитъ въ настоящее время путемъ сообщенія между сѣверомъ и югомъ. Зимой русскіе торговцы по льду отправляютъ товары въ Сойотскую землю, а лѣтомъ сплавляютъ оттуда вымѣненную у Сойотовъ рухлядь въ Минусинскъ"[1]).

Далѣе Абаканъ вступаетъ изъ горъ въ область степей; лѣса исчезаютъ, горы дѣлаются ниже и положе; затѣмъ, едва холмятся и, наконецъ, отходятъ отъ рѣки на самый горизонтъ; самая рѣка разбивается на нѣсколько рукавовъ и образуетъ много островов. Степи нижняго теченія Абакана называются Абаканскою справа и Сагайскою и Качинскою слѣва и носятъ пустынный характеръ; рѣки иногда не добѣгаютъ до главныхъ артерій, а образуютъ озера прѣсныя и соленыя. Впадающіе ниже Джебаша слѣва Таштыпъ и Тея носятъ еще горный характеръ, но уже Аскызъ, Камышта и Уйбатъ (слѣва), Табатъ, Ута и Бея (справа) въ низовьяхъ своихъ имѣютъ степной характеръ Таштыпъ, берущійся съ одного мѣста съ системою Ортона (прав. притокъ Мрассы), образуетъ своей долиною рядъ расширеній, прерываемымъ ущельями [2]), и отдѣляется отъ долины Федоровки (сист. Ортона) переваломъ, достигающимъ до 1143 метровъ [3]). Верстахъ въ 20 отъ устья на самой границѣ Енисейской и Томской губерніи находится село Таштыпское, находящееся въ 288 надъ уровнемъ моря [4]), имѣющее около

[1]) Есть указаніе, что и киргизы Минусинскаго округа ходили во времена Чингисханидовъ въ Монголію по Енисею зимой. (Клеменцъ, Древ. Мин муз. стр. 3 4). Кантегиръ, текущій вдоль второго Саянскаго хребта и пробивающій цѣлый рядъ поперечныхъ второстепенныхъ горныхъ хребтовъ, бурная горная рѣка, болѣе 150 верстъ длиною, въ совершенно не изслѣдованный мѣстности, посѣщаемой изрѣдка рыболовами и охотниками. Ниже Кантегара, почти парллельно ему, между сѣвернымъ Саянскимъ хребтомъ и его предгоріями, текутъ 2 меньшихъ рѣки—Джой и Уй; послѣдняя близъ границы горной и степной областей. (Клеменцъ, Древности Минус. музея, стр. 6).

[2]) Семеновъ и Потанинъ, Дополн. къ Риттеру. 566—571 стр.

[3]) Тамъ-же, 570 стр

[4]) Реутов геолог. карта Абакана.

1300 жител. об. пола [1]). По долинѣ Таштыпа пролегаетъ кратчайшая и удобнѣйшая дорога изъ г. Кузнецка въ Минусинскій округъ, но пока она еще не играетъ почти никакой экономической роли, потому что колеснаго пути по ней не проложено, а есть только верховыя тропинки, а зимою сообщеніе бываетъ на лыжахъ.

Собственно говоря, по характеру мѣстности верхніе лѣвые притоки Абакана (Матуръ, Таштыпъ) слѣдуетъ причислить ко 2 му изъ тѣхъ районовъ, на которые мы разбили Алатау для обозрѣнія. Горы, отдѣляющія Абаканъ съ его притоками отъ системъ Лебеди, Кондомы и Мрассы, принято называть Абаканскими, и они описываются, какъ связный хребетъ, горноразвѣдочными партіями, которымъ слѣдуетъ и описаніе въ дополненіяхъ къ Землевѣданію Азіи Риттера, составленное Семеновымъ и Потанинымъ. Въ истокахъ Мрассы этотъ „валообразный хребетъ", по словамъ Гельмгакера, имѣетъ вершины, уходящія за поясъ лѣсной растительности. Вѣроятно, къ этому же хребту принадлежитъ гора Калбыкъ съ „заоблачной вершиной", въ вершинѣ Матура, и гольцы Кычи-Коль-Тайга и Улу-Коль-Тайга въ вершинахъ р. Таштыпа. Далѣе онъ, вѣроятно, сливается съ хребтомъ Поклоннымъ въ вершинахъ Томи. Вообще-же, лѣвый берегъ Абакана носитъ болѣе умѣренный характеръ, чѣмъ правый, и сообщенія между его притоками и притоками сосѣднихъ системъ сравнительно удобны и затрудняются развѣ только болотами и лѣсами, а никакъ не крутизною склоновъ и узостью долинъ.

М. Самохваловъ.

(До слѣдующей книжки).

Сибирскіе чиновники былого времени

(Продолженіе,—см. I—IV кн. „Дорожника" за тек. годъ).

VIII.

„Бысть человѣкъ посланъ свыше и имя его останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ всей Сибири"—такъ восторженно восклицаетъ П. А. Словцевъ, говоря въ своемъ Историческомъ Обозрѣніи Сибири о назначеніи сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Михаила Михайловича Сперанскаго, которому было, между прочимъ, поручено, по выраженію того-же сибирскаго историка, „прекратить неправды, вопіявшія въ странѣ безгласной". И, дѣйствительно, назначеніе Сперанскаго составляетъ эпоху въ

---

[1]) Латкинъ, Енис. губ., 92 г., 383 стр.

исторіи Сибири, а въ частности въ исторіи сибирскаго чиновничества. „Въ сибирской исторіи только два періода,—говорилъ С. С. Уваровъ,—отъ Ермака до Сперанскаго, отъ Сперанскаго, до XX в.". По выраженію біографа Сперанскаго барона Корфа, „Сперанскій, и по дѣйствіямъ, и по времени стоитъ здѣсь поворотнымъ столбомъ". Вагинъ начинаетъ свой трудъ о Сперанскомъ словами: „Съ 22 марта 1819 г. начинается новая эпоха въ Сибирской исторіи" и далѣе говоритъ: „Даже самъ Сперанскій считалъ себя посланникомъ Провидѣнія, видя всю громадность зла, которое ему надлежало исправить. Ни прежде, ни послѣ Сперанскаго въ Сибири не было ничего ему подобнаго. Имя Михайла Михайловича было окружено для Сибирскихъ его современниковъ чуднымъ обаяніемъ... Новою жизнію повѣяло въ Сибири съ пріѣздомъ Сперанскаго. Сибиряки увидѣли въ вельможѣ человѣка. Они начали жить и дышать свободно. Самовластіе, лихоимство, всякаго рода притѣсненія, на которыя они жаловались такъ долго и такъ безплодно, стали прекращаться мѣрами власти. Власть эта сдѣлалась дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ надлежало ей быть,—защитницей, а не гонительницей населенія. Сибирь отдохнула отъ террора"...

Но, прежде, чѣмъ перейти къ описанію того, что нашелъ Сперанскій въ средѣ тогдашняго сибирскаго чиновничества, интересно бросить краткій взглядъ на общее состояніе нашей окраины передъ назначеніемъ Сперанскаго генералъ-губернаторомъ.

„Стономъ стонала Сибирь" въ то время, какъ выражается В. И. Вагинъ. Не имѣя возможности дѣйствовать открыто, Сибирь вела тайную подземную борьбу. Она прибѣгла къ старинному средству—къ жалобамъ и доносамъ. Эти жалобы и доносы летѣли со всѣхъ сторонъ въ Петербургъ и рисовали самую яркую картину сибирскихъ злоупотребленій. Они, эти доносы, говоритъ баронъ Корфъ, „день ото дня становились все многочисленнѣе, все важнѣе по содержанію, разительнѣе по общему согласію въ показаніяхъ". „Свободный голосъ въ Сибири сталъ контрабандою. И однако-жъ доносъ никогда не принималъ такого величія, какъ въ это время: самые умные и смѣлые туземцы приняли въ немъ участіе и сибирскій генералъ сошелся на одномъ поприщѣ съ сибирскимъ мѣщаниномъ, протестуя противъ узурпатора"....

Первый извѣстный доносъ относится еще къ 1808 году. Въ мартѣ этого года министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ сибирскому генералъ-губернатору Пестелю, что въ Петербургѣ были получены извѣстія о произвольныхъ дѣйствіяхъ иркутскаго губернатора. Въ 12-ти пунктахъ указывались принудительные закупы хлѣба, продажа его въ городъ высокими цѣ-

нами, принудительная отдача крестьянскихъ дѣвокъ замужъ за поселенцевъ, безотчетность въ употребленіи пожертвованныхъ съ благотворительною цѣлью денегъ, и пр. и пр. Уже и тогда „всѣ сословія были приведены въ ужасъ самовластіемъ губернатора, но роптать не смѣли. Однакожъ, ожидаемыхъ послѣдствій отъ этого доноса,—въ которомъ Пестель подозрѣвалъ иркутскаго купца Михаила Ксенофонтовича Сибирякова,—не произошло. Послѣдствіемъ его было только то, что Пестель сообщилъ отношеніе министра губернатору Трескину и предписалъ ему не прекратить злоупотребленія, какъ требовалъ министръ, а принять мѣры противъ подобныхъ извѣтовъ. Министру-же Пестель возражалъ, что всѣ эти свѣдѣнія—клеветы и ябеды нѣкоторыхъ людей, недовольныхъ введеніемъ законнаго порядка.

Доносы продолжались изъ разныхъ мѣстъ, но наиболѣе замѣчателенъ изъ нихъ Саламатовскій доносъ 1818 года. Доносъ этотъ былъ составленъ въ Иркутскѣ, въ домѣ купца Трапезникова. На путешествіе въ Петербургъ Саламатовъ былъ снабженъ денежными средствами отъ купцовъ. Онъ былъ человѣкъ бойкій, находчивый, рѣшительный. О пребываніи его въ Петербургѣ разсказывали, что Саламатовъ просилъ Государя приказать убить его, чтобы избавить отъ тиранства Пестеля.

Всѣхъ доносовъ въ послѣдніе годы передъ назначеніемъ Сперанскаго было очень много. Кромѣ упомянутыхъ выше доносовъ, таковые писали вице-губернаторъ Левицкій, бывшій прокуроръ Гарновскій, Куткинъ и др. Возвысилъ свой голосъ даже кроткій Иркутскій архипастырь епископъ Михаилъ, о которомъ всѣ знавшіе его отзываются съ величайшимъ уваженіемъ. Глубоко возмущенный угнетеніемъ и страданіемъ своей паствы, Михаилъ жаловался министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: „Нечестіе и безстыдное притворство; дерзость и самонадѣянность съ деспотизмомъ; выборъ и отличіе чиновниковъ дѣятельныхъ только въ разореніи поселянъ и въ особенности бурятъ; система набогащать себя, и во всемъ монополія,—сіи черты отличаютъ здѣшнее правительство отъ внутреннихъ губерній Россіи“.

Конечно, всѣ эти доносы съиграли извѣстную роль въ дѣлѣ назначенія на постъ сибирскаго генералъ-губернатора М. М. Сперанскаго, лица, не только лично извѣстнаго Государю, но и пользовавшагося особеннымъ его довѣріемъ. Ближайшимъ-же поводомъ къ этому назначенію послужило замѣчательное мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлева, внесенное имъ въ Комитетъ министровъ 24 октября 1818 года. Въ этомъ мнѣніи сибирскія злоупотребленія были описаны самыми яркими красками. Козодавлевъ писалъ, что „при первомъ открытіи

безпорядковъ въ Сибири, приписываемы были оные слишкомъ ограниченной власти начальниковъ и потому усиливаема была оная постепенно и всегда, какъ новые и сильнѣйшіе безпорядки открывались". Но съ этимъ усиленіемъ власти, видимо, умножались безпорядки и жалобы на притѣсненія. Главною причиною безпорядковъ министръ внутреннихъ дѣлъ считалъ самовластіе начальства и нѣсколько разъ повторялъ эту мысль. Чтобы ограничить самовластіе, министръ признавалъ необходимымъ учредить верховное сибирское правительство изъ чиновниковъ, частію опредѣленныхъ отъ правительства, частію избираемыхъ отъ жителей разныхъ сословій; генералъ-губернатору-же предоставить только права предсѣдателя, имѣющаго перевѣсъ при равенствѣ голосовъ; учредить губернскіе совѣты изъ выборныхъ лицъ; усилить власть магистратовъ и городскихъ правленій, но прежде и главнѣе всего—смѣнить тогдашняго сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля,—котораго Козодавлевъ считалъ главнѣйшею причиною сибирскихъ безпорядковъ и неустройства,—изслѣдовать его дѣйствія и послать въ Сибирь новаго генералъ-губернатора. Съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ согласился и Комитетъ министровъ.

Долгое время императоръ Александръ I былъ въ затрудненіи, кого послать на смѣну Пестелю и, наконецъ, выборъ его остановился на Сперанскомъ, который въ то время былъ губернаторомъ въ Пензѣ. Назначеніе это было принято сибирскимъ населеніемъ въ высшей степени сочувственно и съ 1819 г. Сибирь, какъ мы уже выше упомянули, можетъ считаться вступившею въ новую эпоху. Съ этого времени былъ положенъ первый серьезный починъ къ уничтоженію вопіющихъ беззаконій, творимыхъ стариннымъ сибирскимъ чиновничествомъ.

Когда распространился слухъ о назначеніи Сперанскаго въ Сибирь, среди сибирскаго чиновничества произошла настоящая паника. Нѣкоторые чиновники сошли съ ума;—можетъ быть, впрочемъ, и притворились сумашедшими, чтобы не понести суровой кары за прежнія прегрѣшенія. Въ то же время никто не ожидалъ, чтобы Сибирь посѣтилъ человѣкъ безкорыстный и нѣкоторые даже надѣялись, что при помощи прежней системы можно замаскироваться. Но Сперанскій нашелъ средства разоблачить злоупотребленія; онъ далъ мѣсто гласности и постарался опереться на общество.

Описаніе злоупотребленій, найденныхъ Сперанскимъ въ Сибири, можетъ послужить самой лучшей, полной и яркой характеристикой служебныхъ нравовъ тогдашняго чиновничества. Поэтому мы шагъ за шагомъ прослѣдимъ дѣятельность новаго сибирскаго генералъ-губернатора по преслѣдованію и искорененію чиновническихъ злоупотребленій. При этомъ мы должны

оговориться, что слѣдующая глава будетъ составлена на основаніи той массы цѣннаго матеріала, который собралъ ветеранъ сибирской печати, покойный Всеволодъ Ивановичъ Вагинъ въ своемъ обширномъ трудѣ: „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1821 г. (2 тома, С.-Петербургъ, 1872).

IX.

Свою ревизію Сперанскій началъ съ Тобольской губерніи. Здѣсь, сравнительно, все обстояло благополучно, „жалобы и злоупотребленія были почти обыкновенныя и всѣмъ губерніямъ общія". Суду здѣсь былъ преданъ только одинъ человѣкъ—ялуторовскій исправникъ, хотя, какъ потомъ выражался самъ Сперанскій, подъ судъ можно было-бы отдать всѣхъ чиновниковъ Тобольской губерніи.

Въ Томской губерніи положеніе дѣлъ было гораздо хуже. Тотчасъ по въѣздѣ въ эту губернію, Сперанскаго встрѣтили серьезныя и основательныя жалобы. Вообще, по губерніи „поборы были тягостнѣе, чиновники дерзновеннѣе, преступленія очевиднѣе; на самого губернатора падали сильныя подозрѣнія"... „Если-бы въ Тобольскѣ я отдалъ всѣхъ подъ судъ,—писалъ Сперанскій Столыпину,—что и можно было бы сдѣлать,—то здѣсь оставалось бы уже всѣхъ повѣсить. Злоупотребленія вопіющія, и по глупости губернатора Илличевскаго, по жадности жены его, по строптивому характеру брата его, губернскаго почтмейстера, весьма худо прикрытыя... Чѣмъ далѣе спускаюсь я на дно Сибири, тѣмъ болѣе нахожу зла, и зла почти нестерпимаго"... Въ Томскѣ, при наружномъ порядкѣ, все было „исполнено пакости и мерзости". Значительное число чиновникахъ обвинялось въ разныхъ недозволенныхъ денежныхъ оборотахъ. Открылись разные безпорядки и злоупотребленія въ общественныхъ сборахъ, стѣсненіе торговли, безпорядки по водворенію ссыльныхъ и по оборотамъ хлѣбнаго запаснаго капитала и пр., и пр. Открывалось и непосредственное участіе губернатора въ злоупотребленіхъ. Особенно сильные безпорядки были обнаружены въ Нарымскомъ и Туруханскомъ краѣ, который въ то время принадлежалъ къ Томской губерніи. Посланный Сперанскимъ въ Туруханскъ на слѣдствіе нѣкто Осиповъ писалъ оттуда, между прочимъ: „безпечность здѣшнихъ чиновниковъ до того велика, что я съ самаго пріѣзда не могу получить отвѣтовъ на свои отношенія"... „Бѣжалъ-бы отсюда безъ оглядки", восклицаетъ въ другомъ письмѣ къ Сперанскому тотъ-же слѣдователь... По Туруханскому краю выяснился длинный рядъ злоупотребленій: по заготовкѣ хлѣба, по доставкѣ онаго въ мага-

зины, по раздачѣ его инородцамъ, по опредѣленію цѣнъ на хлѣбъ и проч. Нерѣдкіе случаи смерти инородцевъ съ голоду объяснялись исключительно злоупотребленіями исправника и лицъ, приставленныхъ къ хлѣбнымъ магазинамъ. Между прочимъ, выяснилось, что донесеніе о томъ, что вся Турыжская волость тунгусовъ, въ числѣ 87 душъ мужескаго пола, вымерла отъ голода,—ложно и что засѣдатель Мингалеевъ сдѣлалъ это изъ корыстныхъ разсчетовъ. Осиповъ страшно возмущался тѣми ужасами, которые онъ видѣлъ вокругъ въ Туруханскомъ управленіи... Какъ много наживались чиновники при продажѣ хлѣба въ Туруханскомъ краѣ, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: казенный хлѣбъ съ доставкой по рѣкамъ Тазу и Енисею въ Туруханскомъ краѣ обходился въ 1819 году по 1 р. 68 коп. за пудъ, включая въ это число 8-ю часть стоимости въ прибыль; продавался же хлѣбъ инородцамъ на звѣря, по цѣнѣ отъ 3 р. 50 с. до 7 руб. 50 коп. за пудъ, а въ 1813 году даже до 20 руб. за пудъ...

Но настоящимъ гнѣздомъ злоупотребленій была Иркутская губернія.

Вопль жителей, говоритъ Ядринцевъ, продолжался только до границъ Иркутскаго уѣзда. На границѣ этого уѣзда всѣ жалобы вдругъ смолки. Мѣстныя преданія говорятъ, что Нижнеудинскій исправникъ Лоскутовъ, передъ пріѣздомъ Сперанскаго, отобралъ въ своемъ уѣздѣ всѣ чернила и бумагу. На берегу Кана Сперанскаго встрѣтили вопіющія жалобы на Лоскутова; крестьяне выходили изъ лѣсовъ съ прошеніями. Лоскутова Сперанскій арестовалъ немедленно. Говорятъ, что, обыкновенно хладнокровный и сдержанный, Сперанскій здѣсь не выдержалъ. Иркутскій старожилъ С. С. Щукинъ объ этой встрѣчѣ въ своихъ запискахъ разсказываетъ слѣдующее. Лоскутовъ былъ въ мундирѣ и только успѣлъ донести словесно, что все въ уѣздѣ благополучно и при концѣ сказалъ: „Исправникъ Лоскутовъ“...— какъ Сперанскій закричалъ: „Лоскутовъ? арестовать его бездѣльника!“ Ѣхавшій со Сперанскимъ казачій офицеръ Клетченко сорвалъ съ Лоскутова шпагу, связалъ и представилъ его за карауломъ въ мірскую избу.

„На границѣ Иркутской губерніи встрѣченъ я былъ первымъ министромъ Трескина—писалъ Сперанскій Столыпину,—пресловутымъ Лоскутовымъ, исправникомъ нижнеудинскимъ. Съ двухъ первыхъ словъ я его отрѣшилъ и тутъ-же, арестовавъ, оставилъ за границею губерніи, за Каномъ, какъ за Стиксомъ. Мѣра сія была нужна. Страхъ его десятилѣтняго управленія былъ таковъ, что на первыхъ станціяхъ не смѣли иначе приносить жалобъ, какъ выбѣгая тайно на дорогѣ изъ лѣсовъ. Баронъ Корфъ прибавляетъ: „когда Сперанскій приказалъ взять Лоскутова,

бывшіе при этомъ крестьяне упали на колѣни и, хватая за руки Сперанскаго, воскликнули: „батюшка! да вѣдь это Лоскутовъ!“ Несчастные думали, что и Сперанскій безсиленъ передъ этимъ человѣкомъ. Въ Нижнеудинскѣ Сперанскій назначилъ сейчасъ же слѣдственную коммиссію и приказалъ описать имѣніе Лоскутова. У него было найдено 138243 рубля денегъ, кромѣ разныхъ вещей,—серебра, дорогихъ мѣховъ, которымъ оцѣнка не сдѣлана.

Имя Лоскутова и теперь вспоминается въ Восточной Сибири. Между прочимъ, онъ устроилъ казенныя поселенія въ Нижнеудинскомъ округѣ, прикрѣпивъ ссыльныхъ къ мѣстамъ поселеній. Это, въ свое время весьма восхвалявшееся и теперь еще иногда восхваляемое, дѣяніе Лоскутова кончилось тѣмъ, что съ исчезновеніемъ наведеннаго жестокостію Лоскутова паническаго страха ссыльные разбѣжались и поселенія опустѣли... Блѣдный, худой, чахоточный, съ гробовымъ голосомъ, онъ былъ грозой своей округи. Въ своей наглости Лоскутовъ дошелъ до того, что высѣкъ ремнями чѣмъ то не потрафившаго ему Нижнеудинскаго протоіерея Орлова и притомъ сдѣлалъ это въ инородческомъ улусѣ, гдѣ оба они были по дѣламъ службы. Лоскутовъ нажилъ огромное состояніе, между прочимъ, продажею дорогими цѣнами вина (по 24 рубля за ведро) и насильной продажей зажиточнымъ крестьянамъ скота, который онъ закупалъ въ Красноярскомъ уѣздѣ. Онъ вмѣшивался въ малѣйшія подробности быта поселянъ, даже кухоннаго женскаго хозяйства, и малѣйшая неисправность вызывала съ его стороны жестокія карательныя мѣры. Сохранилось преданіе, что двое поселенцевъ хотѣли его убить, но не исполнили этого, испугавшись его гробоваго голоса...

Сперанскому приходилось считаться и съ болѣе крупными чиновниками, до невѣроятной степени злоупотреблявшими своею властію: съ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ Пестелемъ и его любимцемъ Иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ. Съ личностями этихъ двухъ характерныхъ представителей современнаго Сперанскому крупнаго сибирскаго чиновничества мы и познакомимъ теперь нашихъ читателей, пользуясь тѣмъ-же упоминавшимся ранѣе трудомъ В. И. Вагина.

Крайнее себялюбіе, страсть къ произволу, потворство своимъ любимцамъ, неумолимая мстительность,—вотъ отличительныя черты Пестеля. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Начальникъ Тобольскаго провіантскаго депо генералъ Куткинъ осмѣлился о чемъ-то поспорить съ Пестелеемъ. Послѣдній отдалъ его подъ судъ, заключилъ подъ строжайшій домашній арестъ, даже разлучилъ съ семействомъ. Пестель скрывалъ передъ сенатомъ истинное положеніе Куткина и оставлялъ безъ исполненія сенатскіе указы объ облегченіи его участи. „Жизнью

отвѣчаю, восклицалъ Куткинъ изъ своего заточенія, что враги мои не найдутъ ни одного слова къ оправданію тѣхъ жестокостей, которыя они мнѣ наносятъ". Имѣніе Куткина было описано прежде начета; дочь его ослѣпла отъ слезъ, самъ онъ умеръ подъ стражей; а злоупотребленій при разсмотрѣніи его дѣла никакихъ не оказалось... На могильномъ памятникѣ Куткина начерчена многозначительная надпись:

„И прямизна тебя не спасла".

На провіантскихъ и коммиссаріатскихъ чиновниковъ Пестель открылъ гоненіе, „какъ на жидовъ", до тѣхъ поръ, пока всѣ мѣста не были заняты его любимцами и клевретами. Употребляя во зло свое званіе сенатора, а потомъ члена государственнаго совѣта, Пестель настойчиво требовалъ самыхъ жестокихъ наказаній тѣмъ лицамъ, которыхъ преслѣдовалъ. Страсть его къ преслѣдованію доходила до мелочности. Нерѣдко сибирскія судныя дѣла переходили въ Общее собраніе сената и въ Государственный совѣтъ единственно по несогласію Пестеля съ рѣшеніемъ другихъ сенаторовъ. По одному изъ такихъ дѣлъ, о какомъ то коллежскомъ регистраторѣ Журавлевѣ, Пестель, только по убѣдительной просьбѣ министра финансовъ И. И. Дмитріева, согласился съ смягчающимъ наказаніе рѣшеніемъ сената. Но едва состоялось это рѣшеніе, онъ выслалъ Журавлева изъ Сибири. Онъ даже домогался въ сенатѣ подвергнуть иркутскаго купца Щегорина преслѣдовзнію за то, что тотъ осмѣлился подать на губернское правительство жалобу по одному гражданскому дѣлу. Пестель старался преслѣдовать даже изувѣра Ракитина, который, не смотря на ссылку за пропагандированіе раскола въ Сибирь, продолжалъ проповѣдывать раскольничье ученіе и, по положенію комитета министровъ, былъ признанъ за сумасшедшаго. И подобныхъ примѣровъ можно привести десятки. Вообще, правленіе Пестеля отличалось крайнимъ произволомъ. Но личныя преслѣдованія составляли только одно изъ проявленій этого произвола, можетъ быть, впрочемъ, самое поразительное и самое вредное по своимъ послѣдствіямъ. Безкорыстіе Пестеля было подвержено большому сомнѣнію. „Не вѣрьте бѣдности моего предмѣстника"—говорилъ Сперанскій о связяхъ своего предмѣстника съ губернаторомъ Трескинымъ. Другіе положительно утверждаютъ, что Трескинъ посылалъ Пестелю ежегодную дань.

Мнѣніе современниковъ объ умѣ Пестеля, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно преувеличено. Въ дѣлахъ Вагинъ не нашелъ ни одного распоряженія, которое показывало бы хотя какую нибудь оригинальность или самостоятельность ума Пестеля. Писать онъ не умѣлъ; его бумаги и поправки обнаруживаютъ значительную степень безграмотности. Сперанскій съ презрѣніемъ

называетъ Пестеля, въ письмѣ къ Столыпину, самой слабой головой, которая „не способна управлять даже Олонецкой губерніей“.

Непосредственная дѣятельность Пестеля въ отношеніи Сибири ограничивалась исключительно преслѣдованіемъ разныхъ личностей. Дѣлами управленія онъ не занимался. На мѣстахъ дѣйствовали губернаторы. Въ громадномъ количествѣ дѣлъ, которыя пересмотрѣлъ Вагинъ, едва нашлось два-три, да и то ничтожныхъ случая, гдѣ Пестель, въ тринадцать лѣтъ своего управленія, высказалъ самостоятельное мнѣніе. Онъ почти всегда соглашался съ губернаторами и заключенія ихъ выдавалъ передъ высшимъ правительствомъ за свои собственныя.

Еше возмутительнѣе были служебныя безобразія, творившіяся любимцемъ Пестеля Иркутскимъ губернаторомъ Трескинымъ.

Трескинъ былъ извѣстенъ Пестелю по прежней своей службѣ въ Петербургскомъ почтамтѣ, какъ необыкновенно дѣятельный чиновникъ. По словамъ нѣкоторыхъ, онъ вошелъ въ особенную милость къ Пестелю женитьбой на его любовницѣ. Говорили также, что Трескинъ дѣлился съ Пестелемъ своими доходами. Пестель не хотѣлъ даже ѣхать въ Сибирь, если ему не дадутъ Трескина въ иркутскіе губернаторы. Онъ настойчиво покровительствовалъ и безусловно довѣрялъ ему во все время своего управленія. Пестель предоставилъ Трескину полную свободу и власть, какую только онъ могъ передать ему на основаніи своихъ полномочій,—а полномочія эти были чрезвычайно обширны. Личность Трескина Вагинъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: это былъ человѣкъ умный и дѣльный, до извѣстной степени, конечно, но его умъ и дѣятельность были—не государственнаго человѣка, а канцелярскаго и полицейскаго чиновника. Они были устремлены только на мелочи и многописаніе. Трескинъ былъ превосходный исполнитель; какъ большая часть людей этого рода, онъ могъ быть хорошъ только въ хорошихъ рукахъ. Его предоставили самому себѣ, облекли высокою властію. Въ немъ вполнѣ развились полицейскія замашки прежняго времени и изъ него вышелъ невыносимый деспотъ..

Трескинъ, едва-ли еще не въ большей степени, соединялъ въ себѣ тѣ качества, которыми отличался его покровитель Пестель. Законовъ онъ не исполнялъ. Личный произволъ былъ единственнымъ закономъ, которымъ онъ руководствовался въ своей возмутительной дѣятельности. На министерскіе указы и предписанія онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ позволялъ себѣ величайшія самоуправства. Даже защитникъ и поклонникъ его, Геденштромъ, говорилъ про Трескина, что онъ „губернію считалъ вотчиною, а себя полновластнымъ въ ней приказчикомъ или управляющимъ“. По мнѣнію Геденштрома, это было достоин-

ство; но очевидно, что такой способъ управленія былъ ничто иное, какъ примѣненіе въ обширныхъ размѣрахъ помѣщичьяго произвола. Даже помѣщичій произволъ никогда не достигалъ въ Россіи такого развитія, какъ Трескинскій произволъ въ Иркутской губерніи.

Къ этому, по словамъ современниковъ, должно прибавить еще глубокое невѣжество. Начальникъ обширнѣйшей провинціи въ Россійской Имперіи не имѣлъ даже понятія о томъ, что такое статистика. Ученыхъ онъ не любилъ и боялся; гласность, —даже та слабая гласность, которая изрѣдка появлялась въ газетныхъ статейкахъ о погодѣ и урожаѣ,—выводила его изъ себя. Даже поклонникъ Трескина Геденштромъ говоритъ, что Трескинъ занимался только дѣлами и не любилъ наукъ, считая ихъ занятіемъ пустымъ и безполезнымъ. Личная дерзость и высокомѣріе его доходили до того, что онъ даже вице-губернатора заставлялъ подавать ему шубу. По свидѣтельству Сперанскаго, это былъ „человѣкъ наглый, отмѣнно смѣлый, не глупъ, хотя и худо воспитанъ, но хитръ и лукавъ, какъ демонъ", и при томъ „человѣкъ необыкновенной тонкости въ мелочахъ и изворотахъ".

Неутомимый Трескинъ былъ вездѣсущъ. Все утро онъ отдавалъ секретарямъ присутственныхъ мѣстъ приказанія, что и какъ надо рѣшать. Присутствіямъ оставалось только давать этимъ приказамъ законную форму. Одинъ изъ современниковъ Трескина Булатовъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „Трескинъ былъ не губернаторъ, а генералъ-губернаторъ. Ему были предоставлены большія права оффиціально; но, кромѣ того, онъ и частно пользовался обширными полномочіями. Правителемъ канцеляріи былъ у него нѣкто Бѣлявскій. Обыкновенно дѣлали такъ: Бѣлявскій напишетъ представленіе отъ Трескина къ Пестелю, и самъ же напишетъ отвѣтъ. То и другое посылалось къ Пестелю, а этотъ только подписывалъ готовое".

13-ти лѣтнее управленіе Трескина было ознаменовано крупными злоупотребленіями, которыя достаточно выяснились, благодаря ревизіи Сперанскаго и собраннымъ нынѣ матеріаламъ. Взяточничество достигло своего апогея. Пресѣченіе всякой гласности, всякихъ жалобъ превратило его въ обыкновенный порядокъ.

По словамъ Вагина, Трескинъ имѣлъ и достойныхъ сподвижниковъ. Жена и любимцы его грабили открыто. „Къ ней отправлялся всякій, кто хотѣлъ давать;—пишетъ иркутскій лѣтописецъ;—исправники, коммиссары безъ доклада могли входить въ уборную, даже въ спальню. Взяточничество Агніи Ѳедоровны Трескиной было совершенно открытое. „Довольно странно было видѣть,—пишетъ тотъ-же иркутскій лѣтописецъ,—въ передней

сидящаго лакея, фаворита барыни самой, записывающаго, кто что принесъ, и толпу купцовъ съ кульками, со свертками, цибиками, анкерами и тому подобнымъ». Жители Иркутска, имѣвшія дѣла съ губернаторомъ, говорили, по отзывамъ старожиловъ: „вотъ, Агнесѣ Ѳедоровнѣ надо поклониться.—Купи мѣхъ соболій. Принесутъ мѣхъ, сторгуютъ его за пять, за шесть тысячъ, и мѣхъ возьмутъ, и деньги. Другому, третьему—тоже. Одинъ-то мѣхъ разъ 50 продавали".

Трескина брала соболями, муфтами,—разсказываетъ другой старожилъ,—взятки давали губернаторшѣ, проигрывая часто въ карты. „Она за взятки,—говорится въ воспоминаніяхъ Посельскаго,—раздавала мѣста; у нея былъ подставной—Третьяковъ. У нихъ въ гостинномъ дворѣ были и лавочки, гдѣ они продавали, что имъ надарятъ".

„Агнія Ѳедоровна жила въ связи съ Бѣлявскимъ, секретаремъ мужа, который управлялъ не только за Трескина, но и за Пестеля; онъ былъ также самый беззастѣнчивый взяточникъ. Кромѣ того, отличались взяточничествомъ главный довѣренный жены Трескина, Третьяковъ, вышеупомянутый нижнеудинскій исправникъ Лоскутовъ и засѣдатель Геденштромъ, человѣкъ образованный, но въ тоже время, по словамъ барона Корфа, „воръ, доносчикъ и развратникъ".

Такой порядокъ долженъ былъ прикрывать Трескинъ, учавствуя, конечно, и самъ въ наживѣ, какъ свидѣтельствуютъ историческіе матеріалы. Способы этой наживы были чрезвычайно разнообразны.

Иркутское купечество облагало самовольно иногороднихъ купцовъ сборомъ въ 160 руб. съ человѣка и всячески тормозило развитіе свободной торговли. Трескинъ прекрасно воспользовался такимъ настроеніемъ купечества и, содѣйствуя его интересамъ, не оставался въ накладѣ. Содѣйствіе-же свое купечеству онъ нерѣдко оказывалъ, попирая законъ. Такъ, заключивъ контрактъ съ купцами Ланинымъ, Поповымъ и Кузнецовым о продовольствіи города Иркутска мясомъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ, онъ въ слѣдующемъ году, по просьбѣ ихъ, возвысилъ продажную цѣну на мясо, а черезъ годъ поднялъ ее снова. Для увеличенія выгодъ купечества, Трескинъ почти совершенно прекратилъ свободную торговлю крестьянъ и стѣснилъ ихъ даже въ продажѣ на рынкѣ съѣстныхъ припасовъ. Купечество не могло не цѣнить таковыхъ дѣйствій Трескина и, хотя онъ раздавилъ, такъ сказать, наиболѣе видныя, вліятельныя и богатыя фирмы иркутскаго купечества,—Сибирякова, Мыльникова, Солдатова, Передовщикова, Киселева, Дудоровскихъ, Одуевскихъ и другихъ, тѣмъ не менѣе —купцы, современники Трескина, хвалили его управленіе.

Трескинъ и его подчиненные особенно потворствовали купечеству, торгующему пушниной. Напримѣръ, купцы Кандинскіе держали въ рукахъ весь Нерчинскій край и дѣлали, что хотѣли, съ крестьянами и инородцами. Давая промышленнику деньги или товаръ впередъ, подъ обязательство, напримѣръ, доставить имъ 1000 бѣлокъ по 20 копѣекъ, они договаривались, чтобы за доставленное число было уплачено по рыночной цѣнѣ; въ случаѣ недоставки шкурокъ, они быстро поднимали цѣну, не рѣдко до 1 рубля за бѣлку, и промышленникъ почти задаромъ оставлялъ имъ весь свой промыселъ. Не только промышленники, крестьяне и инородцы, но даже мелкіе чиновники были опутаны Кандинскими: доходило до того, что, забирая у нихъ товары, чиновники предоставляли имъ получать свое жалованье изъ казначейства...

Въ одномъ изъ разсказовъ, записанныхъ Вагинымъ, чиновникъ Курбатовъ говоритъ, что Трескинъ и приближенные къ нему земскіе чиновники больше пострадали за взятки. А взятки и Трескинъ, и всѣ его любимцы брали отлично,—пишетъ означенный Курбатовъ... Трескину Американская компанія каждый годъ дарила по два бобра, а бобры были тогда дороги, 500 и 700 рублей ассигнаціями. А у жены его была большая соболья муфта, соболей въ 12-ть. Вотъ какъ есть у кого до Трескина дѣла, идутъ къ Третьякову (наперстнику А. Ѳ. Трескиной); а тотъ и совѣтуетъ: чѣмъ его, говоритъ, подарить? деньгами—много надо, а ты лучше вотъ купи бобра, или муфту, да и подари. Такъ и дѣлали; стало быть и боберъ возвращался, и деньги приходили"...

Система казенныхъ подрядовъ при Трескинѣ, сопряженная съ разграбленіемъ казны посредствомъ непомѣрныхъ подрядныхъ цѣнъ, часть которыхъ шла на взятки, доходила до крайности. Купцамъ, попавшимъ въ милость къ Трескину, было не житье, а масляница,—выражается Вагинъ. Сославъ въ Нерчинскъ Иркутскаго голову М. Сибирякова, Трескинъ, впослѣдствіи, когда Сибиряковъ смирился, доставилъ его сыну Ксенофонту подрядъ на соль на 4 года за высокую цѣну, чѣмъ доставилъ ему случай нажить до милліона рублей. За то онъ не мало вымогалъ денегъ съ купцовъ подписками и пожертвованіями.

Кромѣ казны и купечества, Трескинъ съ своими помощниками безъ всякаго стѣсненія и совершенно открыто нагло эксплоатировалъ народъ, несравненно въ большей степени, чѣмъ это дѣлалось въ какой либо другой мѣстности Россіи. Мѣры правительства къ огражденію народа отъ притѣснителей оказывались недѣйствительными, потому что не находили сочувствуя въ исполнителяхъ.

Купцовъ, думавшихъ итти наперекоръ желаніямъ Трескина, онъ съумѣлъ опутать такъ, что они были отправлены въ ссылку

въ разныя мѣста. Особенно вопіющимъ противъ правды было дѣло Передовщикова, державшаго винный откупъ въ Сибири. Трескинъ желалъ, чтобы Переводщиковъ отказался отъ откупа и уговаривалъ къ тому его жену. Но когда они отказались на отрѣзъ, онъ предалъ Передовщикова суду по обвиненію въ злоупотребленіяхъ въ винномъ дѣлѣ за прошлое время, и когда предсѣдатель уголовной палаты Гарновскій и прокуроръ Петровъ протестовали противъ неправильнаго начатія дѣла, то оба были устранены по проискамъ Трескина: Гарновскій уволенъ отъ службы, а Петровъ переведенъ въ Тобольскъ.

Самоуправство, взяточничество и несправедливость Трескина и его любимцевъ вызвали недовольство въ населеніи и жалобы посыпались въ Петербургъ со всѣхъ сторонъ, что еще болѣе ожесточило Трескина, которому приходилось отписываться, и онъ не щадилъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ „клеветѣ" и доносѣ.

Между прочимъ, это обстоятельство погубило надворнаго совѣтника Пѣтухова, имѣвшаго несчастіе не понравиться Трескину за то, что онъ опротестовалъ незаконное рѣшеніе уѣзднаго суда, составленное въ угоду всевластному губернатору. Одинъ изъ чиновниковъ, нѣкто Приваловъ, представилъ Трескину черновую жалобу, яко-бы найденную имъ у Пѣтухова, которую послѣдній будто бы отправилъ въ Петербургъ. Пѣтуховъ подвергся невыносимымъ притѣсненіямъ, не вынесъ преслѣдованій несравненно сильнѣйшаго противника и сошелъ съ ума, будучи предварительно разлученъ съ семьею и сосланъ въ отдаленный Туруханскъ. А между тѣмъ—въ жалобѣ Пѣтухова выводились хотя и возмутительныя, но вполнѣ справедливыя вещи: тѣлесныя наказанія безъ суда лицъ, изъятыхъ отъ онаго по закону; насильственные закупы хлѣба; отдача подъ судъ чиновниковъ и купцовъ, почему либо не понравившихся губернатору; ссылка разныхъ лицъ безъ суда; злоупотребленія въ винной продажѣ; устраненіе лучшихъ чиновниковъ и возвышеніе недостойныхъ; бездѣйствіе генералъ-губернатора, передавшаго свою власть губернатору, и происходящая оттого беззащитность населенія, и проч., и проч. Вообще, изложенныя въ жалобѣ Пѣтухова обстоятельства ярко очерчиваютъ характеръ дѣятельности Трескина по управленію Иркутскою губерніею.

Сперанскаго съ трепетомъ ожидали въ Иркутскѣ. Послѣ полученія каждой почты,—разсказываетъ Иркутскій старожилъ С. С. Щукинъ,—къ Трескину собирались близкіе къ нему чиновники и разсуждали, какія принять мѣры къ смягченію грядущаго грознаго судіи. Какія принимались мѣры, сохранялось въ полнѣйшей тайнѣ. Во время одного такого конгресса упомянутый уже выше Третьяковъ, притворяясь, какъ всегда, простачкомъ, обратился къ губернатору съ вопросомъ:

— А что, ваше превосходительство, Михайло Михайловичъ ѣстъ хлѣбъ?

— Какъ-же, Алеша, не ѣстъ.

— А если ѣстъ, такъ трудно-ли будетъ съ нимъ познакомиться? Пусть кумъ Матвѣй (Геденштромъ) даетъ столько-то, Евстафій Ѳомичъ (бывшій иркутскій исправникъ Волошинъ) столько-то...

Такимъ образомъ, пересчиталъ всѣхъ и рѣшено было собрать, какъ тогда говорили, нѣсколько сотъ тысячъ рублей и поручить ихъ нижнеудинскому исправнику Лоскутову поднести при первомъ вступленіи Сперанскаго на границу Иркутской губерніи.

Лоскутовъ,—какъ уже было упомянуто выше,—не успѣлъ сказать и двухъ словъ, какъ уже былъ арестованъ. Но въ Иркутскѣ этого не знали и, сдѣлавъ распоряженіе о поднесеніи взятки новому сибирскому генералъ-губернатору, безкорыстному Михайлу Михайловичу, спокойно выжидали его прибытія. Только на всѣхъ станціяхъ находились казаки, которые должны были немедленно извѣщать о всѣхъ дѣйствіяхъ Сперанскаго...

Въ одно воскресенье, когда Трескинъ былъ въ соборѣ со всѣми значительными чиновниками, при выходѣ изъ церкви замѣтили карбасъ, приближающійся къ иркутскому берегу. На немъ были положены какія-то вещи; посреди стоялъ неизвѣстный казачій офицеръ и нѣсколько казаковъ. Кто-то съ набережной спросилъ—какія везутъ вещи? Офицеръ отвѣчалъ: имѣніе Лоскутова. Одинъ бывшій при этомъ чиновникъ почти вслухъ сказалъ: „первая батарея сбита". Трескинъ поблѣднѣлъ и поѣхалъ встрѣчать казачьяго офицера...

По пріѣздѣ Сперанскаго въ Иркутскъ, тотчасъ-же было назначено слѣдствіе и ревизія. Но жалобы въ Иркутскѣ сначала боялись даже подавать. При объявленіи Сперанскимъ, что Трескинъ устраненъ отъ должности, жители страшились, что впослѣдствіи онъ снова займетъ мѣсто и отомститъ. Трескинъ, кромѣ того, составилъ себѣ въ Иркутскѣ партію не только изъ чиновниковъ, съ которыми дѣлился, но и изъ купцовъ, съ которыми торговалъ. Когда-же увидѣли, что подавать жалобы не опасно, то онѣ послѣдовали въ страшномъ количествѣ. Число ихъ достигало до 300 въ день. Въ скоромъ времени въ Иркутскомъ казначействѣ была распродана вся гербовая бумага, такъ что дѣлались надписи на простой, употребленной вмѣсто гербовой. Крестьянамъ были разрѣшены словесныя жалобы и дворъ иркутской слѣдственной коммиссіи не могъ вмѣщать просителей. Сперанскому въ первое время приходилось „развивать клубокъ съ медленностію и великимъ терпѣніемъ", пока Трескинъ оставался на должности. „Корыстолюбивая. жадная монополія обличается гласомъ народнымъ,—писалъ Спе-

ранскій—но передъ закономъ должно обличиться законными мѣрами"...

Сперанскій успѣлъ открыть и разоблачить трескинскую организацію. 12-ти лѣтнее самовластное управленіе Трескина остановлено было предложеніемъ новаго генералъ-губернатора Иркутскому губернскому правленію. Оно состояло въ слѣдующемъ: „На основаніи Высочайше дарованной мнѣ власти предлагаю Иркутскаго гражданскаго губернатора Трескина устранить отъ своей должности". Затѣмъ, по рѣшенію Сибирскаго комитета отъ 26 января 1821 года Трескинъ былъ преданъ суду Правительствующаго Сената. Обращено было вниманіе и на любимцевъ и споспѣшниковъ Трескина. Коммиссія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ Цейера въ Иркутскѣ для раскрытія злоупотребленій, привлекла къ отвѣтственности до 216 лицъ; сумма однихъ частныхъ взысканій простиралась свыше 2-хъ милліоновъ рублей. „Все то, что о здѣшнихъ дѣлахъ говорили въ Петербургѣ,—писалъ Сперанскій,—не только есть истина, но—и это рѣдко бываетъ—истина не увеличенная". Злоупотребленія были такъ велики, что, по мнѣнію Сперанскаго, всякій другой край, менѣе обильный, былъ-бы подавленъ ими совершенно". „При открытіи злоупотребленій даже Цейеръ, человѣкъ съ добродушнымъ характеромъ,—говоритъ г. Вагинъ,—при видѣ незаконныхъ поступковъ, ожесточился, разстроилъ свое здоровье, сдѣлался мрачнымъ нелюдимомъ, стали опасаться за его разсудокъ". Положеніе Сперанскаго было не изъ легкихъ; онъ видѣлъ всю невозможность уничтожить зло, вкоренившееся годами. Онъ старался, по возможности, облегчить это положеніе.

На сколько Сперанскій успѣлъ въ этомъ, мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

Н. А. Гурьевъ.

(Продолженіе будетъ).

Повѣсть о черной лисицѣ.

(Окончаніе,—см. 1—IV кн. „Дорожника" за т. г.)

XI.

Оживленное зрѣлище представляла толкучка въ особенности тамъ, гдѣ предвидѣлся какой нибудь «фартъ», судя по ворохамъ пушного, выставленнаго на показъ явно, или скрытаго еще отъ глазъ въ пузатыхъ нерпьихъ мѣшкахъ, на чукотскихъ нартахъ. Вокругъ нартъ толпится народъ, какъ комаръ (по мѣстному сравненію). Продающихъ чукчей не видно за спинами этого народа. Вдругъ надъ головами толпы взвилась, какъ флагъ, огненно красная лисица,—„фартъ" какого нибудь юркаго ниж-

неколымца. Тамъ ворохъ черныхъ выпоротковъ *) выдвинется изъ толпы на чьихъ нибудь плечахъ; здѣсь огромная нерпья сума, набитая пушнымъ, сшитая изъ цѣльной кожи, точно живой тюлень, поползетъ по снѣгу вслѣдъ за какимъ нибудь расторговавшимся прикащикомъ, уложившимъ въ нее свою добычу; въ другомъ мѣстѣ, глядишь, волочится кипа оленьихъ шкуръ, влекомая чьей то рукой; въ третьемъ - станетъ на заднія лапы черный медвѣдь, представляемый какимъ нибудь одѣтымъ въ медвѣжью шкуру и довольнымъ своею шуткой, каюромъ.

Среди всего этого шуму, гаму и толкотни уныло похаживали юкагиры Василій и Ѳедотъ; торговать они не умѣли, да и товару у нихъ не было Они разыскивали своихъ знакомыхъ чукчей омолонской стороны, чтобы провести съ ними весело время и выпить на ихъ счетъ, и собирали полезныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ можно, въ случаѣ ежели понадобится, купить водки.

Вдругъ кто то дернулъ Василія за рукавъ. Онъ оглянулся назадъ: передъ нимъ стоялъ старый знакомый Александръ Ивановичъ Чурило.

Это былъ плечистый великанъ, футовъ шести, одѣтый въ чукотскій костюмъ: рубахѣ изъ пестраго пыжика, бѣлаго съ черными пятнами, отороченной чернымъ собачьимъ мѣхомъ, въ шароварахъ изъ оленьихъ камусовъ т. е. лапъ. Среди всѣхъ прикащиковъ, торговцевъ, каюровъ, толкавшихся въ крѣпостномъ дворѣ,—онъ выдавался своимъ ростомъ и еще тѣмъ, что онъ ходилъ съ непокрытой головой, безъ шапки, нося ее на ремешкѣ на плечахъ, на манеръ дорожной сумочки; черные всклокоченные волосы его были въ пухv. Въ чертахъ его лица не было ничего инородческаго: прямой красивый носъ, большіе сѣрые глаза, черные усы и борода, смѣлое самоувѣренное выраженіе лица,—все это показывало, что онъ не принадлежалъ ни къ людямъ омоцкихъ родовъ, ни къ обрусѣвшимъ чуванцамъ.

Онъ былъ невольный житель далекой сѣверной страны, но уже вполнѣ сжившійся съ нею и освоившійся съ мѣстными условіями. Онъ жилъ на заимкѣ Похотскъ, былъ женатъ на мѣстной жительницѣ, имѣлъ свой неводъ, лучшихъ собакъ во всей округѣ и славился какъ промышленникъ нерпъ. Онъ былъ человѣкъ до извѣстной степени интеллигентный, получившій нѣкоторое образованіе. За что онъ былъ сосланъ—неизвѣстно. Вѣроятно, за такіе качества и поступки, которыхъ ни каторга, ни ссылка, ни лютыя казни не уничтожаютъ, не искореняютъ, потому что причина ихъ кроется въ положеніи вещей, находя-

*) Выпоротокъ—только что родившійся олень; въ тундрахъ ихъ пропадаетъ очень много, оттого такое обиліе ихъ на чукот. ярмаркѣ.

щихся внѣ вліянія каждаго отдѣльнаго человѣка... Положеніе вещей, при которомъ Чурило былъ бѣденъ, униженъ, голоденъ, когда многіе другіе люди были богаты, знатны, сыты,—заставляло и его совершать поступки, за которые слѣдовали каторга, ссылка и проч. А здѣсь, на берегахъ Ледовитаго моря, положеніе вещей было совсѣмъ иное: всѣ были сыты, какъ и онъ, а онъ былъ сытъ, какъ и всѣ, некому было завидовать: онъ имѣлъ все, что имѣли другіе, и не совершалъ болѣе такихъ поступковъ, за которые слѣдовала ссылка. Самъ о себѣ онъ говорилъ, что его сгубила водка. И точно—онъ былъ преданъ Бахусу до такой степени, что самъ былъ не радъ этой преданности. Онъ велъ борьбу самъ съ собою, старался удаляться отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ продавалась водка, бѣжалъ отъ нея на берега Ледовитаго океана, но не могъ окончательно побѣдить самого себя. Во время ярмарки на Анюѣ, куда возилъ онъ купеческую кладь, онъ пропивалъ все, что зарабатывалъ въ теченіе года. Самъ беззаботный, безпечный, онъ любилъ жить съ безпечными людьми, веселиться, пѣть пѣсни. Въ пьяномъ видѣ жизнь казалась лучшей, чѣмъ въ трезвомъ... Теперь, бродя по толкучкѣ, онъ искалъ случая выпить съ друзьями, которыхъ не мало было у него среди чукчей, анадырщиковъ, юкагиръ и людей всѣхъ родовъ. Онъ искалъ того же, что и омолонщики, и потому очень обрадовался встрѣчѣ съ ними. Поговоривъ, они составили тройственный союзъ, и отправились на поиски. Поиски ихъ были удачны. Они встрѣтили знакомыхъ чукчей омолонской стороны и каждый изъ этихъ чукчей имѣлъ въ рукавѣ своей куфлянки какъ разъ то, чего недоставало тройственному союзу для покупки водки—песцовъ и лисицъ. Чукчи съ самаго утра слонялись по двору, дѣлали таинственные знаки каюрамъ, дергали ихъ за рукава и, показывая лисицъ и песцовъ подъ полою, тихонько спрашивали:

— Мимиль варкинъ? (Водка есть-ли?)

Но каюры отрицательно качали головами. „И для чего эти люди пріѣхали на ярмарку, когда у нихъ нѣтъ самого главнаго товару“—въ досадѣ думали чукчи. Они предполагали, что каюры нарочно врутъ, чтобы подороже продать водку, и сразу давали „тальпуку“—прибавляли по пучку бѣлокъ; но—все напрасно.

Чурило повелъ ихъ въ такое мѣсто, гдѣ не могло не быть водки,—въ домикъ, который занимала купчиха Елисавета, единственная (изъ образованныхъ дамъ) рѣшающаяся ѣздить по дурной дорогѣ на Анюй. Когда скрипнула дверь, эта энергичная особа закрыла флягу юбкой отъ нескромныхъ взоровъ, но, увидѣвъ скромные и умильные взоры чукчей, бросаемые на флягу, и всклокоченную голову Чурилы за плечами чукчей,—она успокоилась и приняла выжидательную позу. При видѣ фляги,

чукчи засверкали глазами, какъ голодные волки, Ѳедотъ, боясь разочароваться въ своемъ предположеніи, что поиски кончены, нагнулся къ флягѣ, обнялъ ее, приложилъ къ ней ухо и слегка толкнулъ ее. „Говоритъ", сказалъ онъ шопотомъ Василію, „не пустая, слышь-ка"! Пока Чурило велъ переговоры, чукчи вынули изъ подъ рубахъ лисицъ, бѣлокъ, песцовъ и бутылки и заявили, что желаютъ пробовать водку. Елисавета подала водку въ чашкѣ и зажженную свѣчу. Одинъ изъ чукчей отыскалъ лучинку, обмакнулъ въ водку и поднесъ къ свѣчѣ, но водка на палочкѣ не горѣла и, стекая внизъ на фитиль, тушила свѣчу. „Уйна, уйна, каремъ! *) Этой водки не беремъ, эта водка не пойдетъ въ голову, давай другую!" закричали чукчи и стали прятать лисицъ и песцовъ подъ куфлянки. Но Чурило велѣлъ имъ подождать, а самъ вступилъ въ дипламатическіе переговоры съ Елисаветой, убѣждая ее дать крѣпкую водку и обѣщая ей напередъ „тальпуку". Энергичная дама налила изъ другой меньшей посуды и водка выдержала установленную пробу и тогда сдѣлка состоялась: за каждую бутылку по 1 лисицѣ и песцу. Недовѣрчивые дикари пробовали каждую бутылку; потомъ налили по полной чашкѣ всѣмъ членамъ тройственнаго союза и сами выпили. Затѣмъ, вся компанія направилась къ домику Софрона, обрусѣвшаго чуванца, единственнаго постояннаго обитателя крѣпости, сторожившаго купеческіе дома, и тамъ устроили пирушку.

У Софрона уже гостилъ чукотскій король.

Онъ сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, окруженный чукчами и анадырщиками, отличаясь отъ всѣхъ своимъ пышнымъ одѣяніемъ. Весь увѣшанный на груди большими золотыми и серебряными медалями, полученными его предками отъ нѣсколькихъ государей, въ кафтанѣ, расшитомъ золотомъ, съ длинной драгунской саблей стараго образца у бока, въ черныхъ брюкахъ съ красными лампасами на выпускъ,—онъ походилъ на какого нибудь театральнаго шута, изображающаго въ маскарадѣ мишурнаго короля несуществующей державы. Сидя противъ камина, свѣтъ котораго падалъ на его блестки, онъ, казалось горѣлъ самъ: такъ свѣтились въ красныхъ лучахъ его золотыя медали, побрякивавшія при его малѣйшемъ движеніи, и золотое шитье, которымъ смѣло можно было бы экипировать цѣлый взводъ юнкеровъ какой угодно арміи. Насколько представителенъ былъ его парадный костюмъ, увѣшанный всѣми регаліями предковъ, настолько же непредставителенъ былъ онъ самъ. Средняго роста, сутуловатый, черноволосый, съ кривымъ глазомъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ самаго зауряднаго чукчи и могъ

*) Нѣтъ, нѣтъ не надо (чук.)

только импонировать своими регаліями. Осанка, впрочемъ, была бы очень горда, если бы не кривой глазъ, разрушавшій всѣ усилія лица придать себѣ важное и спѣсивое выраженіе. Это выраженіе лицо его усиливалось принимать только тогда, когда онъ былъ облеченъ въ свою парадную форму, когда онъ представительствовалъ: дѣлалъ визиты властямъ, совершалъ торжественные въѣзды въ крѣпость или въ городъ, судилъ свой „народъ". Въ обыкновенномъ чукотскомъ пыжиковомъ костюмѣ онъ держалъ себя просто, какъ простой смертный. Таково же было и отношеніе къ нему его подданныхъ. Они очень почтительно держали себя лишь тогда, когда онъ былъ облеченъ въ парадную форму и, стало быть, былъ въ нѣкоторомъ родѣ лицомъ оффиціальнымъ; но лишь только онъ снималъ ее, чукчи относились къ нему совершенно также, какъ къ другимъ своимъ соплеменникамъ, и даже возражали ему, когда онъ по ихъ мнѣнію ошибался. Это доказываетъ, что дикіе чукчи не лишены нѣкоторыхъ добродѣтелей, которыя не мѣшало бы перенять ихъ просвѣтителямъ, подобострастно относившимся ко всякому засѣдателю (а засѣдатели въ Якутской области еще очень напоминаютъ „куроцаповъ" добраго, стараго времени) и не осмѣливающихся возражать ему даже и тогда, когда онъ одѣтъ въ халатъ...

Чурило, много разъ и прежде угощавшій чукотскаго короля тѣмъ напиткомъ, который сгубилъ его, поздоровался съ королемъ пожатіемъ руки и помѣстился у стола недалеко отъ него, а чукчи и юкагиры, поклонившись издали, сѣли около порога на оленью шкуру, поджавъ подъ себя ноги, по турецки.

Когда они вынули изъ подъ рубахъ бутылки, пріятная улыбка просіяла на лицѣ короля и онъ освѣдомился у Чурило, горитъ-ли огненная вода, какъ слѣдуетъ, или тушитъ свѣчу, какъ всякая негодная вода. Всѣ анадырщики и чукчи, при видѣ бутылокъ, такъ засверкали глазами, что, казалось, свѣтъ камина померкъ въ этомъ сверканіи. Чурило велѣлъ подать чайныя чашки и налилъ первую и самую большую чашку королю, а потомъ всѣмъ бывшимъ тутъ людямъ: юкагирамъ съ Омолона, чуванцамъ съ Анадыра, чукчамъ Алойской, Чуанской и Омолонской стороны... И, Боже мой, что за пирушка началась тогда въ домѣ чуванца Софрона!

Съ какимъ восторгомъ, забывъ все на свѣтѣ, пировали всѣ эти безпечные люди! Безъ преувеличенія можно сказать, что они были гораздо счастливѣе всѣхъ этихъ Иннокентіевъ Николаевичей, Ивановъ Лукичей, которые бѣгали въ то время, высунувъ языкъ, изъ лавки въ домъ и изъ дома въ лавку; покупали, продавали, огорчались, завидовали другъ другу и вели неутомимую борьбу за промыселъ дикихъ людей; и если веселились, то

за карточнымъ столомъ, волнуясь и ссорясь между собою за цвѣтныя бумажки, не имѣвшія въ глазахъ дикихъ людей никакой цѣны. Чукотскій король, чтобы не стѣснять народъ, снялъ свои регаліи, надѣлъ ровдужную рубаху и подсѣлъ къ народу на полъ, на оленью шкуру. Выпивъ нѣсколько чашекъ, онъ почувствовалъ приливъ краснорѣчія, потребность высказаться по поводу текущихъ дѣлъ и держалъ къ своему народу рѣчь, приблизительно такого содержанія, какъ та, которую держалъ къ депутатамъ еврейскаго народа сынъ блаженной памяти царя Соломона, Ровоамъ, когда его выбирали царемъ въ городѣ Сихемѣ.

— Мой отецъ былъ грозенъ и наказывалъ васъ моржовыми ремнями, а я добръ съ вами, но буду наказывать васъ китовыми ремнями. Сегодня коммисаръ *) спрашивалъ меня, за что это вырѣзали чукчи чукчей на Шалацкомъ мысу? Развѣ мнѣ пріятно было это слушать? Что могъ я отвѣтить ему? Узнаетъ великій бѣлый царь, что вы другъ друга бьете, что подумаетъ онъ о васъ? Разгнѣвается на меня за то, что я не могу унять васъ, и лишитъ меня своихъ милостей. А отчего все это? Я былъ добръ съ вами и не наказывалъ васъ. Теперь буду васъ чаутами **) вязать и безъ милосердія ремнями хлестать, какъ дикихъ оленей.. ***)

— Такъ ихъ и надо! катай ихъ, катай! подливали въ огонь масла анадырщики.

Случившійся тутъ бывшій полицейскій писарь Поль, тонкій высокій человѣкъ, похожій на холостую селедку, взялъ на себя смѣлость доложить, что не мѣшало бы виновныхъ забить въ кандалы и препроводить на судъ къ исправнику, на что Чурило возразилъ, что въ тундрахъ не принято надѣвать кандаловъ, что чукчи не подлежатъ суду правительства, а судяться своимъ судомъ, что стыдно ему, полицейскому крючку, не знать объ этомъ. Чукчи поникли головами, слушая упреки короля. Хотя они хорошо знали, что никогда онъ не будетъ ихъ бить ни моржовыми, ни китовыми ремнями, а соберетъ народное собраніе для суда надъ виновными, но имъ тоже было стыдно за шалацкую исторію.

Когда бутылки были опорожены, Чурило позаботился о томъ, чтобы *продолженіе* послѣдовало, на что одинъ изъ чукчей далъ

---

*) Коммисаръ—исправникъ.

**) Чаутъ—арканъ, которымъ ловятъ оленей.

***) Чукотскій король дѣйствительно былъ очень огорченъ тѣмъ, что на Шалацкомъ (Шелагскомъ) мысу случилось побоище: два или три лагеря было вырѣзано. Онъ сильно упрекалъ свой народъ, такъ что народъ рѣшилъ наказать виновныхъ смертью, или выдать ихъ русскимъ властямъ (Это побоище случилось въ 1891 году).

сиводушку, другой двѣ огневки лисицы, одинъ изъ анадырскихъ чуванцевъ три ровдуги и человѣкъ неизвѣстнаго рода песца. Съ этимъ всѣмъ была отправлена къ Елисаветѣ депутація подъ начальствомъ Чурило, какъ самого тонкаго дипломата и самого опытнаго въ опредѣленіи крѣпости огненной воды. Чашки были вновь наполнены и выпиты и измѣнили направленіе мыслей въ головѣ короля. Онъ повеселѣлъ и крикнулъ „ого—го"; за нимъ всѣ чукчи крикнули тоже самое; ломуты крикнули: „ху—гой", «хэгейге». Скоро такой вой поднялся въ домѣ Софрона, какого не бываетъ въ самомъ пеклѣ. Люди въ мохнатыхъ одеждахъ, съ разгоряченными лицами, съ блестящими глазами ревѣли, визжали, гримасничили;—еще минута, казалось, и они возьмутся за руки и начнутъ такую дикую пляску, отъ которой развалится изба Софрона. Но Чурило не допустилъ до этого. Онъ сталъ водворять порядокъ, предложилъ королю приказать чукчамъ замолкнуть, прекратить безтолковый ревъ, а юкагирамъ и обрусѣвшимъ чуванцамъ предложилъ пѣть русскія пѣсни, позабавить короля стройнымъ пѣніемъ.

Какихъ только пѣсенъ не пѣли они!

Чурило спѣлъ соло, съ большимъ чувствомъ арестантскую пѣсню. Онъ пѣлъ такимъ громовымъ басомъ, отъ котораго тряслись стѣны избушки. Чукчи удивились силѣ этого пѣнія. „Вотъ у кого бы научиться пѣть нашимъ шаманамъ! Такимъ голосомъ не стыдно разговаривать съ духами", думали они про себя, слушая пѣсню Чурилы. А онъ забылъ все въ мірѣ и весь отдался чувствамъ и образамъ, которые будила въ немъ пѣсня.

Послѣдній день красы моей,—
Угаснетъ божій свѣтъ.
Увижу море... море, небеса,
А родины ужъ нѣтъ!

Пѣлъ Чурило и передъ его глазами, полными тоски и грусти, устремленными куда то вдаль, точно онъ видѣлъ что-то сквозь стѣны, вставало море, на которомъ онъ промышлялъ тюленей, грозное, таинственное, невѣдомое; лѣтомъ—подобное лиловой тучѣ, окутывающей загадочную даль, куда можно залетѣть лишь на крыльяхъ фантазіи, куда можно заглянуть лишь мечтами; зимою—блещущее гранями ледяныхъ горъ, по которымъ, какъ по алмазнымъ ступенямъ, нисходитъ съ неба на землю сѣверное сіяніе; вставали небеса—мутныя, непроницаемыя; бѣлыя, какъ саванъ; давящіе тоской, •какъ сырыя стѣны тюрьмы... И родина, одѣтая зеленью, золотыя нивы со звономъ перепеловъ; тихіе вишневые садочки, гдѣ звучитъ пѣснь соловья серебряными трелями, въ серебряномъ свѣтѣ ясной ночи, наполняющей землю; и дремлющіе пруды, усаженные тополями;

и тихія слова любви, нѣжнымъ шопотомъ замирающія въ гущѣ листьевъ, колеблемыхъ вѣтеркомъ, и любящія улыбки матери, и румянецъ молодыхъ, знакомыхъ щекъ, и блескъ молодыхъ, знакомыхъ глазъ, и грезы и мечты о счастьи—все, что онъ потерялъ на вѣки, что заснуло въ душѣ, почти умерло въ снѣгахъ и льдахъ, испуганное, заглушенное ледянымъ грохотомъ полярнаго моря! Онъ чувствовалъ и видѣлъ все это; его глаза наполнились слезами, но никто изъ дикихъ людей не понималъ того, что чувствовалъ пѣвецъ... Только юкагиръ Василій, поэтъ въ душѣ, толкнулъ тихонько въ бокъ Ѳедота и шепнулъ ему: „бѣдный Александръ Иванычъ, вспомнилъ родину и затосковалъ“... И полицейскій писарь Поль, бывшій повстанецъ, нервно вздрогнулъ, безпокойно заметался на лавкѣ и уронилъ на полъ чашку съ водкой, которую держалъ въ рукахъ...

Потомъ пѣли юкагиры, Василій и Ѳедотъ, про „зорю—зореньку“, пѣли каюры и люди Омоцкихъ родовъ перваго и второго; пѣли разныя пѣсни и такія, которыя поются вездѣ, и такія, которыя пѣлись когда то въ центрахъ культурной жизни, но теперь исчезли тамъ и живутъ въ устахъ людей только по медвѣжьимъ угламъ, и такія, что нигдѣ не пѣлись и не поются, кромѣ береговъ Колымы и другихъ полярныхъ рѣкъ. Изъ послѣднихъ самую замѣчательную пѣсню спѣли казаки, удалые, бывалые казаки, много разъ въ своей жизни изъѣздившіе трудную дорогу отъ береговъ Ледовитаго моря до областного города и дальше—назадъ отъ цивилизованныхъ олекминскихъ пріисковъ до границъ дикой чукотской земли. Эта пѣсня родилась на берегахъ Яны, но быстро распространилась по всѣмъ угламъ необъятной полярной окраины.

Вотъ эта пѣсня:

Былъ августъ—первое число,
Когда я взялся за весло,
И внизъ по Янѣ по рѣкѣ
Помчался въ легкомъ челнокѣ.

Погода тихая стояла,
Съ востока вѣялъ вѣтерокъ,
И Яна тихо колыхала
Струями утлый мой челнокъ.

Мой путь лежалъ въ тотъ край далекій,
Гдѣ Яна шире и быстрѣй,
Гдѣ по долинамъ въ вѣкъ глубокій,
Бродилъ гигантъ минувшихъ дней.

Вотъ баранунскія поляны
Къ себѣ мой приковали взоръ,—
Тамъ, гдѣ виднѣлись великаны
Отроговъ верхоянскихъ горъ.

Вотъ предо мною промелкнули
Юрты и табуны кобылъ
И въ густой листвѣ потонули,
А я все дальше, дальше плылъ.

Нигдѣ не видно здѣсь селенья,
Не слышно шуму голосовъ,
Но услаждаетъ слухъ мой пѣнье
Пернатыхъ лиственныхъ лѣсовъ.

. . . . . .
. . . . . .
Печальный видъ долины Яны:
Болота, кочки и листва.

Невольно вспомнилъ я иные,
Рѣки родимой берега,
Гдѣ блещутъ нивы золотыя,
Сады, зеленые луга...

Невольно вспомнилъ я, угрюмый,
За что въ цѣпяхъ я вѣкъ страдалъ.
И вдругъ подъ гнетомъ тяжкой думы
О краѣ миломъ зарыдалъ.

Но дико пѣснь моя звучала,
Вторилъ ей вѣтеръ, шумъ лѣсной;
А Яна дальше челнъ мой мчала,
Плеская мутною волной... *)

. . . . . .
. . . . . .

Казаки спѣли отлично и удостоились благодарности чукотскаго короля. Была послана депутація къ Елисаветѣ и вновь принесла огненную воду да на этотъ разъ такую, что не только ничего не зажигала, но сама тушила то, что горѣло. Но никто уже не обратилъ на это вниманія: запахъ огненной воды опья-

*) Пѣсня, приводимая здѣсь, очень популярна на берегахъ трехъ полярныхъ рѣкъ: Яны, Индигирки, Колымы. Она имѣетъ еще нѣсколько куплетовъ. Точками обозначены забытыя слова.

Авторъ.

нялъ дикихъ людей. Они пили, пѣли, веселились до тѣхъ поръ, пока не пришло время запирать ворота крѣпости. Чукчи увезли короля въ безчувственномъ состояніи, какъ колоду, плашмя на нартѣ; долго за крѣпостью раздавался дикій крикъ „го—го“! и стихъ только тогда, когда вся свита короля скрылась въ ущельи за рѣкою Анюемъ.

Но Чурило, казаки, обрусѣвшіе чуванцы, юкагиры всѣхъ родовъ пировали всю ночь.

До утра гремѣли пѣсни въ избушкѣ чуванца Софрона; мощные голоса потрясали морозный воздухъ, переносились за ограду крѣпости и черезъ поляны и перелѣски, по воздушному простору, въ долинахъ луннаго свѣта долетали до лагерей чукчей, А возбужденная пѣньемъ людей, вся тысячеголовая стая собакъ. привязанныхъ у крѣпостнаго забора, начинала, въ свою очередь, концертъ. Люди запѣвали, а собаки подхватывали припѣвъ изступленнымъ воемъ. Этотъ вой повторяло эхо въ горахъ странными раскатами, похожими на смѣхъ, на стонъ... Казалось, что духи пустыни перекликаются между собою, носясь въ туманныхъ облакахъ, закрывающихъ звѣзды, въ безпредѣльномъ просторѣ чукотской земли....

XII.

На берегахъ Колымы было нѣсколько Ивановъ Лукичей и всѣ они, конкурируя между собой, явились къ началу ярмарки въ крѣпость: и Иванъ Лукичъ тотъ, который заикался, и другой, извѣстный тѣмъ, что любилъ говорить правду, и третій, извѣстный тѣмъ, что любилъ врать, въ особенности тогда, когда разсказывалъ про свои охотничьи подвиги. Не было только одного Ивана Лукича, того, который злилъ всѣхъ своихъ конкуррентовъ тѣмъ, что успѣлъ раньше всѣхъ узнать о необычайномъ фартѣ Василія и умѣло воспользоваться имъ.

На Крестахъ, на одной изъ станцій по дорогѣ въ крѣпость, онъ заболѣлъ, чѣмъ очень обрадовалъ своихъ конкуррентовъ; такъ какъ можно было разсчитывать, что онъ пропуститъ ярмарку и, стало быть, однимъ добытчикомъ пушнаго будетъ меньше. Съ вечера Иванъ Лукичъ былъ совсѣмъ здоровъ. Въ той же избѣ, гдѣ онъ расположился ночевать, остановились отдохнуть еще два конкуррента. Поставили водочку, выпили, закусили и почувствовали потребность поговорить, повеселиться. Но такъ какъ всѣ они были полны заботъ о томъ, какъ бы получше завладѣть промысломъ дикихъ людей, то и не могли веселиться такъ безпечно, какъ веселились юкагиры. Опять же не сидѣть въ хорошей, что называется, компаніи, какъ совы, выпучивъ глаза одинъ на другого. Они занялись бесѣдой о го-

родскихъ событіяхъ, изъ которыхъ самымъ интереснымъ была ссора тети Ани съ дядей Ѳедоромъ, чѣмъ было огорчено все порядочное общество. Дядя Ѳедоръ обругалъ тетю Аню ростовщицей, а такъ какъ это была правда, то эта дама очень обидѣлась и дала слово, никогда не бывать въ домѣ у дяди Ѳедора; чтобы не остаться у нея въ долгу, дядя Ѳедоръ далъ себѣ такое же слово, и отъ этого произошелъ ущербъ для порядочнаго общества, такъ какъ тетя Аня не хотѣла бывать тамъ, гдѣ бывалъ ея врагъ, и послѣдній платилъ ей тѣмъ же. Къ тому же Аня, какъ дама горячая, подала при содѣйствіи благороднаго человѣка изъ ссыльныхъ прошеніе на своего обидчика. Всѣ въ городѣ были заинтересованы, чѣмъ кончится эта ссора. Собесѣдники Ивана Лукича высказали болѣе или менѣе остроумныя предположенія по этому поводу и уѣхали. Иванъ Лукичъ, засыпая, долго размышлялъ по этому-же поводу и размышлялъ, какъ разумный и разсудительный человѣкъ. Ссора, такъ огорчавшая все порядочное общество, имѣла,—такъ показалось Ивану Лукичу, и хорошія стороны: она давала обществу матеріалъ для разговоровъ. Вѣдь, право, не о чемъ было бы и говорить, если-бы отъ времени до времени люди не ссорились и не мирились между собою. Какъ премудро устроенъ свѣтъ! Не будь ссоръ между людьми, народами, племенами—изъ за земли, власти, вѣры,—право, было бы скучно жить на свѣтѣ и толстыя книги, въ которыхъ записаны занимательныя подробности этихъ ссоръ и примиреній, уменьшились бы на половину, а можетъ быть—и совсѣмъ не существовали бы. И тогда, въ чемъ люди черпали бы поученья для себя въ горестяхъ, въ чемъ находили бы утѣшеніе въ ожиданіи грядущихъ золъ? Такъ разсуждая, онъ заснулъ. Вдругъ ночью съ нимъ сдѣлался кошмаръ. Ему показалось, что по стѣнѣ ползетъ огромный тараканъ и ползетъ прямо на него. Онъ хотѣлъ раздавить таракана, но не могъ поднять руки. Глядь! тараканъ началъ расти и занялъ всю стѣну; выросши, онъ вдругъ прыгнулъ на полъ и расшаркался совсѣмъ такъ, какъ расшаркиваются передъ крупными покупателями купцы. Сначала Иванъ Лукичъ очень удивился тому, что такое неповоротливое животное и при томъ гнуснаго вида, кланяется такъ хорошо, что хоть бы кому у него поучиться, но, замѣтивъ, что у таракана—человѣчьи ноги, онъ пересталъ удивляться. Сверху ногъ показался животъ, облеченный въ знакомый жилетъ, поверхъ жилета появился знакомый сюртукъ, а поверхъ всего этого знакомое лицо... Никто иной, какъ Ѳеофанъ Иннокентьевичъ пришелъ отнимать спрятанное „пышное“, а въ ящикѣ, какъ на грѣхъ, у него спрятана чернобурая лисица, которую онъ вмѣстѣ съ прочимъ пушнымъ обѣщалъ сдать Иннокентію Николаевичу въ анюйской крѣпости.

— Покорно благодаримъ... милости просимъ... еще чего не прикажите-ли... говоритъ Феофанъ Иннокентьевичъ свои обычныя фразы, точно передъ нимъ стоитъ покупатель.

Онъ кланяется; кланяется и покупатель, котораго Иванъ Лукичъ еще не видитъ Шесть разъ поклонился Феофанъ Иннокентьевичъ: должно быть, покупатель-то важный!..

— Что же вы, Иванъ Лукичъ, такую знаменитую лисицу отъ меня скрыли, говоритъ дальше Феофанъ Иннокентьевичъ, обращаясь уже къ нему,—позвольте посмотрѣть, сдѣлайте одолженіе.

Съ этими словами онъ протягиваетъ руку къ подушкѣ, вынимаетъ оттуда ключъ и открываетъ ящикъ, стоящій у изголовья. А Иванъ Лукичъ не можетъ повернуться, точно его заковали по рукамъ и по ногамъ. Онъ хочетъ сказать, что онъ не согласенъ дать ключь, хочетъ крикнуть людей на помощь, но не можетъ... губы его шевелятся, а голоса не слышно. Феофанъ Иннокнитьевичъ порылся въ ящикѣ и вытащилъ лисицу. Вся изба освѣтилась ею.

— Благодарю покорно, на предки милости просимъ,—еще чего не прикажите-ли? говоритъ Феофанъ Иннокентьевичъ, какъ бы обращаясь къ покупателю, и прячетъ лисицу въ свое портмонэ.

„Тьфу, ты пропасть!“ думаетъ Иванъ Лукичъ, „какъ это, такая большая шкура съ пушной шерстью и съ пышнымъ хвостомъ, да вошла въ маленькое портмонэ“. Но это случилось потому, что лисица вдругъ обратилась въ то, во что оцѣнили ее люди, въ 10 сторублевыхъ бумажекъ, и эти всѣ бумажки забралъ Феофанъ Иннокентьевичъ себѣ, а ему, Ивану Лукичу, за всѣ его труды, за всѣ его хитрости, съ помощью которыхъ онъ добылъ лисицу,—отвѣсилъ нѣсколько поклоновъ, точно онъ былъ покупатель. „Вотъ и ищи правды на свѣтѣ“.

Иванъ Лукичъ проснулся, весь облитый холоднымъ потомъ; въ спинѣ у него была страшная боль, голова пылала... А въ ушахъ еще звучалъ голосъ Феофана Иннокентьевича: „еще чего не прикажите-ли“; въ глазахъ еще рябило отъ радужныхъ бумажекъ, точно все это было на яву. Казалось, онъ слышалъ еще стукъ двери, которой, уходя, хлопнулъ Феофанъ Иннокентьевичъ.

На очагѣ слабо догорали угли, подернутые зыбью фіолетовыхъ огоньковъ. Слабымъ голосомъ Иванъ Лукичъ позвалъ своего каюра, спавшаго на другомъ оронѣ (полати), велѣлъ ему открыть ящикъ и придвинуть къ постели. Съ трудомъ приподнялся онъ на локоть и заглянулъ въ ящикъ: лисица была на своемъ мѣстѣ. У него отлегло отъ сердца, но тѣлу не стало легче. Все тѣло болѣло, точно онъ упалъ откуда-то и поломалъ себѣ кости. Онъ велѣлъ каюру варить чай, а самъ погрузился въ свои мысли. Невеселыя это были мысли!

Вотъ угораздило заболѣть не кстати. Теперь время спѣшное, „ускорное“; если пролежишь еще денька три, тогда какъ разъ по окончаніи ярмарки въ крѣпость угодишь. Все „пышное“, которое привезли для него его друзья чукчи, заберутъ другіе. „И то люди радуются, что меня нѣтъ! Надо постараться какъ нибудь оправиться“.

Онъ напился горячаго чаю, укрылся потеплѣе и, лежа неподвижно, старался убѣдить самого себя въ томъ, что онъ здоровъ, что все это пустяки, что скоро онъ поднимется, велитъ запречь собакъ и помчится въ крѣпость. Но больное тѣло не поддавалось никакимъ увѣщаніямъ и упорно отказывалось дѣлать то, что повелѣвалъ разсудокъ. Его лицо горѣло, какъ искусанное комарами; его тошнило, точно послѣ неумѣреннаго потребленія водки, а между тѣмъ—наканунѣ онъ выпилъ двѣ, три рюмки. Дѣло плохо; видно, онъ серьезно боленъ, а лечить здѣсь не кому. Въ городѣ, покрайней мѣрѣ, фельдшеръ, а тутъ кто же лечить будетъ? Ужъ не обратиться ли къ шаману? Самъ Феофанъ Иннокентьевичъ не разъ обращался къ шаману. Досадно было Ивану Лукичу лежать здѣсь въ то время, какъ другіе уже приближаются къ цѣли. Одна мысль засѣла ему въ голову: другіе успѣютъ, а онъ не успѣетъ, что же это?

Къ вечеру ему стало хуже и онъ совсѣмъ палъ духомъ. Кончено; теперь ярмарку онъ пропуститъ; все пушное, которое привезено для него, достанется другимъ. Передъ его глазами вставали шумныя и пестрыя картины ярмарки. Раньше, когда онъ былъ здоровъ, онъ не могъ вызвать въ умѣ этихъ картинъ, примелькавшихся и надоѣдавшихъ ему, впродолженіи многихъ лѣтъ его торговой дѣятельности; а теперь, когда онъ заболѣлъ и не могъ быть среди нихъ, эти картины встали въ умѣ и проходили въ немъ цѣпью веселыхъ, оживленныхъ сценъ; манили къ себѣ, какъ заманчивые сны. Онъ видѣлъ, какъ солнце поднималось надъ крѣпостью, разомъ загораясь на бѣлыхъ вершинахъ, и разгоняло туманы залпами огненныхъ лучей; какъ выходили купцы изъ своихъ домиковъ и растворялись ворота, впуская въ крѣпость толпу чукчей въ мохнатыхъ одеждахъ, въ пестрыхъ, американскихъ рубахахъ, группы ламутовъ, увѣшанныхъ блестками, верхомъ на оленяхъ; чукотскаго короля съ его свитой; видѣлъ, какъ чукчи дѣлаютъ таинственныя знаки купцамъ и каюрамъ, вынимаютъ изъ подъ куфлянокъ песцовъ и лисицъ, получаютъ взамѣнъ огненную воду и пьютъ съ юкагирами въ домикѣ Софрона;—словомъ, все то, что описано уже въ предъидущихъ главахъ.

Мрачное настроеніе овладѣло имъ. Онъ всегда старался имѣть больше, чѣмъ имѣли другіе люди, а теперь онъ дожилъ до такого момента, что не имѣлъ и того, что имѣли всѣ окру-

жающіе его люди: не имѣлъ силы подняться и ѣхать, чтобы принять участіе въ той лихорадочной погонѣ за промысломъ дикихъ людей, которая происходитъ теперь въ крѣпости. Если всѣ доживаютъ когда нибудь до такого момента, если невозможно имѣть всегда больше другихъ, то зачѣмъ и стремиться къ невозможному? Зачѣмъ пріобрѣтать всѣ блага жизни, когда онѣ неизбѣжно должны кончиться когда нибудь для всякаго человѣка, будь онъ хоть семи пядей во лбу?... Но въ жизни все устроено такъ, что люди всегда забываютъ именно про этотъ самый важный моментъ въ ихъ жизни. Если бы они помнили о немъ всегда, то откуда бы у нихъ бралась сила бороться ожесточенно и отнимать другъ у друга всѣ земныя блага? Постоянная мысль о смерти убила бы въ нихъ охоту вести эту борьбу, пріобрѣтать мѣха, стада, деньги, почетъ... Не странно ли, что люди, которые могутъ умереть каждую минуту, дѣйствуютъ такъ, какъ будто они будутъ жить вѣчно?...

Такія мысли думалъ Иванъ Лукичъ, слушая какъ за перегородкой смѣются и разговариваютъ люди, изъ которыхъ каждый имѣетъ больше, чѣмъ онъ, потому что всѣ они могутъ двигаться, ходить и ѣхать куда имъ угодно, смѣяться и шутить; а онъ не можетъ всего этого дѣлать и лежитъ на полатяхъ, какъ ненужная рухлядь. Онъ понималъ, что всѣ эти мысли принадлежатъ исключительно больному Ивану Лукичу, что здоровый Иванъ Лукичъ смѣялся бы надъ этими несуразными мыслями; но такъ какъ здоровье его не поправлялось, то онъ не могъ вернуться къ здоровымъ мыслямъ: ему въ голову лѣзли мысли больного Ивана Лукича. Чтобы ихъ прогнать, онъ прислушивался къ тому, что говорили у камина и за перегородкой избы люди, которымъ онъ теперь завидовалъ, изъ которыхъ никто не помѣнялся бы съ нимъ теперь положеніемъ, даже если бы онъ далъ въ придачу чернобурую лисицу. Люди гововорили что то несуразное. Одинъ изъ нихъ, войдя въ избу и грѣя у камина руки, огромную тѣнь которыхъ огонь рисовалъ на противоположной стѣнѣ, сказалъ:

— Ча! холодно, а на дворѣ сполохъ играетъ и какъ чудно: надъ горою будто пожаръ, будто лѣса горятъ, но не краснымъ пламенемъ, а бѣлымъ, какъ горитъ мохъ въ лейкѣ у чукчей... и одно дерево, братъ, что на сѣверной горѣ, похоже на коня съ верховымъ... чудно!...

Ивану Лукичу показалось, что появленіе этого всадника съ конемъ на верху сѣверной горы не предвѣщаетъ ничего хорошаго, что между нимъ и этимъ всадникомъ есть какая то таинственная связь и ему непонять этой связи... Это знаменіе свыше!... Это смерть посылаетъ людямъ таинственные знаки, чтобы они приготовились встрѣтить ее...

Когда въ избѣ стало темно и тихо, и всѣ счастливые люди, которымъ завидовалъ Иванъ Лукичъ, легли спать, ему еще тяжелѣе стало, но онъ старался не стонать, точно боясь, чтобы по этому стону страшная гостья, которая бываетъ только разъ въ гостяхъ у каждаго человѣка,—не узнала, что пора посѣтить и Ивана Лукича. Онъ боялся нарушить тишину ночи, прерываемую только здоровымъ храпомъ каюра И какъ въ этой тишинѣ много ужаснаго! Кажется, кто то ходитъ по избѣ, крадится ощупью, хватаясь за стѣны... Еще минута—и этотъ кто то ухватится за его одѣяло, мазнетъ его по лицу холодной рукою...

Кажется, шепчется кто то подъ полатями, можетъ быть—это мыши грызутъ что то? Вотъ все смолкло; пересталъ кто то ощупывать стѣны, другой кто то пересталъ шептать. Страшно было, когда они шептались и щупали стѣны, но еще страшнѣе стало, когда они стихли, потому что они собираются сказать и сдѣлать что то страшное... Онъ готовъ отдать *имъ* чернобурую лисицу за то, чтобы они этого не говорили и не дѣлали. А можетъ быть—слѣдуетъ нанять шамана заклинать ихъ?..

И вотъ они, тѣ, что бродятъ въ темнотѣ ночи, послали ему воспоминанье, ужасное воспоминанье о томъ, какъ давно уже, лѣтъ 20 тому назадъ, умеръ его пріятель, въ дорогѣ, среди пустыни, вдали отъ родныхъ и знакомыхъ; умеръ при немъ, при Иванѣ Лукичѣ. Это было счастьемъ для его, пріятеля, дѣтей, потому что Иванъ Лукичъ не далъ якутамъ расхитить то, что принадлежало покойнику. Онъ давно забылъ объ этомъ событіи и вспомнилъ о немъ именно теперь, когда онъ самъ боится умереть и оставить въ памяти людей тоже самое ужасное воспоминанье, какое оставилъ о себѣ въ его памяти знакомый. Бѣлая, безплодная пустыня; снизу бѣлый снѣгъ, а сверху бѣлая пустота, потому что мутное, облачное небо, безъ огней, безъ цвѣтовъ, безъ красокъ, похоже на пустоту. По этой пустынѣ ѣдетъ караванъ навьюченныхъ лошадей; во главѣ каравана они двое, онъ и товарищъ, ѣдутъ въ погоню за наживой; они останавливаются въ хижинѣ и его товарищъ умираетъ. Три дня безнадежной борьбы съ болѣзнью и вотъ на его рукахъ мертвецъ, холодный, блѣдный, со страшно вытаращенными глазами, точно эти глаза хотѣли сказать что то въ моментъ, когда въ нихъ померкъ свѣтъ, хотѣли сказать то, что милліоны другихъ глазъ хотятъ сказать въ минуту смерти, но не могъ. Чтобы не думать о томъ, что хотѣли сказать эти тусклые застывшіе глаза, онъ поскорѣе закрылъ ихъ дрожащей рукой

Съ безотчетнымъ страхомъ поглядѣлъ Иванъ Лукичъ на сосѣдніе полати, окутанныя темнотой: ему показалось, что его память перенесла его самого на 20 лѣтъ тому назадъ въ ту же юрту, гдѣ лежалъ его товарищъ, холодный и блѣдный; что она

Дѣвичій институтъ и музей въ Иркутскѣ.

(Institut des demoiselles et le musée à Irkoutsk).

Кяхта (на Монгольско-Китайской границѣ)

(Vue de la bourgade de Kiachta).

вырыла мертвеца изъ его могилы и положила на другой оронъ рядомъ съ нимъ. Онъ опять разбудилъ своего каюра и велѣлъ ему затопить каминъ. Огонь запылалъ, затрещалъ, но не прогналъ его, внезапно воскресшихъ въ умѣ, воспоминаній.

Ему вспомнились похороны: гробъ, еле сколоченный изъ толстыхъ плохо выструганныхъ досокъ, якутъ верхомъ на конѣ, за сѣдломъ котораго волочилась нарта съ покойникомъ; узкая яма, страшно зіявшая своимъ темнымъ зѣвомъ, среди бѣлой снѣжной пустыни и глухіе удары желѣза о мерзлую землю, и огни камина, пробѣгающіе по лицу мертвеца, и тѣнь закрытыхъ рѣсницъ на блѣдныхъ ввалившихся щекахъ—все до мельчайшихъ подробностей вспомнилось ему... Память пробудила въ немъ все, что онъ видѣлъ, что чувствовалъ и слышалъ во время этихъ похоронъ. Слухъ его, казалось, повторялъ тѣ глухіе звуки, которые производила мерзлая земля, падая въ яму, на крышку гроба. Странно неслись эти звуки изъ глубины ямы, точно что то плакало и рыдало тамъ... Людямъ стало жутко отъ этихъ рыданій, стало страшно слушать ихъ и они всѣ бѣжали и онъ бѣжалъ вслѣдъ за ними...

Утомленный этими воспоминаніями, Иванъ Лукичъ забылся тяжелымъ сномъ. Его осаждали сновидѣнья, мелькая передъ нимъ безтолковыми обрывками воспоминаній о прошломъ, событій недавняго времени, всего того, о чемъ онъ думалъ въ послѣдніе дни.

Вотъ опять по стѣнѣ ползетъ что то странной формы, что невозможно сразу разглядѣть, трудно сразу отгадать, какая то тѣнь неизвѣстнаго. Это ползетъ мысль, а какая она—онъ разгадаетъ тогда, когда она заползетъ ему въ голову. Но она остановилась, не можетъ двинуться ни впередъ, ни назадъ, потому что ее съ одной стороны къ себѣ тащитъ Василій юкагиръ, а съ другой Феофанъ Иннокентьевичъ... Странно, что они спорятъ между собою за ничто, за мысль! А спорятъ они потому, что мысль вдругъ стала чернобурой лисицей; ничего нестоющая мысль сдѣлалась дорого стоющимъ предметомъ... Онъ, Иванъ Лукичъ, съ ними спорить не будетъ, потому что ему смѣшно теперь спорить изъ за такой малости, которая не можетъ помѣшать ему умереть... стать похожимъ на то, чѣмъ сдѣлался его товарищъ 20 лѣтъ тому назадъ... Вотъ трупъ его лежитъ на сосѣднемъ „оронѣ" и, кажется, самъ себѣ свѣтитъ въ темнотѣ... Но не онъ свѣтитъ, а чья то неизвѣстная рука держитъ фонарь; свѣтъ отъ фонаря падаетъ на лицо трупа съ вытаращенными глазами, похожими на глаза мертвой рыбы... да и самъ покойникъ вдругъ обратился въ рыбу, въ огромную нельму; нельму беретъ за долгъ Феофанъ Иннокентьевичъ и кланяется ей, и говоритъ: „еще чего не прикажете-ли?" точно нельма—не

нельма, а покупатель; и онъ не ошибся—нельма поднялась съ орона и начала раскланиваться сама съ Феофаномъ Иннокентьевичемъ и говоритъ: „возьмите меня въ довѣренные Феофанъ Иннокентьевичъ!“ „Очень пріятно-съ, еще чего не прикажете-ли“! отвѣчаетъ тотъ и подходитъ къ нельмѣ съ поклонами, а нельма подходитъ съ поклонами къ нему; такъ близко подходятъ они другъ къ другу, что, кажется, скоро расшибутъ себѣ лбы. Ивана Лукича взяло даже любопытство узнать—чей лобъ крѣпче, рыбій или купеческій. Ему хотѣлось смѣяться, но вдругъ онъ вспомнилъ, что ему самому предстоитъ умереть, лечь въ такую же узкую яму, въ какую онъ 20 лѣтъ тому назадъ положилъ останки товарища; эта яма уже близка передъ его глазами, она сама пришла къ нему, чтобы проглотить его и раскрыла пасть... но онъ не хочетъ лечь въ яму, онъ даетъ за себя выкупъ, бросаетъ въ яму чернобурую лисицу: яма исчезаетъ и онъ просыпается...

Ему сдѣлалось страшно. Онъ чувствовалъ приближеніе смерти и началъ молиться. Онъ молился горячо, но не тѣми словами, которыя онъ произносилъ каждый день, благодаря Бога за то, что ему удавалось за безцѣнокъ пріобрѣтать дорогіе мѣха. Эти слова казались ему недостаточно краснорѣчивыми для такого случая. Онъ молился мысленно; въ мысляхъ онъ обѣщалъ отдать все, что имѣетъ, за отсрочку той минуты, о которой онъ такъ мало думалъ въ жизни, отдать все—и мѣха и лисицу, которую онъ берегъ пуще глазъ своихъ, для того, чтобы при ней выгодно продать все пушное, добытое въ крѣпости... Дальше: онъ обѣщалъ построить часовню на станціи Кресты и много другихъ обѣщаній онъ хотѣлъ сдѣлать, но не могъ: силы оставили его, онъ пересталъ видѣть, слышать, чувствовать и погрузился въ забытье...

Утромъ каюръ и обитатели избы, найдя Ивана Лукича въ бреду, были очень испуганы и совершенно растерялись: „помретъ богатый человѣкъ, чего станутъ дѣлать? Какъ бы чего худого не подумали о насъ. Они хотѣли пригласить шаманаякута, живущаго вблизи, но его не было дома; онъ поѣхалъ на ярмарку, гдѣ, безъ сомнѣнія, былъ большой спросъ на его ремесло, и гдѣ онъ могъ гораздо дороже продать свои заклинанья, чѣмъ на мѣстѣ. Единственный на весь округъ фельдшеръ жилъ за 400 верстъ, въ городѣ. Помощи было неоткуда ждать и жители считали Ивана Лукича приговореннымъ къ смерти.

Но Иванъ Лукичъ не умеръ. Съ нимъ случилось то, что случилось съ человѣкомъ, шедшимъ изъ Іерусалима въ Іерихонъ, въ притчѣ о милосердномъ самарянинѣ. Ближніе Ивана Лукича, люди одной съ нимъ вѣры, одного общества, однихъ взглядовъ

на вещи, проходили мимо него, больного и всѣми покинутаго, ничѣмъ не желая помочь ему. Два, три запоздалыхъ купца по дорогѣ на ярмарку слышали, что Иванъ Лукичъ опасно заболѣлъ, но проѣхали мимо, не посѣтивъ его; они спѣшили въ крѣпость поскорѣе, чтобы кто-нибудь другой не захватилъ ихъ доли въ промыслѣ дикихъ людей... Наконецъ, въ избу заѣхалъ человѣкъ, котораго Иванъ Лукичъ не считалъ своимъ ближнимъ, человѣкъ чужой, сосланный изъ далекой земли въ страну мѣховъ и морозовъ. Въ городѣ Иванъ Лукичъ даже побаивался его; онъ былъ сосланъ за преступленіе, котораго Иванъ Лукичъ не понималъ и потому считалъ особенно тяжкимъ. Увидя больного Ивана Лукича, чужой человѣкъ, тоже спѣшившій на ярмарку не за тѣмъ, чтобы вести борьбу съ другими за промыселъ дикихъ людей, а просто, чтобы посмотрѣть ее,—остался въ избѣ и не поѣхалъ дальше. У него была съ собой походная аптека и онъ началъ лечить Ивана Лукича, лежавшаго въ тяжкой болѣзни...

Когда черезъ нѣсколько дней, переживъ кризисъ болѣзни, Иванъ Лукичъ взглянулъ сознательно на міръ Божій, онъ увидѣлъ, наклонившееся надъ нимъ, лицо чужого человѣка, лицо обрамленное окладистой русой бородой, оживленное парой большихъ голубыхъ глазъ. Сначала онъ подумалъ, что это продолженіе сновидѣній, но вскорѣ онъ узналъ и понялъ все.

— Не покидай меня, Андрей Григорьичъ, сказалъ онъ, когда уже окрѣпъ настолько, что могъ долго говорить. Помоги ужъ до конца... Я понимаю, что у тебя пропало много, потому что ужъ тебѣ къ ярмаркѣ въ крѣпость не попасть, какъ и мнѣ... Ничего для тебя не пожалѣю за труды твои...

— Со всякимъ на твоемъ мѣстѣ я поступилъ бы такъ, потому что это долгъ мой—помочь всякому, если я могу помочь... Ничего мнѣ за труды не надо. А теперь не разбондыривай, пока еще не окрѣпъ, а лежи смирно, отвѣтилъ сердито чужой человѣкъ.

— Какъ можно, какъ можно не поблагодарить! это будетъ грѣхъ для меня... сказалъ Иванъ Лукичъ и рѣшилъ про себя подарить Андрею Григорьевичу чернобурую лисицу. „Пусть помнитъ меня, какъ и я его буду всю жизнь помнить!“

Выздоровленіе шло быстро, дней черезъ пять Иванъ Лукичъ уже свободно прохаживался по избѣ. Онъ казался спокойнымъ, но въ немъ происходила борьба. Онъ боролся съ тѣми обѣщаніями, которыя онъ далъ во время болѣзни, прося Бога отдалить отъ него страшный моментъ смерти. Съ выздоровленіемъ всѣ прежнія мысли, больныя мысли начали мало-по-малу уступать мѣсто здоровымъ мыслямъ. Здоровый Иванъ Лукичъ не хотѣлъ исполнять того, что обѣщалъ больной. Эти два человѣка

какъ бы поселились въ немъ и начали между собой борьбу. За больного Ивана Лукича говорила совѣсть, за здороваго--разсчетъ, жадность къ наживѣ и много другихъ качествъ. Перевѣсъ явно клонился на сторону здороваго Ивана Лукича. Какъ загнанная, робкая совѣсть, призываемая на совѣщаніе только въ трудныя минуты жизни, могла устоять противъ цѣлой коалиціи чувствъ, желаній, страстей, повседневно обитающихъ въ душѣ Ивана Лукича? «Зачѣмъ лисица такому человѣку, какъ Андрей Григорьевичъ? Онъ развѣ съумѣетъ дать ей надлежащее употребленіе? Еще кому нибудь подаритъ, а то продастъ за безцѣнокъ какому нибудь купцу... Право, такъ!... А вѣдь досадно будетъ узнать, что эта прекрасная шкурка, которая стоила ему столько трудовъ, которая причинила ему столько заботъ, возбудила столько надеждъ,—попадетъ кому нибудь изъ его конкуррентовъ, и тотъ будетъ насмѣхаться надъ нимъ, Иваномъ Лукичемъ, называть его дуракомъ... Какой ударъ для самолюбія! Больной Иванъ Лукичъ еще могъ бы стерпѣть это, но здоровый—ни за что на свѣтѣ не стерпитъ этого... Ему представилось ехидное лицо Ивана Лукича заики, который будетъ трунить надъ нимъ. „Да, скажетъ онъ, я того... можно сказать, того.. дожилъ, того, до старости, а такого дурака, какъ Иванъ Лукичъ, не видалъ“... И всѣ скажутъ, что онъ правъ,—„такой рѣдкостный мѣхъ“.

Часовню онъ обѣщалъ построить на станціи Кресты... О, это могло только больному взбрести на умъ. Къ чему часовня?... Никто не ходитъ въ тѣ, которыя уже есть... сами попы не шибко горазды служить въ нихъ. Развѣ хоть одинъ изъ чукчей, которые пріѣзжаютъ въ Нижній пить водку, зайдетъ когда нибудь въ церковь. Новую ризу къ иконѣ Святителя Иннокентія, пожалуй, можно будетъ выписать... помаленьку, понемножку... „Поспѣшишь—людей насмѣшишь“ -говоритъ пословица... Да, вѣрно. А Андрею Григорьевичу, пожалуй, лучше денегъ дать: что неопытный человѣкъ будетъ дѣлать съ лисицей?..

Когда Андрей Григорьевичъ нашелъ, что больной настолько окрѣпъ, что можетъ обойтись безъ его помощи, онъ оставилъ ему нѣкоторыя лѣкарства и уѣхалъ въ Нижній. Выздоравливающій Иванъ Лукичъ еще разъ выдержалъ нападеніе больного Ивана Лукича. Совѣсть упрекнула его за его неисполненныя обѣщанія, но онъ нашелъ, что она разсуждаетъ очень глупо, что если слушаться всѣхъ ея наставленій, то никакой коммерціи и вести нельзя: гдѣ же при торговомъ дѣлѣ исполнять всегда свои обѣщанія? Здоровый Иванъ Лукичъ доказалъ себѣ, что больной Иванъ Лукичъ дуракъ и больше ничего. Андрею Григорьевичу онъ далъ 60 рублей за леченіе. Такъ какъ ярмарка уже окончилась и чукчи разъѣхались, то не имѣло смысла

ѣхать въ крѣпость; поэтому онъ отдалъ въ долгъ весь свой товаръ юкагирамъ и сосѣднимъ якутамъ и вернулся домой. Все свое „пышное", въ томъ числѣ и дорогую лисицу, онъ сдалъ главѣ торговаго дома Иннокентію Николаевичу; его же онъ попросилъ выписать серебряную ризу для иконы святителя Иннокентія. Ризу онъ пожертвуетъ въ церковь въ благодарность за исцѣленіе отъ болѣзни, благодаря которой онъ чуть было не лишился знаменитой лисицы, добытой юкагиромъ Василіемъ.

XIII.

По возвращеніи съ ярмарки Иннокентій Николаевичъ отправлялъ пушное въ Якутскъ, на другую ярмарку, гдѣ онъ долженъ промѣнять его на деньги и на товары. Нѣсколько подрядчиковъ—якутовъ съ сотнею лошадей давно уже ожидали полученія груза.

Домъ Иннокентія Николаевича обратился въ обширную кладовую всевозможныхъ мѣховъ. По двору на протянутыхъ веревкахъ и ремняхъ провѣтривались и просушивались бѣличьи шкурки, связанныя пучками; вѣтеръ развѣвалъ ихъ черные, пушистые хвостики; лисицы и песцы трепались по вѣтру, какъ красные и бѣлые флаги. Внутри дома въ залѣ и по всѣмъ комнатамъ валялись сѣрыя оленьи шкуры, черные „атласные" недоросли *), вороха выпоротковъ, тюки ровдугъ, громадные мамонтовые клыки. Тутъ были соболя, голубые песцы, морскія мыши, бобры, куницы,—вся фауна полярныхъ странъ, добытая трудомъ дикихъ людей. При взглядѣ на всѣ эти мѣха, возникало въ умѣ представленіе о громадныхъ снѣжныхъ полянахъ, голыхъ утесахъ, охваченныхъ туманами, о всѣхъ этихъ мрачныхъ пустыняхъ, которыя пробѣгали, охотясь на пушныхъ звѣрей, на лыжахъ, на оленяхъ, на собакахъ, дикіе люди, и днемъ и при блескѣ звѣздныхъ ночей, проходящихъ надъ сонной землею; возникало представленіе о пустынныхъ островахъ Ледовитаго моря, гдѣ найдены эти останки допотопныхъ гигантовъ. Въ домѣ шла укупорка пушнины; она требовала особыхъ приспособленій и снаровки. Къ кольцамъ, для этой цѣли вдѣланнымъ въ потолокъ, привѣшивалась на ремняхъ вымоченная сума изъ сыромятной кожи такъ, что слегка касалась пола. Суму на днѣ и по бокамъ застилали оленьими шкурами, недорослями, а затѣмъ укладывали пушное, помѣщая шкурки различныхъ звѣрей и ровдугу въ перемежку, для болѣе удобной укладки. Наложенные въ суму мѣха утаптывались деревяннымъ пестомъ такъ, чтобы нигдѣ между шкурокъ не осталось ни малѣйшей пустоты,

*) Недоросль—не достигшій полнаго роста олень.

поверхъ всего укладывалась ровдуга, а затѣмъ сума зашивалась по отверстію крѣпкими ремешками; тамъ, гдѣ кончался шовъ, оба конца ремешковъ завязывались крѣпкой ниткой, которая обматывалась вокругъ деревянной колодки и припечатывалась къ ней именной печатью. Такое печатанье равносильно пломбировкѣ. Зашитая сума еще „заповыривалась“ т. е. увязывалась крѣпкими ремнями. Туго набитыя сумы, высохши, становятся тверды какъ желѣзо; дождь, сырость и вѣтеръ не могли повредить заключенному въ ней грузу, съ которымъ она какъ бы сросталась. Такихъ двѣ сумы, вѣсомъ каждая около 3 пудовъ, составляютъ для одной вьючной лошади обыкновенный нормальный грузъ; съ такимъ грузомъ лошадь тянется шагомъ по болотамъ, кочкамъ, по горамъ и тундрамъ 3000 верстъ. Путь продолжается не менѣе 4 мѣсяцевъ.

Тутъ же, гдѣ шла укупорка подъ личнымъ наблюденіемъ самого Иннокентія Николаевича,—сидѣлъ конторщикъ и записывалъ укупориваемые мѣха въ черновую фактуру. Она переписывалась на-чисто и свидѣтельствовалась, за неимѣніемъ нотаріуса, въ полицейскомъ управленіи и посылалась почтой довѣренному въ Якутскъ. Дубликатъ фактуръ выдавался на руки подрядчикамъ. Когда кончалась укупорка одной сумы, конторщикъ громко свѣрялъ свои записи съ записями прикащиковъ. Обыкновенно, содержаніе записи приблизительно слѣдующее:

2 недоросля, 10 ровдугъ, 10 песцовъ, 10 красныхъ лисицъ, или сиводушекъ, 10 выпоротковъ, 1000 бѣлокъ, 5 бобровъ; иногда сюда прибавляютъ пару голубыхъ песцовъ, куницъ и проч.

Песцы разсортировывались по длинѣ шерсти, по возрастамъ звѣрей: голубые, бѣлые, недопески, синяки, чаяшники, крестоватики, норники.

При укупоркѣ одной сумы Иннокентій Николаевичъ вышелъ изъ своего кабинета, держа за спиной что-то, и нѣсколько торжественно возгласилъ:

— Одна чернобурая! запишите Константинъ Федоровичъ.

Онъ поднялъ руку и тряхнулъ лисицей; глаза всѣхъ присутствующихъ впились въ нее. Всѣ глаза какъ бы слились въ одинъ глазъ и этотъ глазъ засвѣтился любопытствомъ и изумленіемъ; его не могло отвлечь отъ лисицы появленіе на столѣ графина съ водкой, который въ другое время имѣлъ бы магическое дѣйствіе. Прикащикъ Трифонъ, съ бѣльмомъ на глазу, чихнулъ отъ изумленія, заморгалъ глазами, завертѣлъ бѣльмомъ, какъ колесомъ.

— Какъ! Неужели и ее вмѣстѣ съ прочими въ суму положимъ?..

— Да, по зрѣломъ размышленіи, рѣшилъ Иннокентій Николаевичъ. Какъ же быть иначе? Не довѣрять подрядчикамъ

нѣтъ основаній. Мы всецѣло въ ихъ рукахъ: все наше добро на 4 мѣсяца переходитъ къ нинъ и они не даютъ намъ никакихъ гарантій, кромѣ своего слова. Чѣмъ они могутъ пополнить растрату? Каждый конь везетъ на себѣ стоимость 30 такихъ коней. Но Богъ милуетъ насъ отъ хищеній и растратъ. Не бываетъ случая, чтобы ямщики или подрядчики нарушили печати или распороли сумы. Такъ не испорчены еще эти якуты! Правда, спиртъ они иногда потягиваютъ: провертятъ отверстіе во флягѣ и тянутъ черезъ деревянную трубочку... Иногда возьмутъ задатокъ безъ росписки и поминай какъ звали. А къ воровству они пока еще неспособны... А лисица то рѣдкостная: въ Англіи о ней навѣрно цѣлую монографію составятъ.

— Такъ, такъ, бормоталъ конторщикъ, это та самая лисица, что добылъ юкагиръ Василій на Омолонѣ.

Иннокентій Николаевичъ все держалъ шкуру въ рукахъ, какъ бы не желая разстаться съ нею... Онъ тряхнулъ ею нѣсколько разъ, любуясь переливами шерсти; наконецъ, онъ опустилъ ее въ суму и она была закупорена вмѣстѣ съ 10 сиводушками, ровдугами и прочимъ добромъ.

Когда всѣ сумы были укупорены, запечатаны, снабжены надписями и номерами, словомъ приготовлены къ отправкѣ,— подрядчикъ Кутчукуйдуръ, инородецъ Дюжинскаго улуса, человѣкъ небольшого роста, но съ большой головой и широкимъ скуластымъ лицомъ, съ искривленными ногами отъ вѣчной верховой ѣзды, привелъ 50 лошадей, покрытыхъ соломенными потниками, поверхъ которыхъ высились деревянные остовы сѣделъ для клади. Навьюченныя лошади, связанныя по десяти штукъ ременными поводьями одна къ сѣдлу другой, вытянулись въ одну линію вдоль забора. Ямщики были совсѣмъ готовы въ путь. Сдѣлавъ смотръ своему каравану, Кутчукуйдуръ зашелъ проститься къ хозяину. Въ залѣ были зажжены свѣчи подъ иконами; на столѣ стояла водка и закуска. Всѣ присутствующіе: хозяинъ, подрядчики, прикащики сначала выпили по нѣсколько рюмокъ, затѣмъ посидѣли по обычаю нѣсколько секундъ и, покрестившись на иконы, стали прощаться. Кутчукуйдуръ лобызался со всѣми троекратно; всѣ желали ему счастливаго пути, силъ и здоровья, и все это, конечно, не ради его самого, а ради того, что онъ везъ хозяйскую кладь.

— Все хорошо, все ладно... дай Богъ, отвѣчалъ онъ механически на адресуемыя ему пожеланія.

Но съ нимъ случился пассажъ, который онъ принялъ за дурное предзнаменованіе: когда онъ подошелъ къ Константину Федоровичу, мѣстному фельдшеру, исполнявшему должность конторщика на службѣ Торговаго Дома, и, подавъ ему

руку, протянулъ губы для поцѣлуя, тотъ вдругъ вмѣсто того, чтобы приблизить свое лицо, отдалилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ, я не люблю цѣловаться, извини; я за руку здороваюсь съ людьми и прощаюсь. Прощай, прощай, будь здоровъ, сказалъ онъ, тряся его руку.

Якутъ остолбенѣлъ; онъ такъ выпучилъ глаза, что они, узкіе и косые, казалось, сдѣлались круглыми. Поступокъ фельдшера казался ему до того дикимъ, такъ противорѣчилъ этикету, которому якутъ повиновался всю жизнь, что онъ нѣсколько секундъ остался безъ движенія и не зналъ, что сказать. Наконецъ, онъ плюнулъ и сказалъ по якутски.

— Вотъ этого еще ни разу не случалось въ моей жизни... Ахъ ты мерзлый *) чертъ! Эти мерзлые и обойтись то съ человѣкомъ не умѣютъ...

Всѣ вышли на улицу провожать транспортъ. Кутчукуйдуръ сѣлъ на передоваго коня, скинулъ шапку, перекрестился и тронулся; за нимъ потянулся караванъ. Мѣрными шагами выступали привычныя лошади одна за другою, вытягивая шею за поводьями. Иннокентій Николаевичъ долго смотрѣлъ на свое добро, навьюченное на этихъ лощадей, изъ которыхъ каждая несла въ 30 разъ больше того, что стоила сама. Онъ стоялъ на крыльцѣ дома, пока караванъ, движущейся бѣлой цѣпью извивавшійся по дорогѣ, не скрылся въ заросляхъ начинающейся за городомъ тайги.

Кутчукуйдуръ вполнѣ оправдалъ довѣріе Иннокентія Николаевича: безостановочно онъ шелъ на юго-западъ по болотамъ, кочкамъ, горнымъ ущельямъ, средь неизвѣданныхъ горъ, бѣлыми, сѣрыми, бурыми стѣнами выроставшими по пути между тѣмъ небомъ, которое синѣло въ вышинѣ, и тѣмъ, которое глядѣло изъ глубины рѣкъ и озеръ, тянувшихся у ихъ подножья; онъ шелъ впередъ и впередъ, минуя рѣки, горы и озерья, которымъ онъ и счетъ терялъ. Добрыя лошадки бодро шли, куда ихъ велъ Кутчукуйдуръ: переходили въ бродъ бурные потоки, брели въ болотѣ по брюхо, окруженныя тучами комаровъ, нещадно кусавшими людей и животныхъ; шли онѣ по карнизамъ крутыхъ, обрывистыхъ скалъ, надъ глубокими пропастями и ни одна изъ нихъ не оборвалась въ пропасть и не принесла торговому дому убытокъ въ 30 разъ большій, чѣмъ стоила сама. Онѣ шли, сохраняя равновѣсіе, какъ акробатъ идетъ по канату: каждая задняя лошадь ставила ногу туда, гдѣ только что была нога поредней. Всякій, кто посмотрѣлъ бы на этихъ лошадокъ, когда онѣ карабкались по горамъ Тасъ-Хаятахъ **), сказалъ

*) „Мерзлыми" якуты называютъ русскихъ, пріѣзжихъ изъ Россіи.

**) Цѣпь неизслѣдованныхъ горъ между Яной и Индигиркой.

бы, что каждая изъ нихъ стоитъ той клади, которую несетъ на себѣ.

Такъ прошли онѣ 3000 верстъ и благополучно принесли добро Иннокентія Николаевича въ мѣсто назначенія. Кутчукуйдуръ сдалъ пушные товары, мамонтовую кость и все, что значилось въ фактурахъ, въ надежныя руки представителя Торговаго Дома. Этотъ человѣкъ умѣлъ распорядиться надлежащимъ образомъ и чернобурой лисицей лучше, чѣмъ могли ею распорядиться юкагиръ Василій, Иванъ Лукичъ, Андрей Григорьевичъ, словомъ всѣ, кто былъ или могъ быть ея временнымъ обладателемъ.

Представитель Торговаго Дома былъ дѣловой человѣкъ, настолько дѣловой, что думалъ о дѣлахъ и во снѣ. Про него разсказывали, что онъ часто прерывалъ молитву, если въ это время ему приходили на умъ разныя коммерческія соображенія, и сообщалъ эти соображенія для руководства своимъ прикащикамъ.

Кутчукуйдуръ пріѣхалъ въ мѣсто назначенія какъ разъ въ ярмарку. Эта ярмарка по размѣрамъ и по характеру не походила на Анюйскую, гдѣ все еще патріархально и первобытно. Она была немного похожа на набѣгъ ушкуйниковъ, удалыхъ торгашей, съ той только разницей, что ушкуйники новаго типа не грабили, а туземцы сами добровольно несли имъ свои деньги, мѣха, продукты промысла въ обмѣнъ на плохой товаръ, забракованный на рынкахъ всѣхъ культурныхъ странъ.

Но представитель Торговаго Дома былъ опытный торгашъ и съумѣлъ выгодно продать всѣ мѣха, привезенные Кутчукуйдуромъ съ береговъ далекихъ рѣкъ. Всѣ эти мѣха отправили на югъ, развезли по разнымъ уголкамъ свѣта, одѣли ими разныхъ людей. А черная лисица, которую добылъ юкагиръ Василій, была отправлена на выставку, гдѣ она привлекала взоры всей публики и заслужила выставившей ее фирмѣ золотую медаль, съ надписью: „за трудолюбіе и усердіе“. Фирма пріобрѣла извѣстность и поправила свои дѣла. Ей больше, чѣмъ кому либо другому, пошелъ въ прокъ даръ таинственныхъ обитателей лѣсовъ и тундръ юкагирской земли.

Дѣла всѣхъ прежнихъ обладателей рѣдкостной лисицы остались въ прежнемъ положеніи.

Иннокентій Николаевичъ по прежнему скупалъ мѣха у мелкихъ „подторговщиковъ“ и отправлялъ ихъ на ярмарку на берега Лены. Онъ богатѣлъ промысломъ дикихъ людей въ ожиданіи того времени, когда придетъ пора давать образованіе дѣтямъ. Иванъ Лукичъ по прежнему рыскалъ по инородцамъ и добывалъ пушнину, мечтая осуществить хотя часть того, что снилось ему въ ясную, лунную ночь.

А юкагиръ Василій все мечтаетъ и надѣется, что лѣсной духъ, его покровитель, пошлетъ ему опять такую же лисицу, а можетъ быть—и лучшую, за которую можно будетъ взять двѣ фляги спирту. Эти мечты раздѣляетъ съ нимъ знаменитый промышленникъ Ѳедотъ.

— „Вѣдь, лисицъ-то много, слышь-ка, куда дѣвается! У той-то лисицы лисинята, слышь-ка, остались!“ утѣшаетъ онъ Василія.

Для поимки этихъ лисинятъ они ѣздятъ въ тайгу и тундры, ставятъ луки по берегамъ Омолона, Анюя и другихъ рѣчекъ юкагирской и чукотской земель. Но до сихъ поръ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, которыя собираютъ лица, заинтересованныя въ промыслѣ дикихъ людей,- не могутъ „промыслить“ лисинятъ. Разъ Василій промыслилъ чернаго какъ смоль ушкана (зайца), который попадается еще рѣже, чѣмъ самыя лучшія черныя лисицы, но цѣна за него уже не та. А черныя лисицы такъ таки не попадаются: лисинята, видно, хитрѣе своей матери. „Съ каждымъ годомъ, вѣдь, промыселъ—труднѣе. Звѣрь и птица мудренѣе становятся“,—говорятъ юкагиры.

Это не мѣшаетъ Василію надѣяться, все-таки, промыслить черную лисицу. Въ этой надеждѣ для него столько поэзіи! Когда онъ ѣдетъ на промыселъ, въ умѣ его встаютъ воспоминанія о томъ незабвенномъ времени, когда онъ съ Ѳедотомъ и съ людьми Омоцкаго рода, съ чукчами чаунской и омолонской сторонъ,—пропивалъ заколдованную флягу, полученную за лисицу. Онъ чувствуетъ подъемъ духа и, глядя на зарю, которая ходитъ надъ лѣсами и горами и разсыпаетъ по небу свои розовыя улыбки,—поетъ свою любимую пѣсню:

У зари, у зореньки—много ясныхъ звѣздъ,
А у темной ноченьки имъ и счету нѣтъ!

А. Клюге.

По Алтаю.

(Окончаніе первой статьи см. I—IV кн. „Дорожника“ за тек. годъ).

Жители Тондошки занимаются, преимущественно, скотоводствомъ, сѣнокошеніемъ и огородничествомъ и продукты своего производства продаютъ на пріиски; хлѣбопашествомъ занимаются не многіе, да и то плохо—тяжелая работа. Орѣхомъ и звѣремъ промышляютъ годомъ весьма хорошо, но не всегда. Живутъ же, вообще, довольно бѣдно и грязно.

Въ Тондошкѣ мы остановились у *Немоляхи* (Григорія Герасимовича, какъ его зовутъ на Алтаѣ), во первыхъ, потому, что домъ его стоитъ у самой дороги, а во вторыхъ,—когда мы

остановились противъ его дома, чтобы спросить, гдѣ земская квартира, то молодая хозяйка (жена Григорія) пригласила насъ остановиться у нихъ, говоря, что на земской квартирѣ и грязно, и тѣсно. Григорія самого дома не было, онъ уѣзжалъ въ чернь собирать медъ, а дома оставались его жена съ дѣтьми, отецъ, старикъ лѣтъ 80-и, и старуха мать, которая всѣми и командовала. Старикъ—отъявленный врагъ православія—не показывался намъ. Онъ живетъ со старухой въ отдѣльномъ, устроенномъ для нихъ, пятистѣнномъ домикѣ. Домъ у Григорія, гдѣ онъ живетъ самъ, большой, двухъэтажный, новый и при немъ большая лавка со всевозможнымъ крестьянскимъ товаромъ. Тутъ вы найдете и ситецъ, и сукно, и желѣзо, и табакъ, и мышьякъ съ сулемою; однимъ словомъ—все, что нужно крестьянину, начиная отъ чая съ сахаромъ до иголки включительно. Въ комнатахъ въ домѣ чисто, прохладно; сами хозяева живутъ въ нижнемъ этажѣ, а верхній—для гостей; мебель простая, но удобная. Святыхъ иконъ въ домѣ нѣтъ ни одной, даже картинъ съ духовнымъ содержаніемъ не полагается, а голыя стѣны увѣшаны лубочными картинками, въ родѣ „Мыши кота хоронятъ", „Руслана Лазаревича", „Дибича Забалканскаго" - съ вершокъ ростомъ и съ аршинною шпагой въ рукѣ; или болѣе игривыми—въ родѣ: „Я тебя люблю немного" и т. п.

Нынѣ, впрочемъ, послѣ смерти старика домъ Герасимовича—не узнаешь. Всѣ стѣны въ комнатахъ верхняго этажа оклеены приличными обоями; въ залѣ въ переднемъ углу стоятъ двѣ иконы въ серебряныхъ ризахъ и орѣховыхъ кіотахъ; по стѣнамъ—вмѣсто „Мыши кота хоронятъ",—развѣшены въ золоченыхъ рамахъ преміи изъ журналовъ „Нива", «Родина» и т. подобныя; кромѣ того, въ залѣ же два хорошихъ большихъ зеркала и великолѣпные стѣнные часы въ футлярѣ.

Усадьба Григорія стоитъ на берегу маленькой рѣчушки Тондошки и окружена огромными амбарами, полными хлѣбомъ, и кладовыми съ разнаго рода собраннымъ имъ сырьемъ: кожами всѣхъ животныхъ, водящихся на Алтаѣ, орѣхами, медомъ, волосомъ и проч. Подъ огромнымъ навѣсомъ стоятъ большіе вѣсы, на столбахъ которыхъ привѣшены двѣ черныя дощечки съ надписями мѣломъ на одной: *«ржаной муки 40 к. пудъ»*, а на другой—*„пшеничной 60 к. пудъ"*.

За амбарами—съ одной стороны огромный огородъ, а съ другой—къ горѣ и по склону ея—моральникъ, въ которомъ у Григорія питается до 20 штукъ мараловъ и маралихъ. Маленькіе же маралята, оставленные матерями, содержатся въ особо-устроенномъ для нихъ дворѣ, гдѣ ихъ уже воспитываютъ люди, какъ телятъ.

Дома выращенные маралы довольно ручные и за кускомъ хлѣба подходятъ къ человѣку сами; но пойманные въ черни,—

дики до невѣроятности. Сколько бы лѣтъ они не жили въ маральникѣ, къ человѣку не привыкаютъ и лишь только его завидятъ—сейчасъ же бѣжать. На бѣгу маралъ (самецъ), пока съ него не сняты рога, великолѣпенъ. Поднявши голову кверху и положивши свои огромные и красивые рога на спину, онъ летитъ какъ стрѣла.

Жена и мать Григорія, пригласившія насъ къ себѣ въ домъ, угостили прежде всего чаемъ. Сами они и никто у нихъ въ домѣ чаю не пьютъ, потому—китайское зелье, пить грѣхъ, а пьютъ, вмѣсто него, «*боданъ*»—траву, растущую на горахъ въ черни, которую они собираютъ и сушатъ (*Боданъ*,—и по виду, похожъ на знаменитую „эфедру"—травку Кузьмича). Разсуждая о грѣхѣ пить чай, старуха политично высказала, что чай они въ своемъ домѣ, хотя и грѣхъ пить имъ самимъ, гостямъ пить дозволяютъ, потому отъ него никакого запаху нѣтъ; но вотъ, табакъ курить въ домѣ—они уже никому позволить не могутъ; даже самъ засѣдатель и его писаря, если останавливаются у нихъ въ домѣ, то не курятъ въ комнатахъ, а выходятъ покурить на крыльцо или на улицу. Старуха, какъ видно, женщина политичная, и завела этотъ разговоръ не безцѣльно. Сказать прямо—приглашеннымъ гостямъ: „не курите" неловко; а сказать надо; ну, такъ она и приплела тутъ даже засѣдателя.

Изъ разговоровъ съ хозяйками за чаемъ мы узнали, что нынѣ нужно ѣхать на Тулой, до котораго по словамъ однихъ верстъ 20, а другихъ 25-ть. Дороги колесной положительно нѣтъ, потому что тропа проложена горами, покрытыми лѣсомъ, гдѣ бурелому и валежнику такая масса, какую рѣдко гдѣ можно и найти; даже и верховая то ѣзда очень затруднительна. Кромѣ всего этого, не доѣзжая до селенія верстъ пяти, нужно будетъ переѣзжать рѣчку Тулой, положимъ, не особенно широкую, саженъ 10 или 12, не больше; но рѣчку съ крутымъ паденіемъ, быструю настолько, что на срединѣ ея можетъ держаться не всякая лошадь.

Ѣхать, значитъ, намъ на ночь этой дорогой никакъ нельзя и потому мы порѣшили переночевать въ Тондошкѣ. Мнѣ съ Сеней, какъ табачникамъ, довелось ложиться спать на крыльцѣ съ открытымъ окномъ. Крыльцо это просторное, чистое; какъ отъ дождя, такъ и отъ вѣтра защищено было хорошо. Какъ и въ чемъ ѣхать? порѣшили совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ старшаго приказчика, который у Григорія служитъ уже много лѣтъ и знаетъ хорошо всѣ дороги и мѣстныхъ ямщиковъ.

На совѣтѣ этомъ послѣ долгаго совѣщанія положено: 1-е) тарантасы, порядочно поразбитые за дорогу, оставить вмѣстѣ съ телѣгою въ Тондошкѣ и отправить потомъ ихъ въ Бійскъ на плотахъ; 2-е) дѣтей съ матерями, какъ положительно неумѣю-

щихъ ѣздить верхомъ, везти въ таратайкахъ (одры на 2 колесахъ); 3) для убранія колодъ, мѣшающихъ проѣхать по тропѣ, взять двѣ поперечныхъ пилы и топоры; 4) весь багажъ везти вьючными, и 5) всѣ, не помѣстившіеся на таратайкахъ, должны ѣхать верхами.

Сборъ лошадей, таратаекъ и прочаго необходимаго для дороги принялъ на себя приказчикъ и двое немоляхъ, живущихъ около усадьбы Григорья.

Въ Тондошкѣ мы разсчитались и съ нашими протяжными ямщиками—Розаевымъ и Филатовомъ, которымъ сверхъ полной платы подарили и телѣгу, стоющую рублей 15-ть; потому что имъ иначе пришлось бы ѣхать верхами.

Прежде чѣмъ оставить Тондошку, я думаю, что я долженъ сказать нѣсколько словъ о Григоріѣ Немоляхѣ, такъ какъ онъ одинъ въ настоящее время выдающійся на Алтаѣ дѣятель, заботящійся не объ одной только собственной наживѣ, какъ его товарищи алтайскіе торговцы, но и о пользѣ какъ края, такъ и своихъ кліентовъ. Онъ своего не упускаетъ, беретъ то, что можно и должно брать, не разоряя, однако-же, тѣхъ, съ которыми имѣетъ дѣло. Торговлю свою онъ ведетъ безукоризненно честно. Разъ назначенную имъ цѣну на товаръ, привезенный имъ въ извѣстное время, онъ не мѣняетъ, несмотря ни на какія обстоятельства, до тѣхъ поръ, пока этотъ товаръ у него не выйдетъ. Новому товару онъ назначаетъ цѣну не произвольно, какъ вздумается, а къ дѣйствительной его стоимости набавляя лишь 20%. При разсчетахъ съ инородцами—своими постоянными покупателями—точенъ и честенъ до крайности. Доставляемое ему ими сырье принимаетъ по той цѣнѣ, какая существуетъ въ данный моментъ; а не такъ, какъ его товарищи. Отчего у него счеты съ инородцами никогда не запутаны и каждый изъ нихъ знаетъ всегда, сколько онъ долженъ ему. Алтайцы платятъ Григорію за его честные съ ними разсчеты полнѣйшимъ довѣріемъ и безграничною преданностію. Имя его алтаецъ произноситъ всегда съ уваженіемъ.

Въ Тондошкѣ мы встали въ 5 часовъ утра. Какъ таратайки съ лошадьми, такъ все нужное для дороги, благодаря заботамъ стараго приказчика, было уже готово. Оставалось только вьючить и ѣхать. Розаевъ и Филатовъ, въ виду того, что здѣшніе лошади въ хомутахъ ходятъ плохо, въ таратайки запрягли своихъ лошадей и порѣшили проводить насъ до мѣста. Прежде всего мы передали ямщикамъ нашъ багажъ, чтобы они его подъ наблюденіемъ приказчика вьючили на лошадей; а затѣмъ—сами принялись за чай и закуску, съ которыми насъ радушные хозяйки уже дожидались.

Въ 6 часовъ утра мы, усадивши дѣтей съ матерями въ таратайки, отправились, благословясь, въ путь дорогу.

Таратайки насъ задерживали на каждомъ шагу. Нѣсколько разъ, при переѣздѣ черезъ колоды, они наваливались. А сколько колодъ выпилили и убрали—такъ и счету нѣтъ! На рѣчку Тулой, отъ Тондошки верстъ 15, мы пріѣхали въ 1-мъ часу дня. Рѣчка эта, какъ я уже и говорилъ, не широка, но быстра, такъ что ворочаетъ камни и, притомъ, на срединѣ глубока (выше броду, верстъ 5, на ней есть мостокъ, но доѣхать до него съ таратайками невозможно), и потому мы дѣтей и женщинъ порѣшили перевозить верхомъ, что сдѣлать вызвался старикъ приказчикъ, нарочно для этого и провожавшій насъ до рѣчки.

Прежде всего мы отправили пустую таратайку, которую посрединѣ рѣки напоромъ воды перевернуло и поставило вдоль по теченію, а затѣмъ, вмѣстѣ съ лошадью, потянуло внизъ по теченію. Татара-ямщики кинулись въ воду верхами; зацѣпили таратайку веревкой и потащили къ другому берегу, чѣмъ и помогли коню справиться съ теченіемъ.

Вторую таратайку, тоже пустую, переправили на парѣ лошадей, запряженныхъ гусемъ, благополучно. Такимъ же образомъ переправляли и вьючныхъ. Багажъ весь перемочили. Женщинъ и дѣтей перевезъ всѣхъ по одиночкѣ приказчикъ. На переправѣ этой мы провозились болѣе часу.

Отъ рѣчки до деревни Тулой мы доѣхали и скоро и хорошо. Въ Тулой мы пріѣхали ровно въ 3 часа дня.

Деревня эта стоитъ на правомъ берегу р. Біи, при впаденіи въ нея Тулоя, у подошвы большой каменистой горы. Жители Тулоя (ихъ всего 6 дворовъ) каменотесы и потому, преимущественно, занимаются добываніемъ и обтескою жернововъ, которыми богата ихъ гора. Жернова эти лѣтомъ по Біѣ, на плотахъ, везутъ къ Немоляхѣ, а тотъ, въ свою очередь, плавитъ ихъ въ Бійскъ, оттуда они и развозятся по всему Бійскому уѣзду. Жернова Тулойскіе славятся въ Бійскомъ уѣздѣ своею доброкачественностію, состоя изъ сплошнаго сѣраго зернистаго колчедана. Они, вообще, очень хороши для размола хлѣба.

Добычею жернововъ тулойцы занимаются круглый годъ, имѣя отъ этого хорошій заработокъ, Немоляха разсчитывается съ ними хорошо, не эксплоатируя ихъ труда, и они живутъ безбѣдно. Женщины занимаются огородничествомъ и запасаютъ на цѣлую зиму себѣ все необходимое; ребята же, неспособные еще работать въ каменоломнѣ, занимаются рыболовствомъ и занимаются небезуспѣшно; такъ что у тулойца лѣтомъ всегда найдется пирожокъ со свѣженькой рыбкой.

Дѣтскія рыбалки эти бываютъ иногда довольно удачны; напримѣръ, въ тотъ день, какъ мы пріѣхали въ Тулой, малецъ лѣтъ 12 поймалъ тайменя фунтовъ въ 30 и сумѣлъ его вытащить, не оборвавши удочки. Возился, по словамъ его, онъ съ

нимъ около часу, т. е. до тѣхъ поръ, пока таймень не умыкался и не подоспѣлъ къ мальцу на помощь товарищъ. При помощи товарища онъ тайменя вытащилъ такъ: товарищъ зашелъ въ воду, отъ берега аршинъ 5 или 6 (берега Біи здѣсь очень пологи), и когда къ нему рыбакъ подвелъ потихоньку измученнаго тайменя, то тотъ упалъ на него и, придавивши ко дну рѣки, успѣлъ схватить за жабры. Такимъ образомъ, 30 фунтовый таймень, не оборвавши удочки въ 6 конскихъ волосковъ, былъ вытащенъ изъ воды. Случай этотъ не единственный, а напротивъ—удачи такія каждое лѣто и не въ одномъ Тулоѣ, а вообще—въ верховьяхъ Біи, повторяются по нѣсколько разъ.

Въ Тулоѣ мы закусили изъ свѣженькихъ хайрюзковъ—пирожкомъ, попили чайку со свѣженькой земляникой, которой насъ угостили тулойцы, и, прихвативши 4-хъ лошадей подъ вьюки, вмѣсто приставшихъ, отправились въ Кебезень, до котораго оставалось не болѣе десяти верстъ. Дорога отъ Тулоя до Кебезеня пошире тондошенской и на ней не такъ много бурелому и валежнику, но за то нѣтъ кажется ни одной версты, на которой бы не было спуску подъ большую крутую гору, только затѣмъ, чтобы, переѣхавши маленькій ручеекъ, снова карабкаться выше того, откуда спустились; и потому эти десять верстъ мы ѣхали пять часовъ. Причиною такой медленности, конечно, были наши таратайки, потому что и подъ гору и на гору малыхъ дѣтей нужно было таскать на рукахъ, а взрослымъ женщинамъ идти пѣшкомъ; иначе съ таратайками ничего подѣлать было нельзя.

Въ половинѣ одинадцатаго часа вечера, послѣ восьмидневнаго странствованія, мы, наконецъ, подъѣхали и къ Кебезенскому бому. Бомомъ называется каменная стѣна, отвѣсно спускающаяся въ рѣку, которая въ такихъ мѣстахъ бываетъ не менѣе 6—7 аршинъ глубины.

Остановились. Совсѣмъ темно. Сошли съ лошадей и мужчины пошли осматривать перевалъ, гдѣ и какъ удобнѣе перевалить на другую сторону бома. Къ счастію нашему, вода въ Біи немного спала и намъ можно было перебраться черезъ бомъ нижнимъ переваломъ. Въ большую воду перебраться этимъ переваломъ нельзя, потому подъемъ на него и спускъ бываютъ затоплены водой довольно глубоко, и тогда перевалъ нужно дѣлать верхней тропой. Прежде всего нужно подняться саженъ на 10 вверхъ по торчащимъ изъ горы камнямъ, потомъ, перескакивая съ камня на камень, саженъ 30 пройти по бому и, затѣмъ, спускаться на лугъ, опять таки прыгая съ камня на камень. По подобнымъ тропамъ могутъ пробираться со вьюкомъ или съ сѣдокомъ только крѣпкія, привычныя калмыцкія лошади, а русская, непривычная и простая, не всякая поднимется. Тропы этой нынѣ уже не существуетъ, а изъ нея сдѣлана довольно сносная телѣжная до-

рога. Кебезенцы и тулойцы при помощи золотопромышленника Некрасова въ 1898 году, по просьбѣ и совѣту о. миссіонера и подъ его наблюденіемъ, въ теченіе четырехъ дней (работало ежедневно по 25 человѣкъ) эту мало доступную тропу превратили въ сносную и безопасную телѣжную дорогу, употребивши на взрывъ не поддававшихся клину и рычагу камней около полупуда пороху, и теперь всѣ благодушествуютъ. Шей лошадямъ и людямъ ломать не приходится, а главное, что хорошо—перевалить этотъ бомъ даже и въ большую воду можно, и ночью, что прежде сдѣлать было сильно опасно.

Переваливши бомъ на нижнемъ перевалѣ и переѣхавши Кебезенку бродомъ, мы пріѣхали и въ Кебезень.

Село Кебезень (значитъ по русски—опрокинутая лодка), резиденція кебезенскаго миссіонерскаго стана, стоитъ на правомъ берегу р. Біи и состоитъ собственно изъ двухъ селеній—новаго и стараго Кебезеня. Новый Кебезень, гдѣ церковь, миссіонерскіе дома, училище и волостное правленіе, стоитъ на Біѣ; старый же Кебезень, версты полторы отъ новаго, стоитъ на рѣчкѣ Кебезень, впадающей у бома въ Бію и берущей свое начало изъ оз. Кебезень, лежащаго у подошвы довольно высокой горы, формою своей похожей на опрокинутую вверхъ дномъ лодку и потому носящей названіе Кебезень.

Жители новаго Кебезеня, большею частію, русскіе, много лѣтъ тутъ поселившіеся; большинство ихъ не только тутъ выросло, но и родилось. Инородческихъ же домовъ здѣсь не болѣе тридцати. Старый Кебезень, преимущественно, заселенъ инородцами. Въ этомъ селеніи была построена и первая церковь, потому что тогда на Біѣ еще никто не жилъ. Этой церкви теперь уже не существуетъ, такъ какъ она лѣтъ 30 тому назадъ, за ветхостію, разобрана.

Русскіе въ старомъ Кебезенѣ не селятся, да и инородцы, которые побогаче, выселяются оттуда на Бію, потому что у пьющихъ воду изъ Кебезеня ростутъ зоба. Зоба эти, если ихъ не мазать іодомъ, достигаютъ весьма значительной величины и сильно не только безобразятъ, но и стѣсняютъ человѣка.

На лѣвомъ берегу Біи, противъ Кебезеня, поднимается большая гора, тоже каменистая и круто спускающаяся къ рѣкѣ—*Эльбегень* (пожирающій). О горѣ этой у алтайцевъ существуетъ слѣдующая легенда:

Во времена сѣдой старины, когда еще на землѣ между людьми жили великаны, обратившіеся впослѣдствіи въ каменныя горы, жилъ нѣкто Эльбегень. Это былъ такой злой и лѣнивый великанъ, что постоянно сидѣлъ на берегу Біи и караулилъ людей. Только-что кто показывался на рѣкѣ въ лодкѣ, онъ сейчасъ ловилъ и тутъ же ѣлъ. Плохое житье стало народу и онъ на-

чалъ просить у солнца убрать куда нибудь отъ него этого злого великана.

— Хорошо, сказало солнце, я сожгу его.

— Но какъ же ты сожжешь его? Вѣдь, тогда и насъ съ нимъ спалишь всѣхъ! взмолился народъ.

— И то правда! сказало солнце. Такъ что же я съ нимъ сдѣлаю?

— Убери куда нибудь его отъ насъ, а то намъ отъ него житья нѣтъ!

— Развѣ вотъ что я сдѣлаю, сказало на эту просьбу солнце, возьму и уберу его на луну; тамъ нѣтъ людей и ему некого обижать будетъ. Взяло и перенесло Эльбегена на луну, а тутъ только его сидѣнье осталось. И, вотъ, этотъ самый Эльбегень и теперь живетъ на лунѣ—обнялъ ее руками и лежитъ, гложетъ ее. При этомъ непремѣнно, разсказывая легенду, инородецъ прибавитъ: „ты посмотри на мѣсяцъ, когда онъ полный, такъ непремѣнно увидишь самъ, что Эльбегень лежитъ на немъ съ протянутыми ногами и, обнявши, грызетъ его“.

Чѣмъ кебезенцы занимаются и чѣмъ снискиваютъ себѣ пропитаніе—сказать трудно. Сказать, что они, какъ заимочники по Біѣ, лежатъ и ничего не дѣлаютъ, нельзя, потому что каждый изъ нихъ чѣмъ нибудь да занимается. Напримѣръ, земледѣліемъ занимаются семей шесть; человѣкъ пятокъ занимаются торговлей; имѣютъ у себя приказчиковъ человѣка по три, конечно, изъ тѣхъ же кебезенцевъ; человѣка четыре занимаются пчеловодствомъ. Кромѣ того, здѣсь есть: два столяра, человѣкъ десять плотниковъ, которые строятъ инородцамъ по аиламъ зимники, одинъ бондарь, два сапожника и одинъ кожевникъ. Объ искусствѣ кебезенскихъ мастеровъ говорить трудно; татары же, для которыхъ хромоногій стулъ, гнилая кожа и юрта съ кривыми окнами и дверями хороши, говорятъ „якши“. Ну, такъ значитъ, чего же лучше надо—*якши*, такъ и пусть будетъ якши (т. е. хорошо).

Общій же промыселъ, или, лучше сказать, занятіе кебезенцевъ: это—сѣнокошеніе. Косятъ всѣ цѣлое лѣто. Весной, если только она поздняя, т. е. снѣгъ въ концѣ марта не растаялъ и скота выпустить на ветошь нельзя, то его, за неимѣніемъ сѣна, кормятъ молодымъ мелко изрубленнымъ таломъ.

Весной, когда косить еще нечего, кебезенцы почти всѣ любятъ удить рыбу, а съ 20 августа и до 1 октября, если только въ кедровникахъ есть шишки, то всѣ, кромѣ безсильныхъ старухъ и малыхъ дѣтей, отправляются въ чернь добывать орѣхи. Въ октябрѣ мущины бѣлкуютъ. Женщины кебезенки занимаются огородничествомъ, садятъ больше всего капусту и картофель, которыми и питаются круглый годъ; на продажу же овощей ни-

куда не возятъ. Татара-кебезенцы живутъ все лѣто на заимкахъ, для охраненія и ухода, какъ они говорятъ, за своими пашнями. Хлѣба сѣютъ алтайцы загона по 4 или 5, не болѣе, и сѣютъ только одинъ ячмень; изрѣдка только сѣютъ полоски по двѣ овса; но ржи и пшеницы никогда. Сѣно заготовляютъ тутъ же на заимкахъ и съ заимокъ же въ концѣ августа перекочевываютъ, если есть въ кедровникахъ шишки, въ чернь, оставляя на заимкахъ только дряхлыхъ и неспособныхъ къ труду. Даже мальчуганы 9 и 10 лѣтъ и тѣ идутъ въ чернь собирать шишку. Въ началѣ октября, а иногда и ранѣе, если рано выпадетъ снѣгъ, женщины возвращаются въ аилъ, а мужчины идутъ бѣлковать.

Вотъ и все занятіе кебезенцевъ; потому что зимой всѣ вообще т. е. русскіе и татары, кромѣ, конечно, мастеровыхъ и торговцевъ, привезши сѣна и дровъ домой, больше лежатъ и, какъ говорится, плюютъ въ потолокъ. Объ отношеніи русскаго населенія къ алтайцамъ можно сказать только то, что Кебезенскіе алтайцы эксплоатировать себя русскимъ такъ, какъ заимочники эксплоатируютъ своихъ сосѣдей, не позволяютъ. Живя съ русскими вмѣстѣ уже много лѣтъ, они не только поняли всѣ подходы своихъ наставниковъ; но и сами отъ нихъ кое чему по этой части по научились, и потому подчасъ, *подъ видомъ простоты*, и сами не упускаютъ случая понагрѣть своего пріятеля и наставника. Словомъ, пальца въ ротъ имъ не клади...

Отъ Кебезеня до Телецкаго озера 17 верстъ; проѣхать къ нему можно тремя дорогами.

Первая и самая ближайшая дорога—это берегомъ Біи черезъ бомы, конечно, верховая и на перевалахъ очень трудная, въ особенности для непривычнаго человѣка; тѣмъ не менѣе, это самая лучшая дорога. Сдѣлать эту дорогу, доступную всякому человѣку со смѣкалкой, можно и легко и скоро и недорого; потому здѣсь только два бома такого-же строенія, какого и бомъ, лежащій передъ Кебезенемъ.

Бома эти состоятъ не изъ одного какого либо цѣльнаго камня, а изъ многихъ крупныхъ камней, какъ будто бы предварительно притертыхъ и потомъ положенныхъ другъ на друга съ заполненіемъ всѣхъ пустотъ разнаго рода цементомъ, и потому разобрать ихъ при помощи клина и рычага можно скоро, легко и недорого.

Если бы кебезенскіе торговцы жили подружнѣе и побольше бы заботились о столь необходимыхъ для нихъ путяхъ сообщенія, то, конечно, черезъ эти бома теперь бы была проложена отличная каменная дорога, и они избавились бы отъ ежегоднаго устройства зимой около этихъ бомовъ временныхъ подмостокъ, стоющихъ имъ порядочныкъ денегъ.

Такъ или иначе, а бома, все таки, стоятъ и будутъ стоять до тѣхъ поръ, пока какой нибудь добрый человѣкъ, конечно,

власть имущій, не возмется за проведеніе дороги самъ лично, вмѣсто посылки предписанія объ исправленіи; потому что, осмотрѣвши внимательно, такъ называемую, земскую и архіерейскую дороги, онъ убѣдится, что толочь воду въ ступѣ алтайцамъ довольно: дорогъ этихъ имъ никогда не исправить. Сегодня исправленная тропа хороша, а завтра пронеслась буря и проѣздъ снова заваленъ хуже стараго. Простоитъ дня три четыре ненастье и вмѣсто исправленной тропы—грязь по колѣно коню. Вотъ короткія, но точныя свѣдѣнія о двухъ послѣднихъ—земскомъ и архіерейскомъ—путяхъ.

П. Дмитріевъ.

Отъ Томска до Яренска.

(*Наблюденія и встрѣчи въ дорогѣ*).

(Окончаніе.—см. I–IV кн. „Дорожника" т. г.)

19 сентября.

Глухо раздался ударъ стариннаго колокола. Пробило три. Еще сколько часовъ томительнаго ожиданія! Чѣмъ занять свободное время, какъ разогнать тоску? Единственное средство—чтеніе утратило свою цѣлебную силу. Все твое существо требуетъ отдыха и покоя послѣ семидневной тряски въ вагонѣ при шумѣ людей и грохотѣ поѣзда. А гдѣ онъ, отдыхъ? Надо провести день въ Котласѣ и день въ дорогѣ, minimum—два дня.

Усталый, занятый мыслью о покоѣ, я, молча, шелъ позади своихъ попутчиковъ тротуаромъ въ три узенькихъ, гнущихся и скрипящихъ доски. Вдругъ—о ужасъ! Я оказался чуть не по колѣно въ густой, липкой грязи. Тротуаръ кончился, а я, разсѣянный, не замѣтилъ, что тутъ нужно начать перепрыгивать съ кирпича на кирпичъ, съ полѣна на доску и т. д., т. е. приниматься за эквилибристику. Господинъ въ пушкинской шляпѣ громко расхохотался надо мной, велосипедистъ вторилъ ему тихимъ, нутрянымъ голосомъ.

— Вы, должно быть, о яренскихъ барышняхъ замечтались, а? —шутилъ первый.

— А можетъ, увидѣлъ ихъ въ окно и былъ пораженъ? Онѣ какъ разъ гдѣ то здѣсь живутъ,—подхватилъ велосипедистъ.

— Вовсе нѣтъ... Кстати вы знаете фамилію этихъ барышень?

— Не помню что-то. Знаю только, что онѣ дочери лѣсничаго.

— Что, знакомы?—лукаво спросилъ господинъ въ пушкинской шляпѣ послѣ минутной паузы.

— Да, былъ знакомъ, когда жилъ въ Яренскѣ.

— Недурны?

„Шутить, такъ шутить", подумалъ я, и сердито сказалъ:

— Что, недурны? Какъ вы скупы, милостивый государь. У васъ полное отсутствіе...

— О, да какъ вы близко къ сердцу принимаете отзывы о вашихъ знакомыхъ! -воскликнулъ велосипедистъ.

— Нисколько. Воздадите убо должному должное..

— Ну, ну, съ удовольствіемъ соглашаюсь. Мнѣ только не хотѣлось сразу высказать удивленіе по поводу богатства Яренска.

Тутъ предстояло при посредствѣ кольевъ и кирпичей перебираться по такой грязи, что мы должны были употребить все вниманіе и ловкость, чтобы не выкупаться. Между дѣломъ переправы я успѣлъ, всетаки, притти къ заключенію, что котласская грязь вполнѣ можетъ конкурировать съ томскою. И если бы послать ту и другую въ качествѣ экспонатовъ на нижегородскую выставку, то, вѣроятно, пришлось бы образовать особую комиссію съ десяткомъ субъ-комиссій для вырѣшенія вопроса о томъ,— Томску или Котласу выдать первую награду.

Перебравшись на песчаную тропинку у полотна дороги, мы прошли на вокзалъ. Тамъ было пусто, скучно, тихо, ни малѣйшаго присутствія жизни. Одинъ сторожъ храпѣлъ въ залѣ III кл. во всю ивановскую, да недреманное око въ синихъ шароварахъ, угрюмо облокотясь на столъ, дремало.

Пошли на пристань.

— Смотрите, вонъ ваши землячки идутъ,—сказалъ велосипедистъ, указывая вправо, туда, гдѣ шла тропинка отъ деревенскихъ домовъ къ пристани и церкви.

— Вижу.

Черезъ четверть часа мы сошлись у арки. Какъ старый знакомый, я раскланялся и поздоровался. Разговоръ завязался веселый и интересный, какъ всегда бываетъ послѣ того, какъ долго не видаешься. Начались воспоминанія о яренской жизни, разговоры о томъ, что случилось за время нашего отсутствія. Барышни уѣхали изъ Яренска раньше меня, ихъ maman—позднѣе.

— Представьте,—говорила мнѣ старшая барышня,—Леночка Иксъ вышла замужъ!

— Да неужели?!—Воскликнулъ я, точно пришибленный.—Въ 40-то лѣтъ!—(Не удивляйтесь моему любопытству, читатели, я былъ крайне заинтересованъ судьбою моихъ земляковъ и потому горячо принималъ къ сердцу перемѣну въ ихъ жизни).

— Правда! И теперь говоритъ, будто всѣ яренскія барышни завидуютъ ей, въ претензіи на нее за то, что она отбила жениха.

Я отъ души расхохотался. Ну, и чудаки же эти яренжане. Но я хотѣлъ знать дѣло до мельчайшихъ деталей.

— Да развѣ такъ завиденъ женихъ?

— Еще бы! Вдовецъ 35 лѣтъ, съ полдюжиной ребятъ.

— Ну, а „ни гу-гу“-то какъ-же?

— „Ни гу-гу“? Ха-ха-ха!.. Страдаетъ, вѣроятно.

„Нигугу“ стали звать одного старика—вдовца, послѣ того, какъ онъ дѣлалъ Леночкѣ Иксъ предложеніе и въ концѣ письма присовокупилъ „никому о семъ нигугу“. Многочисленныя тетушки и бабушки Леночки Иксъ разнесли по городу содержаніе письма...

День былъ веселый, ясный, и только вѣтеръ неистово дулъ съ рѣки. Мы долго гуляли по берегу, и ужъ было часовъ семь, когда я проводилъ землячекъ на квартиру.

Вечеромъ со мной произошелъ маленькій казусъ. Я чуть-чуть не заблудился! Да, не смѣйтесь, чуть не заблудился. Дѣло было такъ.

Мы сидѣли въ комнатѣ, разговаривая о зырянахъ, о просвѣщеніи, о расколѣ (Въ глухихъ лѣсахъ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ есть нѣсколько раскольническихъ селеній). Конечно, на столѣ шумѣлъ самоваръ, передъ нами лежала холодная закуска и стоялъ чай. Часовъ въ $9^1/_2$ въ глубокой тишинѣ раздался оглушительный свистъ, шелъ пароходъ. Мы вышли на балконъ.

— Какая картина! воскликнулъ господинъ въ пушкинской шляпѣ.--Вамъ нравится?

Онъ говорилъ объ залитомъ огнями пароходѣ. Еще бы не нравится! Я думаю нѣтъ такого человѣка, который не находилъ бы удовольствія смотрѣть на плывущій въ темную ночь пароходъ. Мѣрно стучали колеса, доносился невнятный шумъ людей, все яснѣе представлялись глазу контуры судна. Насъ занималъ вопросъ: „Сухона“ это или нѣтъ? Вотъ онъ спустился ниже нашей пристани, вотъ поворотилъ и подплываетъ къ намъ, вотъ причаливаетъ. Да, пароходъ сѣвернаго общества, но, увы! идетъ онъ на Архангельскъ.

У капитана мы узнали, что „Сухона“ выйдетъ изъ Устюга завтра, 20 сентября, въ часъ дня.

Я поднялся на берегъ. Ночь была до того темна, что ничего нельзя было различить подъ ногами. Приходилось идти, спотыкаясь и шлепая по грязи.

Вѣтеръ стихъ. Воздухъ былъ сыръ и холоденъ. Небо заволокло тучами и хоть бы одна звѣздочка! На вокзалѣ и въ крестьянскихъ домахъ мелькали огни. Тишина прерывалась лаемъ собакъ, шумомъ машины да говоромъ людей на пароходѣ.

Вдругъ въ темнотѣ послышался женскій говоръ, визгъ, смѣхъ. Голоса становились все отчетливѣе и до моего слуха донеслось нѣсколько отрывочныхъ фрасъ. Я узналъ своихъ двухъ землячекъ и разслышалъ два незнакомые голоса.

Мы встрѣтились. Оказалось, одна изъ нихъ упала въ канаву, въ грязь, чѣмъ и вызвала смѣхъ остальныхъ. Онѣ шли узнать о

пароходѣ и, разочарованные, вскорѣ пошли обратно. Я предложилъ имъ свои услуги въ качествѣ чичероне, при чемъ вооружился газовымъ фонаремъ, даннымъ мнѣ велосипедистомъ. Мы благополучно достигли деревни. При возвращеніи-то на пристань и произошелъ со мною казусъ.

Еще когда мы всѣ вмѣстѣ подходили къ деревнѣ, фонарь сталъ гаснуть. Велосипедистъ предупреждалъ меня, что въ такомъ случаѣ надо встряхивать фонарь. Я такъ и дѣлалъ. При возвращеніи же на пристань результаты встряхиванья стали получатся совершенно обратные: чѣмъ чаще я встряхивалъ, тѣмъ больше огонь дѣлался слабѣе и меньше. Онъ уже не освѣщалъ путь и, даже низко наклоняясь и осматривая мѣстность, я не могъ ни признать ее, ни найти тропинку, съ которой сбился. Кругомъ громадной площади, гдѣ прежде стояли дома крестьянскіе, мелькали огни. Въ темнотѣ нельзя было различить не только церкви, чтобы, идя къ ней, притти къ рѣкѣ, нельзя было даже опредѣлить, гдѣ вокзалъ, гдѣ дома причта, гдѣ дома крестьянъ. Огни опоясали площадь кольцомъ и путали меня. Можно было бы узнать сторону пристани по перерыву огней,—но перерывовъ было нѣсколько. Пароходъ ушелъ, еще когда я былъ услужливымъ кавалеромъ. Напрасно я старался вслушаться въ плескъ воды: на рѣкѣ было тихо; и я положительно не зналъ, куда держать путь. Я ходилъ то въ одну сторону, то въ другую, шлепалъ по грязи, зачерпнулъ полныя калоши и запачкалъ одежду. Фонарь совсѣмъ потухъ. Я блуждалъ, по крайней мѣрѣ, полчаса; вниманіе было слишкомъ напряжено; я выбился изъ силъ, усталъ, спотѣлъ и ужъ хотѣлъ броситься на землю, чтобы полежать,—отдохнуть и сообразить,—но подо мной была глиняная каша. Я въ безсиліи опустилъ руки и тяжело дышалъ, растегнувъ пальто и пиджакъ.

Бомм... раздалось на колокольнѣ.—Бомм... Трапезникъ бьетъ часы. И я понялъ, что я иду совсѣмъ въ противоположную отъ пристани сторону,—въ лѣсъ...

— Гдѣ это васъ угораздило?—Въ одинъ голосъ спросили меня компаньоны.—Что вы, купались, что ли, въ грязи?

Я расхохотался. Меня душилъ смѣхъ. Заблудился въ жиломъ мѣстѣ!

— Да что вы смѣетесь-то? Разскажите хоть.

Я разсказалъ, развѣшивая одежду для просушки. Въ эту минуту я былъ настоящая „мокрая курица“.

20 сентября.

Хоть вечеромъ небо было обложено дождевыми тучами и обѣщало ненастье, но день выдался ясный, тихій, рѣдкій на сѣверѣ въ осеннее время. А время по прежнему тянулось однообразно и скучно. Къ тому же спать было холодно и по тѣлу разлилось

какое то недомоганье, усталь. Кончено, чаепитье и не знаешь, куда дѣвать себя: и спать не хочется, и итти не хочется, и читать не хочется. Апатія ко всему и ко всѣмъ. Скучно, чортъ побери...

Въ полдень землячки перекочевали съ квартиры на пристань. Сошлись сюда и другіе проѣзжающіе въ города по Вычегдѣ, проживавшіе на квартирахъ. Разговоръ шелъ вяло, онъ только и вертѣлся на прибытіи парохода.

Нѣкоторые сходили въ контору за билетомъ и, къ удивленію, получили отказъ. Естественно, что поднялся общій переполохъ. Какъ, почему? Придетъ пароходъ, а уѣхать, чего добраго, не удастся... Билетовъ не выдавали, не надѣясь что имѣются свободныя мѣста, и обѣщали выдать по удостовѣреніи въ наличности ихъ, т. е. по прибытіи парохода.

Пароходъ пришелъ въ 8 часовъ вечера. Поднялась сутолока. Всѣ спѣшили садиться, всѣ кидались на пароходъ, точно голодные на кусокъ хлѣба. Справились о мѣстахъ и вопросъ разрѣшился къ общему удовольствію.

На пароходѣ я встрѣтилъ родную тетю, такъ что путешествіе мое сдѣлалось еще пріятнѣе. Всякій знакомъ съ тѣмъ радостнымъ чувствомъ, какое приходится испытывать при встрѣчѣ съ близкими людьми, которыхъ любишь и уважаешь. И опять разговоры о Яренскѣ, о родныхъ и знакомыхъ...

Звенитъ посуда, шумятъ самовары, оффиціанты мечутся. Утомленные и успокоенные пассажиры занялись пріятнымъ дѣломъ чаепитія.

Уже смеркалось, когда пароходъ отчаливалъ. Публика собралась на палубѣ. Послѣдніе, прощальные свистки раздаются въ тихомъ воздухѣ, машина шумитъ, разъяренныя колеса мѣрно стучатъ, пѣня воду и бросая брызги; бурля, острый носъ парохода разсѣкаетъ гладкую, свѣтящуюся поверхность воды, въ которой видно еще отраженіе неба, берега, судовъ.

Котласъ долго не скрывается отъ нашего взора. Здѣсь, какъ я говорилъ, соединяются рѣки Вычегда и Сухона. Начинается Сѣверная Двина—широка, многоводна, глубока.

Въ общей каютѣ II класса заняты всѣ мѣста. Кромѣ насъ троихъ, здѣсь были: знакомый намъ татаринъ, устюгскій купецъ, молодой священникъ съ женою и маленькимъ ребенкомъ, выслужившійся матросъ, устьсысольская дама и одинъ невольный яренжанинъ, впервые туда ѣхавшій. Всѣ какъ то скоро познакомились между собой, общій разговоръ не смолкалъ. И о чемъ только не переговорили! О судѣ присяжныхъ, о расколѣ, о грамотности, о печати, о религіи, о Толстомъ, о Богѣ и говорили такъ горячо, просто, искренно, свободно. То были не разговоры, обыкновенно ведущіеся на досугѣ отъ нечего дѣлать,—а споры, диспуты. И миссіонеръ (т. е. господинъ въ пушкинской шляпѣ),

и священникъ оказались людьми съ широкими взглядами, умными, начитанными, при чемъ первому слѣдуетъ отдать пальму первенства. Никогда еще мнѣ не приходилось такъ интересно путешествовать.

Позднѣе я снова вышелъ на палубу. Публика была въ сборѣ. Всѣ покутались въ теплую одежду. Было свѣжо. По ясному небу плылъ мѣсяцъ и блескъ его столбомъ отражался на водѣ. Прибрежные лѣса стояли хмуро и задумчиво, мертвая тишина нарушалась только стукомъ колесъ.

21 Сентября.

Удивительно капризна сѣверная природа. Вчера совершенно неожиданно наступила хорошая погода, а сегодня послѣ ясной ночи выдался дождливый, неясный день. Пассажиры почти не выходятъ изъ каютъ—развѣ на палубу подъ тентомъ, и то на короткое время. Спятъ, пьютъ чай, закусываютъ, читаютъ, а больше всего говорятъ; такъ проходитъ день. Я нетерпѣливо жду свой Яренскъ, а пароходъ какъ на зло двигается медленно, точно русскій человѣкъ по пути прогресса.

Ближе къ Котласу берега Вычегды отлоги и песчаны; недалеко за Сольвычегодскомъ—высокіе, крутые, глинистые. Тутъ проходитъ гряда холмовъ. Не доѣзжая верстъ 50 до Яренска, они опять отлоги и затопляются весенней водой: тутъ находятся богатые сѣнокосные луга (по мѣстному „пожни"). По пути попадаются села и деревушки, пашни, а то вдругъ на нѣсколько верстъ тянется лѣсъ и лѣсъ,—мрачный, темный, страшный.

Съ грѣхомъ попаламъ мы плетемся уже около ближайшихъ къ Яренску селъ—Цылебы, Ошлапья, Вожема. Вдали бѣлѣютъ Туглимская и Ленская церкви, напряженный взоръ различаетъ сѣрыя неуклюжія избы крестьянъ. Еще часъ—и самое ближайшее къ Яренску село внизъ по Вычегдѣ—Ирта.

Знакомыя, родныя мѣста... Въ прошломъ году я нѣсколько разъ былъ въ Иртѣ и, между прочимъ, „въ купальницу" (23 іюня), когда здѣсь бываетъ съѣзжій праздникъ. Въ этотъ день сюда приходитъ много народу изъ сосѣднихъ селъ и деревень, даже изъ другихъ уѣздовъ; пріѣзжаютъ окрестные священники, служба въ каменной, красивой и богатой церкви идетъ торжественно, поютъ семинары и ученики церковной школы. Крестьяне варятъ пиво и не скупятся на выпивку. Цѣлый вечеръ и всю ночь идетъ гульба и пѣсни молодежи, игра на гармоникѣ и хороводы тянутся до утра... Въ дѣтствѣ я каждый день ѣздилъ на этотъ праздникъ, и такъ было весело, радостно, хорошо дѣтскому сердцу. Гдѣ то дорогое, счастливое время, время дѣтскихъ свѣтлыхъ грезъ, когда житейская пошлость не касалась чистой души и совѣсть не знала укора? Увы, оно промчалось безвозвратно!

И какъ тяжело сознавать, какое сокровище утрачено въ борьбѣ съ жизнью и сколько взамѣнъ его всякой мерзости пріобрѣтено...

На счастье дождь перестаетъ и публика выходитъ на мостикъ. Настроеніе у всѣхъ повышенное, довольное. Казалось, лица яренжанъ говорили: „наконецъ-то!“

Между другими на палубу забрался мужичекъ въ чиркахъ, пониткѣ (пальто изъ своей пряжи) и чиркахъ.

— Господинъ капитанъ, нельзя ли меня высадить здѣсь, снимая шапку, сказалъ онъ.

— Тебѣ куда?

— Да въ Ирту мнѣ бы надо.

— Видишь, проѣхали ужъ.

— Вы меня на эту релку *) высадите, я добѣгу.

— Куда тебя на релку. Видишь, куда вода ушла. Какъ ты переберешься.

Капитанъ указалъ на заливъ, который счелъ за устье рѣки.

— Я проберусь.

— Нельзя здѣсь высаживать.

Я зналъ, что съ релки вполнѣ можно добраться до села и сказалъ объ этомъ капитану.

— Ну, ладно, иди, высадимъ,—сказалъ онъ.

Мужикъ мнется.

— Только я, вѣдь, безъ билета, господинъ капитанъ, говоритъ онъ.

— Какъ безъ билета? Почему?

— Да у меня рыба изъ Архангельска идетъ. Ну, я и не взялъ билета, потому какъ съ кладью, значитъ, ѣду. Вотъ накладная.

Онъ порылся за пазухой и досталъ оттуда свертокъ бумаги, обмотанный большимъ ситцевымъ платкомъ.

Капитанъ посмотрѣлъ бумаги и отдалъ обратно.

— Рубль пятьдесятъ коп. или поѣдешь въ Яренскъ,—рѣшительно произнесъ онъ.

— Денегъ то у меня нѣту, г. капитанъ.

— А мнѣ какое дѣло.

— Вы подождите маленько, я сбѣгаю къ батюшкѣ, возьму у него.

— Убирайся; не будемъ останавливаться.

Мужикъ ушелъ. Черезъ нѣкоторое время, идя въ каюту, я былъ остановленъ имъ.

— А вы какъ знаете эту мѣстность, здѣшній развѣ?—спросилъ онъ меня. Я назвалъ себя.

—А-а! Знаю, знаю... Вото что... А то думаю, кто бы такой.

— Теперь вамъ придется тащиться 20 верстъ пѣшкомъ.

---

*) Мысокъ.

— Ну, это не бѣда. Наплевать. Всетаки, полтора рубля не платить. Отъ нечего дѣлать итти-то. Будто 20 верстъ прошелъ за полтора рубля. Хе-хе-хе! А и деньги-то вотъ гдѣ!

И онъ стукнулъ себя по груди.

Я спустился въ каюту, сложилъ вещи и опять поднялся на мостикъ. Мы проѣзжали около устья р. Яреньги, по имени которой и названъ Яренскъ, хотя онъ стоитъ за двѣ версты отъ нея. Впрочемъ, изъ историческихъ актовъ видно, что онъ стоялъ прежде у самаго устья Яреньги, но былъ смытъ Вычегдой и по приказанію царя Алексѣя Михайловича перенесенъ на нынѣшнее мѣсто... Вдали, между рѣдкихъ кустарниковъ, показались бѣлые церкви Яренска, сѣрые обывательскіе дома и единственный каменный домъ.

Близокъ локоть, а не укусишь. Виденъ Яренскъ, а пути до него не меньше 2 часовъ. Пристань находится за 4 версты отъ города, и это разстояніе придется тащиться на тощей крестьянской лошаденкѣ. Родныхъ я не предупредилъ о своемъ пріѣздѣ, желая сдѣлать имъ сюрпризъ, а объ извозчикахъ въ Яренскѣ и помину нѣтъ.

Сумерки надвигались быстро. Впереди насъ, въ темной дали, мелькалъ огонь. То былъ костеръ на пристани.

Раздается первый свистокъ. Мы медленно приближаемся къ берегу. На берегу видны силуэты людей и лошадей, дрова, кладь.

— Чалку подавайте!—Кричитъ капитанъ.

Я спускаюсь внизъ, ступаю на трапъ и вотъ уже я—на родной землѣ.

О, родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!...

Я нанимаю лошадь, возвращаюсь за багажемъ, и вотъ по грязной дорогѣ, мало отличающейся отъ Томской и Котласской, мы съ тетей ѣдемъ домой. Чѣмъ больше мы приближаемся къ городу, тѣмъ больше возрастаетъ мое нетерпѣніе. Когда въѣхали въ городъ, я не могъ усидѣть на телѣгѣ. Лошадь шла тихо и я предпочелъ идти пѣшкомъ. Я шелъ быстро (здѣсь грязи почему то почти не было) и не успѣлъ пройти Покровскую площадь, какъ услышалъ знакомые голоса и смѣхъ.

Ба, да это мои братья и сестры бѣгутъ встрѣчать меня. Они откуда то узнали ужъ, что я пріѣхалъ. Они подхватили меня кто за руки, кто за платье и тащатъ. А вотъ и отецъ съ матерью. Они тоже встрѣтить меня идутъ. Здравствуйте, дорогіе мои...

К. Я—скій.

Изъ восточныхъ мотивовъ.

Ты приди въ мой садъ тѣнистый,—
Ты довѣрься мнѣ.
Мѣсяцъ свѣтитъ серебристый
Въ полной тишинѣ.

* * *

Очарую дивной сказкой,
Милая, тебя;
Усыплю я теплой лаской,
Нѣжа и любя.

* * *

Станъ волшебницы-голубки
Крѣпко обниму,
И коралловыя губки
Я къ устамъ прижму.

* * *

Унесу тебя далеко—
Къ вѣщимъ небесамъ;
Всѣ сокровища востока
Я тебѣ отдамъ.

* * *

Ты приди въ мой садъ тѣнистый,—
Ты довѣрься мнѣ.
Свѣтитъ мѣсяцъ серебристый
Въ полной тишинѣ.

Дм. Вольфсонъ.

На взорванный „Евгеній“.

Въ сумрачный осенній день выѣхалъ я съ поѣздомъ нашей Сибирской чугунки, приглашенный страховымъ обществомъ для ликвидаціи убытковъ по взрыву на пароходѣ „Евгеній“, принадлежавшемъ купцу В. Е. Ельдештейну. Обычный „черепашій„ ходъ поѣзда мало гармонировалъ съ моимъ желаніемъ, какъ можно скорѣе доѣхать „до мѣста“ и ознакомиться съ „интереснымъ случаемъ“ технической практики. Пересадка въ Тайгѣ нѣсколько разнообразитъ скуку переѣзда, но... вотъ снова закупориваютъ нашу коробку для четверыхъ незнакомыхъ знакомцевъ; наступаетъ ночь; въ тускломъ фонарикѣ надъ дверью коробочки флегматичный членъ „бригады“ зажигаетъ свѣточъ „братьевъ Крестовниковыхъ“, при жалкомъ мерцаніи котораго одинъ изъ заключенныхъ пробуетъ читать; но эта смѣлая и неосмотрительная попытка къ порчѣ собственныхъ глазъ очень скоро надоѣдаетъ ему и, бросивъ негодующій взглядъ на мигающій свѣтъ, онъ съ глубокимъ скорбнымъ вздохомъ кладетъ книгу на веревочную сѣтку вагонной полки... Мы, невольные свидѣтели неудавшейся попытки вкусить отъ издѣлій типографской кухни,—невольно отвѣчаемъ такимъ же вздохомъ и при этомъ невольно вспоминаемъ кіоски книгъ на каждой почти станціи,—случаи покупки книгъ „для дороги“,—прочитанныхъ у себя дома.... Тоска!... Дождь барабанитъ по крышѣ вагона... разговоръ не клеится,—даже „дѣдушка Крюгеръ“, „Китайская современная Семирамида“, съ ея большимъ, но не увѣсистымъ кулакомъ, «мобилизація» и иныя злободневныя темы проносятся лишь въ видѣ нѣсколькихъ фразъ и снова... скука одиночества, сквернаго одиночества въ четверомъ охватываетъ насъ... Что дѣлать?!.. Безпросвѣтная черная мгла въ плачущемъ окнѣ вагона, полупотемки внутри «купе» отвѣчаютъ на этотъ вопросъ... „Спитъ христіанскій міръ“—усни и ты, если можешь.... Рано, рано утромъ, какъ по мановенію волшебной палочки очнулись мы, всѣ обитатели купе, отъ тяжелой дорожной дремы, стуча зубами отъ отеческихъ заботъ нашихъ желѣзнодорожныхъ заправилъ. Несмотря на сибирское десятое сентября, осеннюю сырость и холодъ,—эти мудрые люди все еще держатъ вагоны на „лѣтнемъ положеніи“ и невольно бѣдному случайному обитателю, по необходимости занимающему эти зимнія дачи, приходится сказать:—„вѣдь, имъ самимъ въ эту минуту должно быть тепло, даже очень тепло“... и „что имъ эта скорбь вопіющая и что имъ этотъ бѣдный народъ“...

Опоздавъ, по обыкновенію,—поѣздъ, наконецъ, останавливается у станціи, которая, хотя и стоитъ у большаго люднаго

поселенія, называется „*Обь*“,—видимо, великой Сибирской рѣки отдано больше предпочтенія, чѣмъ поселенію людей, носящему имя „Ново-Николаевскъ“ съ 17 тысячами жителей и не имѣющемъ никакой опредѣленный физіономіи *). По числу жителей—это довольно значительный для Сибири городъ,—но безъ городскаго управленія, на село не смахиваетъ также; а постройки и хаотическая разбросанность ихъ по правому берегу Оби напоминаютъ—не то временный поселокъ какой то громадной пріискательской партіи, не то что-то иное, еще болѣе странное. Отогрѣвъ свое окоченѣвшее въ вагонѣ тѣло нѣсколькими стаканами жидкаго станціоннаго чая, мы мѣняемъ, съ случайнымъ моимъ спутникомъ по путешествію, способъ передвиженія, принесенный цивилизаціей, на старый простой способъ передвиженія, по почтовому Барнаульскому тракту, и скоро пара худыхъ малорослыхъ, но бойкихъ лошадокъ помчала насъ по первому станку до Берска... Здѣсь было много воздуха; съ неба на насъ свѣтило и, хотя по осеннему, но пригрѣвало насъ ясное солнце, и кругомъ мелькали то прибрежныя луговины, то щетины убранныхъ полей, или лѣсныя гривы—съ яркими цвѣтами осени: то золотисто-желтымъ, то кровяно-краснымъ на листвѣ раздѣвающихся деревьевъ. Дорога на лошадяхъ въ чудный осенній день, когда нѣтъ ни грязи, ни пыли, всегда несетъ съ собою хорошее настроеніе, а послѣ испытанныхъ нами „неудовольствій“—наше настроеніе прямо можно было назвать „очаровательнымъ“. Вотъ переправа черезъ Обь у Берска; мимолетная смѣна лошадей, и мы снова мчимся дальше, съ жадностью впивая живительную влагу ароматнаго воздуха полей... Проѣзжаемъ чрезъ большую деревню, раскинувшуюся по скату большаго лога, на днѣ котораго неторопливо бѣжитъ малая рѣчка. Сначала насъ обступаютъ старыя почернѣвшія избы, потомъ мелькаетъ небольшое зданіе съ вывѣской „школа“. Вотъ и старая почернѣвшая съ понагнувшейся колокольней деревянная церковь. Церковь эта стоитъ на концѣ деревни; тянутся ряды старыхъ, крытыхъ тесомъ, избъ, а далѣе—за церковью обширное кладбище, обильное покривившимися и полуразрушенными деревянными крестами... Затѣмъ, дальше кладбища съ нѣкоторымъ отъ него разрывомъ вновь какія то странныя постройки. Такія въ среднихъ губерніяхъ Россіи „амбарушки“ для хлѣба строятъ мужики. Маленькій, очень маленькій срубъ изъ 3 вершковаго лѣса; крыши нѣтъ, а просто на потолокъ насыпана толстымъ слоемъ земля, да сверхъ нея набросанъ дернъ, изъ подъ котораго выставляется къ верху остовъ деревянной трубы отъ един-

*) Нынѣ, по полицейской переписи, произведенной въ декабрѣ 1900 г., болѣе 25 тысячъ жителей. *Примѣч. Редак.*

ственной печи этого человѣческаго жилища. Кругомъ дома, вмѣсто крытаго крестьянскаго двора, обнесенъ—не тынъ, не городьба,—а такъ—нѣкоторое слабое напоминаніе ихъ: изъ двухъ—трехъ жердочекъ и столькихъ же кольевъ, что и показываетъ вамъ, что здѣсь границы *помѣстья* того владѣтельнаго лица, которое обитаетъ въ этомъ пышномъ замкѣ безъ крыши... Этотъ владѣтель—„новоселъ", „переселенецъ", „носитель культуры", только что поселившійся въ деревнѣ и уже сразу по постройкѣ жилища обнаружившій степень той культуры, которую онъ принесъ сюда...

Возница нашъ оказывается разговорчивымъ человѣкомъ. Онъ сибирякъ и презрительно относится къ переселенцу и не упускаетъ случая высказать предъ нами свое презрѣніе къ нему.

— Вотъ, ваше благородіе, говоритъ онъ, тыкая кнутомъ по направленію къ избамъ новоселовъ,—въ этихъ самыхъ палатахъ-та тоже, вѣдь, не собаки-съ, а люди живутъ! Поглядѣть на домину-то такъ какъ бытто и не вѣрится, а все-же-съ правда!.. Да-съ, плоховато, знать, тамъ въ Россіи-то ихняго брата прикармливаютъ: претъ къ намъ этой самой „шпаны" голодной видимо невидимо, и одна отъ нихъ, ваше благородіе, напасть... Вотъ-съ извольте разсудить теперь сами: жили мы до нихъ слава Господу Богу, владѣли всѣмъ положеньемъ, какъ отцы и дѣды наши владѣли—ни у насъ границъ, ни у насъ отмѣру тамъ какого: знали мы только, что эти, вотъ, ялани наши, а тѣ, вотъ, Лаврухинскихъ мужиковъ, и все тутъ. А какъ понесло это, вотъ, падло-то, за наши, надо полагать, прегрѣшенія Господь послалъ, и пошли это у насъ надѣлы, да отводы, да перемѣры... Эхъ! хе-хе! Ну, вы, идолы стоеросовые! гаркнулъ онъ въ заключеніе на понурившихся лошадокъ и снова полетѣли мы, вырвавшись изъ этой стаи столпившихся на одномъ мѣстѣ избушекъ. Проѣзжали мы нѣсколько и другихъ деревень, съ такими же убогими лачугами новоселовъ на краю ихъ, и вездѣ была видна ихъ крайняя бѣдность и неустроенность. На остановкахъ я пробовалъ заговаривать съ новоселами; распрашивалъ; не веселы ихъ были отвѣты; многіе скучаютъ по далекой оставленной родинѣ. Видимо, трудно уживаться какому нибудь тихонькому бѣлоруссу рядомъ съ самоувѣреннымъ смѣлымъ сибирякомъ. Поразительно сравненіе рядомъ поставленныхъ—недавняго раба и свободнаго землепашца!...

Вотъ, наконецъ, послѣдняя переправа, передъ самымъ Барнауломъ. Ѣдемъ заливною низиной между громадными ветлами... Вдали красиво высится „*Глядѣнъ*". На перевозѣ насъ задерживаетъ долго переправа нѣсколькихъ ротъ Барнаульскаго баталіона, вновь сформированныхъ. Они идутъ на зимнія квартиры въ ближайшія волости... Веселы солдатики; идутъ молодецки:

лихая разухабистая солдатская пѣсня съ присвистомъ и гиканьемъ долго виситъ въ воздухѣ надъ нами... Промелькнулъ подъемъ высокаго Глядѣна *), длинный пологій спускъ къ городу и, вотъ, мы и въ самомъ Барнаулѣ и еле-еле двигаемся по сыпучему песку его улицъ.

Послѣ нѣкотораго скитанія въ поискахъ за комнатой, мы, наконецъ, поселяемся въ меблированныхъ комнатахъ нѣкоей Комаровой, гдѣ и отводятъ намъ какой то темный чуланчикъ, —не то въ подпольѣ, не то въ подвалѣ, по Барнаульски это— *„первый этажъ“*, а чуланъ, съ подпорками изъ трехъ досокъ на качающихся козелкахъ, *„номеръ“* или иначе *„меблированная комната.“*

На другой день чуть свѣтъ я былъ уже на ногахъ, и мы отправились на „Евгеній“. Вотъ передъ нами „пароходная пристань“ на берегу непривѣтливой, мутной осенней Оби. И тутъ около баржи, слегка загороженной отъ любопытныхъ взоровъ, и „Евгеній“. Снаружи „Евгеній“ все тотъ-же бѣленькій „Американецъ“, какъ и былъ,—но это только на первый взглядъ. Входимъ на баржу, у которой онъ стоитъ, и замѣчаемъ нѣкоторые слѣды разрушенія: палуба мостика—балкона вокругъ втораго этажа мѣстами приподнята; двери 2-го класса входныя перекошены; фонарикъ иллюминаторъ втораго этажа переломленъ и приподнятъ. Становится очевиднымъ, что „великая сила“, приспособленная Уаттомъ для службы человѣка, жестоко можетъ отплатить ему—этому человѣку—за свое порабощеніе, если онъ не съумѣетъ владѣть ею... Но, вотъ, мы и на самомъ „Евгеніѣ“. Дабы не сгущать и не умалять впечатлѣнія, я сообщу читателямъ все, что „оффиціально“ занесено мною въ мое описаніе аваріи...

Лѣвый паровой котелъ взорванъ, при чемъ характеръ взрыва таковъ: потолокъ топочной камеры вогнутъ внутрь топки, при чемъ всѣ анкерныя связи, крѣпящія его съ наружною бочкою котла, сохранивъ свое нормальное направленіе и держась въ наружной бочкѣ, вырваны изъ потолка камеры; верхній отражательный боровокъ разорванъ на фальцахъ и также вмѣстѣ съ потолкомъ вдавленъ внутрь топки: о состояніи трубной рѣшетки судить нельзя въ виду того, что она закрыта вдавленной частью потолка; отъ фальца лобоваго топочнаго листа на всемъ протяженіи вдавленнаго мѣста потолокъ оторванъ, при чемъ часть заклепочныхъ отверстій прорвалась, а часть осталась на заклепкахъ этого фальца, почти вся передняя часть шва осталась на заклепкахъ. Взрывомъ котелъ подвинутъ съ своего мѣста впередъ, къ носовой части парохода на $4^1/_2$ аршина и кромѣ того извернутъ немного въ сторону праваго котла; при этомъ паропускательный аппаратъ взорваннаго котла отломился отъ фланца на сухопарникѣ и оторвался отъ паропроводной трубы, найденъ упавшимъ между котлами,—открытъ совершенно почти на полный подъемъ клапана. Сигнальный свистокъ въ моментъ осмотра найденъ

*) *„Глядѣнъ“*—называется высокая цѣпь горы, на которую приходится подняться, подъѣзжая къ Барнаулу.

закипѣвшимъ и ручка его пробная не могла быть повернута. Питательные клапаны найдены въ такомъ видѣ: отъ донки открыты и винтиль клапана и кранъ, ведущій отъ него къ котлу; отъ инжектора—винтиль клапана чуть открытъ, а кранъ отъ него къ котлу закрытъ совершенно. Манометра на котлѣ не оказалось, онъ найденъ отброшеннымъ въ сторону и совершенно измятымъ. Водомѣрная колонка находится полуоторванной отъ трубъ слѣва котла,—краны ея тоже полуоткрываются только и то съ большимъ трудомъ. Пробные краны—два нижнихъ открывались съ большимъ трудомъ и только верхній легко. Предохранительный клапанъ остался на сухопарникѣ котла, на своемъ мѣстѣ безъ особыхъ поврежденій.

Правый котелъ въ моментъ осмотра оказался тоже немного сдвинутымъ съ своего мѣста въ бокъ, къ правому борту и немного впередъ; наружныхъ признаковъ поврежденія на немъ не оказалось. Состояніе анкерныхъ связей потолка топочной камеры и ржавые около многихъ изъ нихъ подтеки указываютъ на течь существовавшую въ нихъ; такое же явленіе замѣчается въ швахъ верхняго порога и въ роскаткѣ трубъ до семи шт. въ правой части трубной рѣшетки. Топка на половину заполнена обгорѣлыми уже, но залитыми дровами; что дрова были заливаемы, видно изъ того, что въ углубленіи между трубной рѣшеткой и нижнимъ боровкомъ стоитъ вода на вышину до 6 вершковъ. Во многихъ мѣстахъ отъ желѣза на потолкѣ камеры отстали легкія пленки окалины. Питательные клапаны поставлены такъ: отъ донки полуоткрытъ кранъ и совершенно открытъ винтиль клапана, отъ инжектора закрыты совершенно какъ винтиль клапана, такъ и кранъ. Манометра на котлѣ не оказалось, онъ найденъ упавшимъ съ котла и сильно измятымъ. Паропускательный аппаратъ закрытъ, но не совсѣмъ плотно. Аппаратъ, ведущій въ коллекторъ служебныхъ винтелей, оторванъ отъ сухопарника. Предохранительный аппаратъ на мѣстѣ. Паропроводныя трубы на машину оборваны обѣ за тройникомъ ихъ соединяющимъ. Внутренній осмотръ котла показалъ, что накипи въ немъ было не особенно много, при чемъ она совершенно отстала и удаляется при легкомъ прикосновеніи съ верхней части потолка топки и верхняго ряда трубъ, но на бокахъ топочной камеры и нижнихъ трубахъ держится плотно. Отъ взрыва этотъ котелъ не пострадалъ нисколько, неисправности же, замѣченныя въ немъ, произошли на предъидущей службѣ его.

Питательные приборы оказались въ слѣдующемъ видѣ: донка имѣетъ кранъ открытымъ на снабженіе водянаго бака; инжекторъ—винтиль паровой и ручку перевода конуснаго стержня на работу питанія котловъ.

Паровпускной аппаратъ на коробкѣ золотника малаго цилиндра открытъ на $^1/_4$ оборота; въ такомъ же положеніи добавительный клапанъ.

Водогонъ, служащій для потравы пара, открытъ совершенно.

Контрольный манометръ, находящійся въ машинной рубкѣ, на передней части котельнаго кожуха, выходящаго въ эту рубку, стоитъ: контрольная стрѣлка на 148 ф., а указательная на 14 ф.

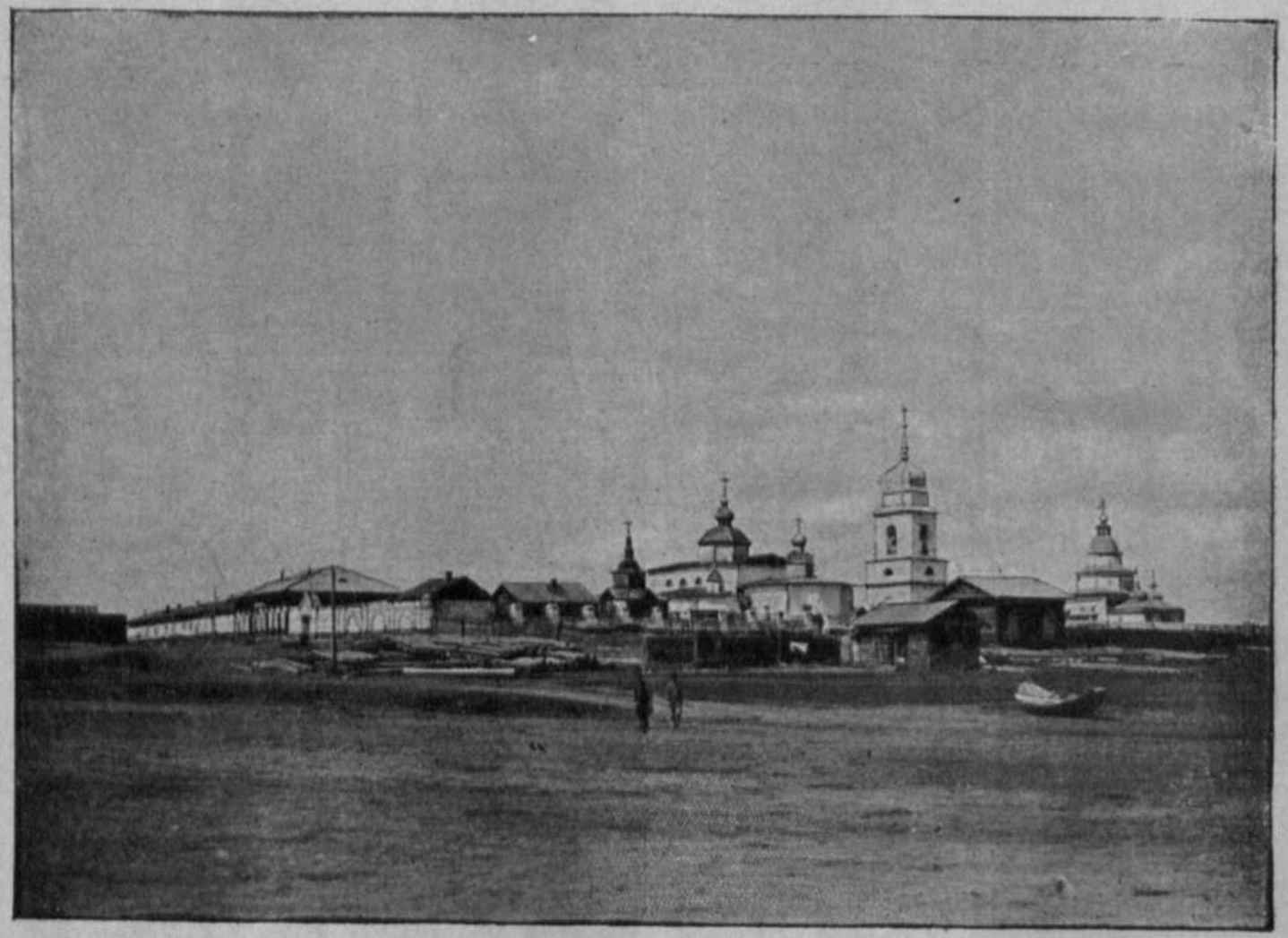
Винтиль на коллекторѣ, ведущій паръ на донку, и инжекторъ открытъ совершенно.

Связей во взорванномъ котлѣ поперечныхъ рядовъ 10 и повдоль котла до огневой камеры 13 рядовъ; у всѣхъ связей рѣзьба винтовая, такъ же какъ и въ мѣстахъ укрѣпленія ихъ на потолкѣ, сохранилась весьма хорошо,—сорваны только конуса раззинковки на связяхъ.

Личина взорваннаго котла оторвана отъ него и найдена разбитою на нижней палубѣ парохода.

Переходя отъ самаго котла къ поврежденіямъ, коими сопровождался взрывъ, находимъ:

Ударомъ отброшеннаго впередъ котла испорчена паровая машина, а именно: разрушены двѣ чугунныя рамы лѣвой машины и одна рама правой; изогнутъ лѣвый бортовой валъ и средній валъ; изогнутъ шатунъ лѣвой машины отъ большаго цилиндра и зажатъ въ кривошипахъ; палецъ головного подшипника этой машины отъ перекоса валовъ имѣетъ нажимъ и согнутъ; согнуты и по-



Спасскій (мужской) монастырь въ г. Якутскѣ

(Cloître du Sauveur à Iakoutsk).

ломаны двѣ связи желѣзныя отъ рамъ къ цилиндру лѣвой машины и одна связь отъ правой машины; стойки лѣвой машины, а также и связи рамъ между собою и съ машинными болтами изогнуты и поломаны; всѣ трубы машинныя помяты и мѣстами поломаны.

Всѣ паропроводныя трубы около котловъ оборваны и поломаны; изъ арматуры половина безусловно испорчена и негодится къ употребленію.

Дымникъ и нижняя часть дымовой трубы испорчена совершенно.

Поврежденія, произведенныя взрывомъ въ корпусѣ судна, слѣдующія: кильсоны, шпангоуты, стулья подъ котлы, бимсы котельнаго отдѣленія, котельная и машинная залючины, верхняя часть желѣзной переборки въ кочегаркѣ и задняя (считая по корпусу) машинныя балки сдвинуты съ своихъ мѣстъ болѣе или менѣе и частью изогнуты и поломаны.

Нижняя палуба подъ котлами и кочегарней взломана и потревожена на протяженіи отъ передней машинной переборки около носоваго багажнаго трюма до входа на лѣстницу втораго класса.

На нижней палубѣ: въ носовой части колонки подпирающія долевыя бимсы постройки вышли изъ своихъ мѣстъ, переднія кожуховыя каюты не потревожены,—поломаны лишь входныя двери; машинный иллюминаторъ уничтоженъ; заднія кожуховыя каюты пострадали сильно, бимсы верхней постройки подъ котлами, а также и котельный кожухъ сдвинуты съ своихъ мѣстъ, а нѣкоторые бимсы поломаны; каюта оффиціанта третьяго класса изломана также какъ и входъ въ корридорѣ втораго класса; каюты бортовыя третьяго класса слегка повреждены; колонки подпирающія продольные бимсы вышли изъ своихъ мѣстъ и наклонены къ кормѣ парохода.

На второй палубѣ во всѣхъ помѣщеніяхъ 1-го класса перекошены двери; каюта командира, общія комнаты 2-го класса, корридоръ 2 класса и каюты до 2-й отъ фойе 2 класса повреждены очень сильно, сама 2-я палуба на всемъ протяженіи лѣваго борта отъ каюты командира до кормы приподнята и поломана.

Крыша 2 класса мѣстами приподнята и бимсы сдвинуты съ своего мѣста, иллюминаторъ 2 класса приподнятъ взрывомъ и въ срединѣ изломанъ.

Разсматривая взорванный котелъ и послѣдствія вызванныя аваріей, безусловно приходится установить типическій случай взрыва пароваго котла, происшедшаго отъ слѣдующихъ причинъ:

Въ моментъ взрыва оба паровые котлы, готовясь къ отвалу шуровались,—при чемъ правый котелъ былъ зашурованъ позднѣе и неимѣлъ еще достаточнаго давленія пара—иначе отъ сотрясенія при взрывѣ лѣваго котла онъ неминуемо взорвался бы и самъ,—хотя отъ этого онъ былъ предохраненъ отверстіемъ, образовавшимся отъ оторваннаго винтиля къ коллектору, черезъ которое и произошла потрава пара еще небольшой упругости. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ котлѣ въ моментъ взрыва воды была опущена ниже огневой черты *). Это доказывается во взорванномъ котлѣ дальнѣйшимъ изложеніемъ, а въ цѣломъ тѣмъ, что отъ желѣза въ топкѣ отошелъ мѣстами тонкій слой окалины и при осмотрѣ внутренности котла накипь сверху камеры отстала и удаляется при самомъ легкомъ прикосновеніи, а съ боковъ сидитъ плотно (и при томъ такъ, что надъ частью потолка расположенной ближе къ шуровочнымъ дверцамъ былъ еще во взорванномъ котлѣ тончайшій слой воды, а ближе къ трубамъ ее уже не было совершенно). Это видно изъ того, что желѣзо боровка и связи потолочныя, расположенныя въ 11, 12 и 13 ряду отъ лобоваго листа, имѣютъ засинь, а ближнія связи таковой не имѣютъ. (Слѣдовательно накалившись весьма сильно потолокъ топочной камеры оголеннымъ мѣстомъ своимъ, сильно перегрѣвалъ образовавшійся ранѣе паръ, но давленіе этого пара не могло возрастать безъ какой либо причины подѣйствовавшей сразу, дабы освободить то громадное количество пара, каковое

*) Потолка топочныхъ камеръ.

имѣла въ себѣ остававшаяся въ котлѣ вода, такъ какъ постепенная и постоянная потрава пара шла изъ этого котла на работу донки и водогона (это подтверждаютъ открытый винтиль водогона и донки на коллекторѣ, открытый аппаратъ донки и полное открытіе винтиля на водогонѣ). Питанія котловъ въ это время совершенно не производилось, такъ какъ хотя клапаны отъ донки и полуоткрыты на котлѣ, но кранъ донки самой работаетъ на бакъ, слѣдовательно разобщенъ съ нимъ; инжекторъ хотя и стоитъ на рабочемъ положеніи, но по непростительной халатности машинной прислуги краны питательныхъ клапановъ отъ него на котлахъ закрыты. Не получая питанія, вода въ котлѣ все болѣе перегрѣвается, но котелъ все еще терпитъ, такъ какъ медленная потрава черезъ доночный винтиль и водогонъ идетъ и не даетъ накопляться давленію; но вотъ командиръ идетъ изъ машины давать 3й свистокъ (свидѣтельское показаніе)—машинистъ хватается за паропускательный и добавительный аппараты, чтобы прогрѣть машину (паропускательный и добавительный аппараты открыты на $^1/_4$ оборота), и картина мгновенно измѣняется. Получивъ новый выходъ, сразу часть пара выходитъ изъ котла. Достаточно этого мимолетнаго едва замѣтнаго пониженія и сразу съ громадною энергіей освобождается изъ перегрѣтой воды масса пара, моментальный ужасный толчекъ и слабое мѣсто котла—размягченный, раскаленный потолокъ топочной камеры, вырывается въ топку,—а самый котелъ подъ ударомъ пароваго тарана летитъ съ ужасной силой на $4^1/_2$ арш. впередъ. Этотъ мгновенный ударъ давленія—контрольный манометръ не можетъ отмѣтить, такъ какъ въ моментъ взрыва обрывается и ведущая къ манометру трубка. Что же и кто же виноватъ, задаешь себѣ невольный вопросъ, въ этомъ взрывѣ? И сколько бы не думало людей надъ этимъ вопросомъ, отвѣтъ одинъ: онъ ясенъ и изъ состоянія котловъ (шуровка безъ воды, течи трубъ и связей) и изъ состоянія арматуры (краны открываются съ такимъ трудомъ, что, видимо, далеко не часто на нихъ обращалось вниманіе), и изъ состоянія питательныхъ приборовъ (инжекторъ въ работѣ, а краны отъ него къ котламъ закрыты и т д.) виновато халатное, безалаберное отношеніе къ своему дѣлу этого машиннаго персонала, коему поручено было управленіе паровыми приборами несчастнаго парохода.

. . . . . .

...Но они,—эти „полуграмотные практики“, стоявшіе около котловъ и машинъ „Евгенія“, понесли кару за свою смѣлую халатность; они первыя жертвы этого несчастія, они умерли въ страшныхъ мученіехъ отъ ожоговъ или въ самое время взрыва, или чрезъ нѣсколько дней. Но, вмѣстѣ съ ними, были и другія человѣческія жертвы: всѣхъ погибло 14 и 15 человѣкъ. Съ кого же спроситъ всесправедливая рука Всемогущаго Возмездія за эти къ небу вопіющія жертвы? Нѣтъ! Конечно, не съ нихъ,—этихъ „ремесленниковъ“, которые изнемогали на работѣ изъ за куска хлѣба...

Пора уже, въ виду развитія сибирской промышленности, поставить просвѣщенныхъ руководителей для нея и чѣмъ скорѣе они будутъ, тѣмъ лучше. Я разсказалъ здѣсь объ одномъ только случаѣ нашей „технической практики“ на водѣ, а сколько мнѣ, всего только за пять лѣтъ пребыванія въ Сибири, удалось

видѣть непривлекательнаго „на сушѣ“ въ постановкѣ промышленныхъ дѣлъ!—Объ этомъ я какъ нибудь побесѣдую съ читателями послѣ... *)

Алексѣй Скороходовъ.

1890 г. 18 Декабря.
г. Томскъ.

Невольница Оби.

(Остяцкая легенда).

Весна сѣдыхъ вѣковъ... Царитъ вездѣ покой
Надъ гордою полярною рѣкой,
А ночи бѣлыя, безъ сумрака, огней,
Разносятъ сны волшебные по ней...
Ни звука, ни души. Спитъ въ нѣмѣ Объ.
Лишь бубенъ бьетъ тревожныхъ звуковъ дробь,
Да отъ густыхъ лѣсовъ Надыма, вдалекѣ,
Таинственныя тѣни близятся къ рѣкѣ.
Но кто-бъ тамъ былъ въ глухую эту ночь?
То люди все: ведутъ отъ князя дочь
На жертву водъ. Ея красивѣй нѣтъ,
Ей жить въ Оби—гласитъ боговъ завѣтъ...
Грѣхи тогда народу всѣ простятся...
Красавицѣ пусть дорогъ бѣлый свѣтъ,
Но надо съ нимъ ей навсегда разстаться,

---

*) Въ настоящей статьѣ описывается случай аваріи, которую понесъ въ минувшемъ 1900 г. во время плаванія между Томскимъ и Барнауломъ пароходъ купца В. Е. Ельдештейна „Евгеній“. Самъ владѣлецъ парохода сдѣлался жертвою этого крушенія: получивъ сильные ожоги, онъ умеръ. Мы помѣстили статью г. Скороходова, такъ какъ она, по нашему мнѣнію, затрогиваетъ важный вопросъ о необходимости ставить во главѣ какъ пароходныхъ, такъ и другихъ предпріятій лицъ съ извѣстнымъ техническимъ образовательнымъ цензомъ, что до сихъ поръ исполняется не всегда и во главѣ дѣла, сплошь и рядомъ, мы находимъ людей мало свѣдущихъ и необладающихъ необходимыми знаніями.

Примѣч. редак.

* * *

Рѣка близка. Волнуется народъ;
Рыдаетъ въ страхѣ жертва сонныхъ водъ;
На плечи падаетъ каскадъ звенящихъ косъ,
На грудь высокую—волна горючихъ слезъ.
Влекутъ несчастную. Минута—шагъ
И, подъ удары бубна, жрецъ и магъ,
Чтобъ завершить велѣніе боговъ—
Толкнетъ ее съ родимыхъ береговъ.
Послѣдній мигъ... Закроются глаза...
Прощай Надымъ! Еще тебѣ слеза...
А Обь—и не проснется—
И не почувствуетъ, что ей краса
На жертву отдается...

Кузнецовъ-Тобольскій.

Поэтическая натура.

(Изъ дорожныхъ арабесковъ).

Въ началѣ августа 1895 года я съ золотопромышленникомъ Степаномъ Ивановичемъ Крелинымъ выѣзжалъ съ промысловъ Южно-Енисейскаго Горнаго округа въ Красноярскъ.

Ѣхали мы по, такъ называемой, „Мотыгинской" дорогѣ. Дорога ужасная—колеи выбились настолько, что тарантасъ качало не хуже, чѣмъ на Черномъ морѣ въ бурю. Ни чудные сосновые боры, ни горныя рѣчки, съ мелодичнымъ журчаніемъ серебрившіяся по долинамъ,—ничто не радовало нашъ взоръ.

Въ утомленныхъ головахъ нашихъ сидѣла одна мысль: скорѣе бы добраться до сема Рыбнаго,—откуда мы должны были плыть на лодкѣ по Ангарѣ до с. Стрѣловскаго, при сліяніи Ангары съ Енисеемъ.

День выдался довольно жаркій. Мы поднимались на послѣднюю гору передъ Ангарой. Степанъ Ивановичъ, развалившись въ тарантасѣ, злобно таращитъ глаза; нашъ пріисковый конюхъ Яковъ, покачиваясь на козлахъ и мурлыча подъ носъ какую то

заунывную пѣсню, старательно свертываетъ „цыгарку“ изъ толстой бѣлой бумаги; я отъ нечего дѣлать наблюдаю за лошадьми. Усталая тройка еле движется, правая пристяжная, воспользовавшись невниманіемъ конюха, распустила постромки и уныло повѣсила голову, лѣвая же старается изо всѣхъ силъ и искоса поглядываетъ на конюха, какъ бы соображая: это ничего не значитъ, что онъ такъ смирно сидитъ, вотъ, закуритъ цыгарку, возметъ кнутъ да и огрѣетъ. Наконецъ, Яковъ закурилъ и, увидѣвъ хитрость правой пристяжки, начинаетъ тихонько вытаскивать изъ подъ сидѣнія бичъ. Лѣвая, замѣтивъ маневръ конюха, что называется, лѣзетъ изъ кожи, помогая коренному. „Не тебя! Не тебя! Дура!“ шепчетъ Яковъ, и дѣлаетъ взмахъ бичемъ,—правая пристяжная подскакиваетъ, какъ ужаленная, бросается въ сторону и дергаетъ затѣмъ тарантасъ изо всей силы.

— О чертъ! ругается Степанъ Ивановичъ, стукнувшись отъ толчка головой о накладушку тарантаса.

Внутренно я очень доволенъ несчастію своего спутника, который своимъ молчаніемъ и сигарами порядочно надоѣлъ мнѣ за дорогу, но дѣлаю соболѣзнующее лицо и спрашиваю его: не очень ли онъ зашибъ голову?

— Не привыкать! Ужъ, кажется, разъ сто стукнулся! бурчитъ онъ, сердито вращая глазами. По этакой дорожкѣ проѣхавшись, немудрено, что и безъ головы останешься.

— Да сами же вы, Степанъ Ивановичъ, виноваты,—сидите въ тарантасѣ и, то и дѣло, головой стукаетесь; вотъ вылѣзли бы немного, какъ я,—можно бы и видами любоваться и отдохнули бы.

— Видами! фыркаетъ Степанъ Ивановичъ, достаетъ сигару, съ пыхтѣніемъ закуриваетъ и, уставившись глазами въ какую то точку, пускаетъ облака дыма.

Степанъ Ивановичъ большой скептикъ, а мои совѣты ни въ грошъ не ставитъ и согласенъ лучше всю дорогу стукаться головой, чѣмъ измѣнить позу.

За дорогу я немного изучилъ характеръ своего спутника, поэтому и не пытаюсь его уговаривать.

— Какъ Ангару увидишь, скажи намъ! обращаюсь я къ Якову.

— Надоѣло, должно, бултыхаться то? скалитъ зубы Яковъ, оборачивая къ намъ веселую физіономію.

— Эхъ вы, малюточки! Послѣдній взлобочекъ! кричитъ онъ вдругъ на лошадей, подбирая возжи.—Тройка собираетъ послѣднія силы и мы рысью въѣзжаемъ на вершину горы.

— А вотъ она и Ангара! оборачивается къ намъ Яковъ, останавливая лошадей и указывая вдаль кнутовищемъ.

Я вылѣзаю изъ тарантаса и вглядываюсь по направленію кнута Якова. Дѣйствительно, вдали вилась широкая голубая лента

и даже какъ будто потянуло холодкомъ. Коренникъ поднялъ голову и насторожилъ уши, тоже какъ бы вглядываясь вдаль.

Мы на самой вершинѣ горы. Картина, представляющаяся нашимъ глазамъ, мирная, спокойная—нѣтъ ничего рѣжущаго взоръ. Кругомъ горы и горы, покрытыя лѣсами, издали похожія на зеленые холмы, и между ними вьется голубая лента. Синее небо, съ рѣдко разбросанными кусочками бѣлыхъ облаковъ, какъ-бы куполомъ виситъ надъ нами. Вѣтерокъ шелеститъ листьями ольхъ, растущихъ по обѣ стороны дороги между гигантами соснами.

Яковъ, забросивъ цыгарку, изобразилъ на своей широкой физіономіи нѣчто похожее на мечтательное выраженіе. Одинъ Степанъ Ивановичъ съ невозмутимымъ видомъ лежалъ въ тарантасѣ, утопая въ облакахъ дыма. Нѣсколько минутъ я молча любовался открывшейся картиной.

— Будетъ ужъ—наглядѣлись, послышался сердитый голосъ Степана Ивановича изъ тарантаса.—Не понимаю я, какъ можно попусту пялить глаза, добавляетъ онъ, дѣлая удивленное лицо.

— Да видъ красивый—Ангара видна! оправдываюсь я, залѣзая въ тарантасъ. Степанъ Ивановичъ пожимаетъ плечами, сердито прокашливается и бросаетъ на меня взглядъ, полный презрѣнія.

Дорога подъ гору лучше. Лошади, чувствуя близость отдыха, бѣгутъ весело. Колокольцы и бубенчики заливаются. Яковъ свиститъ, какъ соловей разбойникъ, и покрикиваетъ на лошадей тоненькимъ неестественнымъ голосомъ.

— Степанъ Ивановичъ! обращаюсь я черезъ нѣкоторое время къ Крелину,—неужели же въ Ангарѣ нѣтъ ничего красиваго и интереснаго?

— Видите-ли, сердито бурчитъ Степанъ Ивановичъ,—я хоть и плавалъ по Ангарѣ разъ двадцать, но, признаться сказать, на красоты природы никогда не обращалъ вниманія.

— А Стрѣловскій порогъ? Вѣдь, онъ, говорятъ, до нѣкоторой степени даже опасенъ, на него вы должны были обратить вниманіе.

— Опасенъ? Удивленно пожимаетъ плечами Степанъ Ивановичъ,—по мнѣ порогъ, какъ порогъ. Въ доказательство неинтересности порога мой спутникъ громко зѣваетъ и закрываетъ глаза.

— Хоть бы день былъ завтра хорошій. Славно бы было плыть,—начинаю я мечтать вслухъ.

— Компаніи нѣтъ, заговариваетъ вдругъ Степанъ Ивановичъ, —а то бы славно на лодкѣ въ картишки сразиться.

При упоминаніи картишекъ на губахъ Степана Ивановича заиграла даже игривая улыбка.

— Какъ же бы это вы на лодкѣ въ карты стали играть? Вѣдь, неудобно!—недоумѣваю я.

— Неудобно-то, неудобно! соглашается Степанъ Ивановичъ,— но на безрыбьи и ракъ рыба. Къ тому-же лодки крытыя, что-

то вродѣ каюты и выходитъ. Сидѣть, конечно, приходится на полу, подложивши подъ себя что-нибудь, потому низко.

— Раньше приходилось мнѣ выѣзжать въ компаніи;—ну въ Рыбной какъ засядемъ въ лодку, то до самой Стрѣлки и дуемся въ карты. Однажды, знаете-ли, какой произошелъ у насъ курьезъ, —просто потѣха! Степанъ Ивановичъ остановился и съ смѣющейся физіономіей сталъ раскуривать сигару.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на оживленнаго и разговорившагося Крелина, который, кажется, за всю дорогу не произносилъ фразъ, содержащихъ болѣе десяти словъ.

— Плыло насъ нѣсколько человѣкъ,—продолжаетъ Степанъ Ивановичъ, выпустивъ облако дыма.—Золотопромышленникъ Шипулинъ взялъ съ собой тарантасъ. Такъ какъ мѣста въ лодкѣ, конечно, не было,—то тарантасъ этотъ привязали на палубу, т. е. вѣрнѣе на крышу лодки. Въ тарантасъ залѣзъ лакей Шипулина Иванъ. Засѣли мы въ лодку,—ну, конечно, сначала пошла у насъ выпивка, закуска, потомъ составилась партія въ винтъ. Плывемъ и играемъ, просто одно блаженство,—не трясетъ, вода, знаете-ли, этакъ тихонько побулькиваетъ около лодки (Степанъ Ивановичъ даже пошевелилъ растопыренными пальцами, изображая, вѣроятно, тихое бульканіе воды). Не замѣтили какъ и ночь наступила, только слышимъ вдругъ что-то ухнуло въ воду,—затѣмъ, раздается отчаянный крикъ. Выскочили мы изъ каюты,—смотримъ: въ водѣ барахтается человѣкъ; ухватили его за волосы и вытащили раба Божія,—оказывается лакей Иванъ. Мокрый, понимаете, какъ мышь, трясется. Просто мы чуть животы не надорвали со смѣха! Какъ, спрашиваемъ, тебя черти въ воду занесли? Да мнѣ, говоритъ, почудилось, что баринъ зоветъ,—я и и побѣжалъ.—А онъ, видите-ли, уснулъ, ему, болвану, во снѣ и приснилось, что баринъ зоветъ. Позабылъ, каналья, что не на кровати, да и прыгнулъ,—ну и угодилъ въ Ангару. А морда то какая у него тогда была,—если бы вы поглядѣли!

— Ха, ха, ха! разразился Степанъ Ивановичъ.

Яковъ обернулся съ козелъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на хохотавшаго Крелина; затѣмъ, недоумѣвающій взоръ перевелъ на меня и, почесавши пятерней въ затылкѣ, завопилъ на лошадей:—охъ, хо-хо! Голуби! Царапайся!

Ну,—подумалъ я—и *поэтическая* же у васъ натура, Степанъ Ивановичъ!

В. Саввиныхъ.

Сибирскія элегіи*).

(*Отъ Томска въ Восточную Сибирь.—Изъ дорожныхъ впечатлѣній*).

I.

По Сибирскимъ ужаснымъ дорогамъ
Для поэзіи мѣста ужъ нѣтъ,
И инымъ предается тревогамъ
Проѣзжающій бѣдный поэтъ.

Что ни шагъ—то громадная яма,
Какъ по бурнымъ волнамъ—экипажъ,
И поэту мерещится драма,
Иль рисуется грустный пейзажъ.

Средь равнины, вдали отъ селенья,
Безъ оглобель разбитый возокъ,
И лежащіе въ рядъ, безъ движенья,
И онъ самъ, и бѣдняга „дружокъ“ **).

Доканала—не пуля злодѣйка,
Не грабителя ловкій ударъ;
А дорога виной—лиходѣйка!
У поэта—то холодъ, то жаръ.

Позабылъ про счастливыя грезы,
Яркость дивныхъ природы картинъ,
И на сердцѣ—не вешнія розы,—
Страхъ мучительный только одинъ.

---

*) Это стихотвореніе, написанное еще до постройки Великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути и открытія движенія по немъ, описываетъ путешествіе по Большому сибирскому тракту; но оно можетъ служить характеристикой поѣздокъ и, вообще, по всѣмъ сибирскимъ сухопутнымъ трактовымъ дорогамъ, по которымъ и до сихъ поръ производится сообщеніе во многихъ мѣстностяхъ Восточной и Западной Сибири, лежащихъ въ сторонѣ отъ желѣзно-дорожной линіи.

**) *Дружками* называютъ въ Сибири вольныхъ ямщиковъ, т. е. крестьянъ трактовыхъ деревень, везущихъ проѣзжающихъ на своихъ лошадяхъ по цѣнамъ по соглашенію, а не по таксѣ, существующей для почтовыхъ лошадей. Послѣднихъ на почт. станціяхъ полагается держать, обыкновенно, отъ 3 до 4 паръ. Во время значительнаго проѣзда онѣ всегда оказываются уже разобранными и проѣзжающему, волей не волей, приходится нанимать лошадей у мѣстныхъ крестьянъ за цѣну по соглашенію съ ними.

II.

Ѣду... кочки да ухабы!
Весь изломанъ—ну, хоть плачь!
То ныряю, словно въ воду,
То взвиваюсь вверхъ, какъ мячъ.

Голова трещитъ отъ боли,
Донимаютъ грудь, бока;
Отвратительнѣе доли
Не знавалъ еще пока.

Охъ, сибирская дорога!
Я кляну—кляну тебя;
Но скажи мнѣ, ради Бога,
Ты всю правду про себя?

Почему ты безобразна
Да и круглый годъ почти,
И въ Сибири повсемѣстно
Рѣдки сносные пути?

И дорога, съ строгой миной,
Отвѣчала мнѣ тогда:
— Ты скажи: какого чина?
Объясню все безъ труда.

. . . . . .

Коль прикажутъ—несомнѣнно,
Видъ могу принять иной,
Только, мой поэтъ безцѣнный,
Это будетъ трудъ большой.

Не для всѣхъ же бить тревогу!
А привыкъ кто вѣкъ терпѣть,—
Эту вынесетъ дорогу,
Какъ выноситъ часто плеть.

И совѣтъ—къ чему заботы,
Коль принципъ тотъ соблюдать,
Что—„людей возможно меньше
Надо въ жизни баловать!“

III.

Я на станцію заѣхалъ,—
Вышелъ нѣкій господинъ,
И спросилъ мое прозванье,
Имя, отчество и чинъ.

—„Это новыя реформы;
А по мнѣ такъ все равно:
Запишу въ видахъ проформы,—
Для отчетности оно.

Въ „подорожныя“ *), бывало,
Заносилось все вполнѣ;
Перепишешь лишь съ начала,
И заботъ нѣтъ больше мнѣ.

По документамъ— согласно —
Означалося все тамъ;
Отмѣнили ихъ напрасно;
Нынѣ каждый брешетъ самъ.

Вотъ со мной надняхъ былъ случай:
Проѣзжала попадья;
Ширь въ обхватѣ, ростъ могучій,
Не пророкъ какой, вѣдь, я!—

Вся закутана къ тому же,—
Угадать тутъ трудно полъ;
Голосъ сиплый, знать—отъ стужи.
Я, какъ слѣдъ, опросы велъ.

Пробасила слово Павелъ
И священникъ—помню... да!
Такъ я въ книжку **) и поставилъ,
А нагрянула—бѣда!

Отъ начальства вдругъ запросы:
„Попадья была-ль—когда?“
Я на эти всѣ вопросы
Отвѣчаю: „никогда“.

Получилъ же нахлобучку!
Не священникъ вовсе былъ,
А жена его... Ну, штучку,
Хоть невольно, отмочилъ!

---

*) Въ прежнее время на поѣдку по почтовымъ трактамъ выдавались особые листы, называвшіеся *подорожными*, въ которыхъ и означалась имя, отчество, фамилія и званіе ѣдущаго. Подорожныя эти предъявлялись на почт. станц. при требованіи почтовыхъ лошадей. Въ 80-годахъ онѣ были отмѣнены, и теперь на почт. станц. записываютъ имя и званіе проѣзжающаго съ его словъ.

**) Т. е. сдѣлалъ отмѣтку въ книгѣ; такая имѣется на каждой почт. станц. и въ ней записывается фамилія проѣзжающаго, которому отпущены почтовыя лошади.

Ее Павлой звали даже,—
Что за имя!.. Вотъ мой сказъ:
Съ подорожной штука-бъ таже
Не свершилась, какъ сейчасъ.

Да, заумствовались очень,
А за бредни ихъ терпи;
Безъ того ужъ озабоченъ—
Не доѣшь и не доспи!

А за всѣ труды награда—
Десять въ мѣсяцъ безъ харчей:
Чѣмъ тутъ вывернуться надо,
Коль харчи лишь пять рублей?

Я здѣсь писарь станціонный,
Хоть быть имъ и не рука!"—
Объяснилъ онъ церемонно.
Пожалѣлъ я писарька.

Но ужъ ѣхать было время,—
Я собрался поскорѣй,
И подумалъ: это-ль бремя,—
Въ жизни есть потяжелѣй!

IV.

Ѣдемъ дальше чащей лѣса,—
Змѣйкой вьется дальній путь;
Пала ночи ужъ завѣса,
И тревогой сжало грудь.

Тѣни—мнится—рѣютъ всюду
И кружатся среди насъ,
И проникнуть хочетъ въ чудо
Черезъ мракъ напрасно глазъ.

Кедровъ, пихтъ верхи—что сѣти
И гигантами глядятъ;
А кустарники—какъ дѣти—
Другъ за дружкою спѣшатъ.

Сознаешь умомъ, что тѣни
Лишь иллюзія одна,—
Не осилишь, все-жъ, волненій,
Не разгонишь чары сна!

V.

Ѣдемъ... Тянутся обозы
Длинной лентою подъ рядъ.
— Чьи?—„Куренковскіе *) будемъ".
— Путь каковъ?—„Да плоховатъ".

Мнѣ ямщикъ сѣдой отвѣтилъ.
— Что-жъ, благополучно шли?
— „Да изъ Томска все исправно
Мы до мѣста довезли.

— „А теперь ужъ изъ Иркутска
Мы идемъ въ обратный путь".
— Что—съ чаями?—„Точно—съ ними!"
— И пора ужъ отдохнуть?

— „Отдыхъ что—была бы польза!
Снова въ путь готовы мы;
Наше дѣло не простое,
То и знай—дрожи тюрьмы.
. . . . . .
. . . . . .

— Ну, а бить тебя не били,
И хозяйская рука—
Не гуляла по затылку,
Не чесалась за бока?

— „Безъ битья нельзя намъ вовсе,—
Только во время ты бей.
Брату нашему острастка
Иногда всего нужнѣй.

„Вотъ хоть срѣзка мѣстъ ворами.
Кто иной разъ виноватъ?
Ямщики, хлебнувъ, въ обозѣ
До единаго всѣ спятъ.

„Ну, воруй! Проснулись;—поздно:
Вѣтра въ полѣ, что-ль, искать?
Есть въ округѣ засѣдатель,—
Мерзляковъ—такъ прозывать.

---

*) Куренковъ—одинъ изъ бывшихъ доставщиковъ Сибири.

Онъ продѣлалъ съ нами штуку:
Ѣдетъ—встрѣтился обозъ;
Закричалъ—отвѣта нѣту;
Мѣстъ пять срѣзалъ—и увезъ.

„Стражникъ съ нимъ былъ. Приказанье
Срѣзать отдалъ—зналъ къ чему!
А проснулись,—глядь, пропажа,—
Ямщики скорѣй къ нему—

„Къ господину-жъ Мерзлякову:
„Защитите—говорятъ.—
Воры шайкою напали“...
Онъ смѣется.... плутоватъ!

— „Воры! шайка! срѣзалъ самъ я!“
Да какъ гаркнетъ: „всѣхъ въ острогъ“!
Ямщиковъ бы, безъ сомнѣнья,
Погубить легко онъ могъ.

„Но добрякъ, знать,—упросили,
Только съѣздилъ по зубамъ,
Да кой-чѣмъ „*ублатворили*“....
Да, урокъ далъ славный намъ!“

VI.

Путь не конченъ. Тѣ-жъ обозы,
Молвилъ грустно мнѣ дружокъ:
„Вотъ пойдетъ чугунка скоро,—
Намъ придетъ послѣдній срокъ!“

— При чугункѣ развѣ плоше?
— „Знамо плоше—разсуди:—
Вѣдь, она—ямщина—кормитъ
Чуть не всю Сибирь, поди!

„Трактовые то крестьяне
Обядняютъ всѣ тогда....
Намъ чугунка—не находка!
Намъ чугунка—что бѣда!

„Умудряются все нонѣ....
Баялъ, какъ-то, дѣдъ слѣпой,
Что написано въ законѣ,—
Въ книгѣ старой и большой,—

„Что кончина міра будетъ,
Коль на огненномъ конѣ
Станутъ ѣздить.... Вретъ иль вправду,—
Да деревню жалко мнѣ!

„Разоренье будетъ многимъ,
Разоренье навсегда....
Намъ чугунка—не находка!
Намъ чугунка—что бѣда!

„Слышалъ также—быль иль сказка:
Коль кого судьба побьетъ,
То его несчастье многимъ,
Баютъ, пользу принесетъ.

„И чугунка, значитъ, тоже:
Для однихъ—лиха бѣда;
А другимъ—сослужитъ службу,
Возвеличивъ въ господа...“

. . . . . .

Э! да ты ямщикъ философъ?—
Почесавъ затылокъ, онъ
„Нѣтъ—сказалъ—Петры мы будемъ,
А нашъ батька—Агафонъ!“

VII.

...Ѣдемъ. Холодъ. Буранъ начинается;
То шелъ дождь,—повалилъ вдругъ снѣжокъ;
Понукаетъ коней и старается
Довезти до станка насъ „дружокъ“.

Спутникъ мой изъ актерскаго племени
И съ Сибирью почти незнакомъ.
Но чрезъ лобъ, величавый отъ времени,
Смотритъ важнымъ солиднымъ лицомъ.

Изумился такой перемѣною:
То почти что весна, то—морозъ.
Вы—знакомый отлично со сценою—
Что дивитесь и вѣсите носъ?

Превращенья чуднѣй театральныя...
Завтра явится солнышко тутъ,
Стаетъ снѣгъ, и бурана печальные
Звуки, можетъ, на долго замрутъ.

Подивиться иному бы стоило...
Но вдали показался этапъ,—
Звонъ кандальный, и сердце заноело,
И порывъ къ разговору ослабъ.

Предъ картиною этой угрюмою
Изможденныхъ истасканныхъ лицъ—
Я смолкаю всегда съ скорбной думою,
И главу преклоняю я ницъ.

Путь сибирскій! упитанъ весь кровію
И костями погибшихъ людей.
Всепрощающей полонъ любовію,
Ты приди—и смири звукъ цѣпей!

Эти люди пусть паріи истые;
Но на путь ихъ правдивый наставь;
Заглуши ихъ стремленья нечистыя,
Вѣрить въ правду и разумъ заставь!..

. . . . . .

VIII.

Но пріѣхали. Предъ нами—
Городъ грязный, небольшой,
Съ очень ветхими домами
И гостинницъ—ни одной!

На почтовую явился,—
Помѣщенья негдѣ взять:
Тамъ пѣвецъ остановился
И концертъ здѣсь хочетъ дать.

И пришлось на постояломъ
Провести съ десятокъ дней
И въ бою всегда не маломъ—
Съ массой блохъ, клоповъ и вшей.

Настрадался я въ дорогѣ,
При житьѣ—пришлось терпѣть,
И спасти молю, о боги!
Отъ такихъ поѣздокъ впредь.

Всеволодъ Сибирскій.

1894 г. мартъ.

Двѣ ночи.

(*Эскизъ*).

Судъ удалился. Публика зашумѣла, задвигалась, покидая зало суда, а Иванъ все еще въ какомъ-то полузабытьи, неподвижно, какъ-бы мгновенно окаменѣвъ, сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ. Его взоръ неподвижный, сосредоточенный былъ устремленъ въ пространство, а въ ушахъ рѣзко, отчетливо звучали только что слышанныя слова предсѣдателя:

„На восемь лѣтъ въ каторжныя работы!"

„За что? Почему? Не ослышался-ли онъ?" Мысли вихремъ кружились въ его отуманенной головѣ, картины далекаго и недавняго прошлаго съ изумительной ясностью и съ неменѣе изумительной быстротой замелькали передъ его умственными очами.

Ему вспомнилась и трудовая, но привольная жизнь въ деревнѣ, зеленые раздольные луга, темная безпредѣльная тайга, старикъ отецъ съ согнутой отъ непосильной работы спиной, старуха-мать, братья, сестры, а вотъ, какъ живая, всплыла передъ глазами молодая красавица жена.

Очи черныя какъ ночь и глубокія какъ небо смотрятъ смѣло и вызывающе, тонкія ноздри раздуваются, какъ у дикаго разгоряченнаго скакуна, алыя чувственныя губы полураскрыты и обнажили рядъ бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ, высокая грудь колышется какъ волна, лихорадочно, порывисто.

О, какъ крѣпко цѣловалъ онъ ее въ эти губы, какъ страстно бѣшено приникалъ къ этой могучей груди. Онъ не зналъ еще тогда, что ея полныя руки за минуту передъ тѣмъ крѣпко обнимали другого, алыя губы страстно приникали къ другимъ устамъ, и другая грудь крѣпко прижималась къ этой могучей, страстно волнующейся груди.

О, лучше бы онъ не зналъ этого никогда! Лучше-бы никогда не было этой ужасной ночи, въ которую онъ засталъ свою жену въ объятіяхъ чернокудраго парня. Они сидѣли подъ черемухой, бѣлой отъ только что распустившагося цвѣта, и распространявшей вокругъ себя цѣлыя волны благоуханій. Они смѣялись—и смѣялись надъ нимъ—обманутымъ, опозореннымъ мужемъ. Смѣялись надъ его довѣрчивостью, надъ любовью къ женѣ, надъ лицомъ, фигурою, походкою. Дикая злоба вспыхнула тогда въ груди Ивана, зеленые круги заходили въ глазахъ и не Иванъ уже, а дикій, бѣшеный звѣрь ринулся на счастливую парочку. Черныя кудри парня обагрились кровью, мертвенно блѣдное лицо его глядѣло вверхъ уже не видящими, мертвыми глазами, изуродованная красавица жена уже не дышала, а Иванъ

все еще топталъ распростертыя передъ нимъ два тѣла, все еще взмахивалъ надъ ними окровавленнымъ обломкомъ оси: онъ мстилъ за свою исковерканную жизнь, за разбитое сердце, за разбитыя мечты.

А потомъ тяжелые желѣзные кандалы, высокія рѣшетчатыя окна тюрьмы, страшныя безсонныя ночи въ одиночествѣ и, наконецъ, судъ. Снова звучатъ въ ушахъ Ивана рѣзкія, отчетливыя слова:

„На восемь лѣтъ въ каторжныя работы!"

И вспоминается Ивану другая ночь—теплая, безлунная, страшная. Крѣпко сжавъ въ рукахъ холодное дуло берданки, онъ тихо, осторожно крадется среди высокой кукурузы. Вокругъ него крадутся такіе-же люди, какъ онъ: въ такихъ-же, какъ онъ, сѣрыхъ шинеляхъ, въ такихъ-же кепяхъ и также крѣпко сжавъ въ рукахъ тяжелыя съ привинченными штыками берданки. Кукуруза кончилась и глазамъ Ивана открылось широкое, уходящее въ темную даль, поле. Зоркіе, присмотрѣвшіеся къ темнотѣ, глаза Ивана различили въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ кукурузы неподвижную, черную массу.

«Непріятель! Турецкій таборъ»!—какъ-то машинально, невольно соображаетъ Иванъ.

„Сейчасъ начнется!»—мелькаетъ у него въ умѣ, но что именно „начнется",—Иванъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета: начнется что-то ужасное, безобразное, безчеловѣчное—и только.

А изъ кукурузы сзади Ивана выходятъ все новые и новые люди. Выходятъ тихо, осторожно. Вотъ изъ этой массы людей формируются ряды, стройныя колонны. Ивана какъ-будто что толкнуло впередъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и очень удивился, увидя себя въ своемъ взводѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ. Впереди всей этой массы людей рисуется высокая фигура стараго капитана, командира охотничьяго отряда. Онъ что-то тихо говоритъ переднимъ. Едва слышный шепотъ пронесся по рядамъ.

„Пикетъ нужно снять! Охотниковъ вызываютъ!" уловилъ напряженный до послѣдней степени слухъ Ивана. Ноги Ивана двигаются,—онъ куда-то идетъ. Онъ хочетъ остановиться, но уже поздно: онъ передъ капитаномъ, тутъ-же еще пять съежившихся, жалкихъ фигуръ въ сѣрыхъ шинеляхъ, съ блѣдными растерянными лицами. Капитанъ что-то сказалъ и всѣ пять фигуръ прилегли къ землѣ и поползли. Поползъ и Иванъ туда, въ темную даль, къ безформенной, едва рисовавшейся во мракѣ, черной массѣ.

Тихо ползетъ Иванъ, осторожно передвигая по землѣ свою тяжелую берданку. Все ближе и ближе темная масса. Стали видны отдѣльныя фигуры распростертыхъ по землѣ людей.

„Спятъ они!“ соображаетъ Иванъ. „Какъ вдаримъ—и не пикнутъ!“

Какъ будто что ударило въ голову Ивана, онъ вздрогнулъ, въ головѣ его вдругъ прояснилось и на мгновеніе онъ замеръ на мѣстѣ.

„Куда я ползу? Зачѣмъ? Сейчасъ нужно будетъ убивать спящихъ, беззащитныхъ... За что? Что сдѣлали они мнѣ? Я ихъ не знаю! Не вернуться-ли?“

Но то было только мгновеніе. Снова какой-то туманъ окуталъ его голову, снова, не отдавая себѣ отчета, онъ поползъ впередъ, а въ головѣ закружились безпорядочною волною обрывки разныхъ мыслей:

„Приказано... Христолюбивое воинство... Герои... До послѣдней капли крови“...

Вотъ и пикетъ—нѣсколько беззаботно спящихъ, ничего не подозрѣвающихъ, раскидавшихся во снѣ людей. Вотъ впереди всѣхъ здоровый, могучій аскеръ, закутавшійся въ свой плащъ, со сбитой на бокъ феской. Изъ подъ фески бѣлѣется бритый черепъ. Аскеръ спитъ. Иванъ даже слышитъ его громкое, прерывистое дыханіе.

Вдругъ въ разныхъ мѣстахъ, какъ-бы изъ земли, выросли пять человѣческихъ фигуръ. Иванъ вскочилъ на ноги, высоко поднялъ кверху свою тяжелую берданку и съ силою опустилъ ее внизъ. Что-то хрустнуло, красная феска отскочила въ сторону. Аскеръ застоналъ, хотѣлъ подняться, но не смогъ и замеръ на мѣстѣ, судорожно вцѣпившись скрюченными, такъ и закоченѣвшими пальцами въ рыхлую землю. Тяжелый прикладъ Ивановой берданки попалъ въ голову аскера и на его бѣломъ бритомъ черепѣ образовалось красное, становившееся все больше и больше, пятно.

„За что я „его“? Что я надѣлалъ?“ смутно промелькнуло въ головѣ Ивана. Онъ выпустилъ изъ рукъ берданку. Ему стало страшно за сдѣланное, стыдно, гадко. Онъ какъ-то виновато поникъ головою, къ горлу подступилъ какой-то клубокъ—мигъ и Иванъ разрыдался-бы какъ ребенокъ.

„Молодцомъ! Георгія заслужилъ!“ прозвучалъ около него чей-то дрожащій взволнованный голосъ.

Иванъ поднялъ голову. Оставленныя имъ позади сѣрыя колонны были уже здѣсь. Здѣсь-же былъ и высокій старикъ-капитанъ. Кто-то съ любопытствомъ, напряженно всматривался ему въ лицу. Но вдругъ сѣрыя фигуры заволновались, раздалась команда, всѣ кинулись впередъ, загремѣло „ура“, затрещали выстрѣлы.

А Иванъ все также неподвижно стоялъ на томъ-же мѣстѣ, около убитаго имъ аскера—и плакалъ.

***

„Тебѣ говорятъ, аль нѣтъ?“ проговорилъ надъ самымъ ухомъ Ивана чей-то грубый голосъ.

Иванъ очнулся.

Надъ нимъ наклонилось усатое загорѣлое лицо солдата-конвоира. Передъ самымъ лицемъ Ивана блеснуло остріе штыка. Иванъ, какъ-бы проснувшись отъ тяжелаго сна, удивленно повелъ кругомъ затуманеннымъ, безсмысленнымъ взглядомъ. Красиво убранная большая комната; пустыя скамьи, столъ подъ зеленымъ сукномъ—промелькнули предъ его глазами, и Иванъ мгновенно проснулся къ дѣйствительности и, наконецъ, понялъ, гдѣ находится онъ.

И опять на мгновеніе въ его памяти воскресли образы прошлаго: черные страстные глаза, глубокіе, съ поволокою, а рядомъ съ ними насмѣшливые дерзкіе глаза чернокудраго парня. Окровавленный бритый черепъ аскера. Бѣленькій блестящій крестикъ на сѣрой шинели. Узкая душная комната съ желѣзными рѣшетками. Въ ушахъ раздались слова:

„Молодцомъ! Георгія заслужилъ!.. На восемь лѣтъ въ каторжныя работы!.. Герой!.. До послѣдней капли крови!“..

Ужасъ напалъ на Ивана. Ему хотѣлось вырваться, бѣжать куда-то, крикнуть громко во всю силу своихъ легкихъ:

„Какъ? За что? Пощадите!“

Но слова замерли на устахъ, къ горлу подступилъ клубокъ, какъ въ ту памятную ночь въ кукурузномъ полѣ...

Конвоиры приказывали итти и Иванъ, гремя кандалами, пошелъ изъ суда.

Спереди и сзади его, съ ружьями въ рукахъ, зашагали угрюмые конвоиры.

В. Ѳ.

Обзоръ современныхъ переселеній въ Сибирь.

Съ тѣхъ поръ, какъ истощился свободный земельный фондъ въ земледѣльческо-культурной полосѣ Сибири, благодаря усиленному наплыву переселенческихъ массъ, и колонизаціонный центръ тяжести перенесся въ область таежныхъ и урманныхъ пространствъ, сибирское переселеніе начало претерпѣвать все болѣе и болѣе всевозможнѣйшія невзгоды и затрудненія.

Гораздо легче было, конечно, удовлетворить запросы переселенцевъ на землю въ то время, когда земли, могущія поступить въ распоряженіе переселенцевъ, находились въ территоріи хорошо извѣстной, и не требовалось тратить ни силъ, ни времени на предварительныя обслѣдованія и развѣдки. Гораздо

быстрѣе шло, конечно, въ то время и дѣло отграниченія переселенческаго земельнаго фонда. Въ несравненно лучшихъ и болѣе опредѣленныхъ условіяхъ находились и сами переселенцы, искавшіе свободныхъ земель. Земли, отводимыя въ то время переселенцамъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ принадлежали къ разряду земель, либо находившихся въ обработкѣ у мѣстнаго старожилаго населенія, либо вышедшихъ уже изъ сѣвооборота вслѣдствіе слабой урожайности ихъ, либо, наконецъ, представлявшія какой-либо другой видъ сельско-хозяйственныхъ угодій: выпасъ для скота, сѣнокосъ, лѣсъ и пр. Словомъ, такъ или иначе, но земли эти принадлежали къ числу земель культурныхъ. Вся территорія была покрыта цѣлою сѣтью проѣзжихъ и полевыхъ дорогъ, ведущихъ къ селеніямъ, заимкамъ, пасѣкамъ и пр.

Предъ глазами переселенцевъ открывалась картина сельско-хозяйственныхъ предпріятій: зеленѣвшія нивы, распаханныя поля, разработанные сѣнокосы; богатая флора и фауна, табуны рогатаго скота, никѣмъ не пасомые, богатыя хозяйственнымъ скарбомъ старожильческія заимки и обильныя медомъ сибирскія пасѣки съ большимъ числомъ ульевъ. Подавленный на родинѣ плохимъ житьемъ, нуждою, неимѣющій земельной собственности въ достаточномъ количествѣ, закрѣпощенный крупнымъ землевладѣльцемъ, россійскій переселенецъ съ восторгомъ взиралъ на всѣ эти земныя блага и всей душей рвался скорѣе покончить съ своимъ тяжелымъ настоящимъ и водвориться въ этомъ обѣтованномъ краѣ. Въ концѣ концовъ онъ, конечно, поселялся въ Сибири, и отсюда уже посылалъ роднымъ и знакомымъ полныя захватывающаго интереса письма. Письма эти дѣлали свое дѣло. Переселенческая волна, благодаря такой письменной пропагандѣ, расла все болѣе и болѣе и, наконецъ, въ шумномъ потокѣ заняла всю земледѣльческо-культурную полосу Сибири. Какъ сказочный богатырь, за какой либо десятокъ лѣтъ, земледѣльческая семья Сибири выросла въ милліонную массу пахарей. По лицу обширныхъ степей, густыхъ лѣсовъ раскинулись тысячи новыхъ селеній, на тысячи верстъ начала разноситься пѣсня россійскаго земледѣльца, но уже не скорбная, тоскливая и подневольная, а веселая, мощная и молодецкая.

Но не долго пришлось торжествовать россійскому переселенцу; переселенческая волна расла все шире и шире, свободный земельный фондъ въ полосѣ земледѣльческо-культурной таялъ, какъ свѣжій весенній комъ снѣга быстро растапливается подъ теплыми лучами солнца, и, вмѣсто цвѣтущихъ полей, зеленѣющихъ луговъ и веселыхъ лѣсовъ, предъ нимъ выросла глухой стѣной угрюмая, дикая тайга, напоминающая страшныя сказки бабушекъ про вѣдьмъ, лѣшихъ, напоминающая разсказы

смѣлыхъ охотниковъ и путешественниковъ про дикихъ звѣрей, лихихъ людей, разбойниковъ и т. д. Вмѣсто проѣзжихъ дорогъ —по тайгѣ причудливой лентой вьется охотничья тропа, вмѣсто проселка—медвѣжій слѣдъ. Вмѣсто нивъ и луговыхъ цвѣтовъ— дикій мохъ и могучія дѣвственныя представители лѣснаго царства, образовавшіе тамъ вверху сплошной пологъ, не пропускающій благотворныхъ ласкающихъ лучей солнца на земной покровъ.

Не устрашился россійскій переселенецъ ни угрюмаго вида тайги, ни тяжелаго, упорнаго труда, ни ночлега подъ открытымъ небомъ, ни убогой лачуги, наскоро сколоченной въ темной тайгѣ, и пошелъ мощной грудью пробивать себѣ путь къ самостоятельной независимой жизни, повелъ съ собой въ тайгу и жену, и ребятъ, и стараго отца, и убѣленнаго сѣдинами дѣда. И бьются всѣ они изъ-за куска насущнаго хлѣба въ этомъ безбрежномъ морѣ лѣсовъ. Иной попадетъ на такой участокъ, что и выбраться изъ него то трудно. Ближайшее селеніе находится въ разстояніи двухъ-трехъ десятковъ верстъ, сколько-нибудь сносной дороги къ селенію не имѣется, а въ весеннее и осеннее время и совсѣмъ нельзя ни проѣхать, ни пройти къ селенію, по случаю разлива таежныхъ рѣчекъ, ручьевъ и переполненія низинъ и заболоченныхъ мѣстъ водою. Заболѣетъ кто-либо въ семьѣ,—неоткуда помощи ожидать, помретъ кто-либо —некому покойника отпѣть и провезти къ могилѣ. Хлѣба не хватило—хоть съ голоду помирай. Пропала послѣдняя скотина, сломался топоръ, нуженъ лемехъ къ сохѣ, зубъ къ боронѣ,—негдѣ достать. И все это терпитъ и выноситъ этотъ многострадальный случайный сынъ тайги въ надеждѣ призрачнаго счастья. Авось въ будущемъ году будетъ лучше, но въ будущемъ году еще хуже. Померли ребята, схоронили сѣдаго дѣда, баба глаза выплакала, а самъ онъ чернѣе угля сталъ. Не выдержалъ и пошелъ побираться отъ прозрачныхъ быстрыхъ водъ Ангары до далекаго Урала, отъ Урала до разореннаго на родинѣ отцовскаго пепелища.

И мало-ли такихъ печальныхъ картинъ художественною кистью набрасываетъ сама суровая дѣйствительность!

Мало-ли окончательно разоренныхъ осиротѣлыхъ семей покидаетъ непривѣтливую тайгу и Христовымъ именемъ побирается отъ города къ городу, отъ села къ селу, отъ деревни къ деревнѣ.

Мало-ли читатель!! За послѣднее время все чаще и чаще начинаютъ раздаваться голоса въ защиту переселенцевъ, направляющихся въ тайгу. Голоса эти принадлежатъ лицамъ разныхъ положеній и разныхъ профессій. Одни находятъ причину зла въ недостаточности вообще переселенческой организаціи, въ

децентрализаціи, такъ сказать, самаго переселенческаго дѣла; другіе считаютъ корнемъ зла неумѣнье переселенцевъ приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ; третьи—наконецъ, высказываются противъ заселенія сибирской тайги общинами и т. д. Въ концѣ-же концовъ все сводится къ тому, что опека надъ переселенцами либо недостаточна организована, либо направлена не по надлежащему пути. А возъ все-же, выражаясь словами баснописца, на томъ-же мѣстѣ. Хорошо разсуждать на всѣ эти темы изъ прекраснаго далека, сидя въ уютномъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло, когда заглянешь въ эту самую тайгу, да увидишь лицомъ къ лицу нужду переселенцевъ. Нельзя не согласиться по этому поводу съ однимъ государственнымъ человѣкомъ, *) изложившимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ свой взглядъ на заселеніе таежныхъ пространствъ въ оффиціальномъ отчетѣ слѣдующимъ образомъ. Исходя изъ указаній опыта, П. П. Тихѣевъ пришелъ къ такому выводу. Заселеніе тайги всегда шло медленно и постепенно, причемъ піонерами являлись частью переселенцы изъ сѣверныхъ губерній, главнымъ-же образомъ—сибирскіе старожилы, и уже за ними слѣдовали переселенцы зауряднаго типа; далѣе, что въ тайгѣ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возникали самостоятельныя земледѣльческія хозяйства: возникающія въ глубинѣ тайги заимки имѣютъ вначалѣ промысловой характеръ и лишь съ большою постепенностью обзаводятся земледѣліемъ и скотоводствомъ; въ ближайшихъ къ заселеннымъ мѣстностямъ районахъ сибирскіе старожилы, заводя запашку и скотоводство, въ теченіе нѣкотораго времени продолжаютъ еще жить и въ коренномъ селеніи, чтобы, въ случаѣ неудачи, не лишиться возможности возвратиться обратно въ селеніе. И, только окончательно упрочивъ свое хозяйство на таежной заимкѣ, переселяются и порываютъ связь съ кореннымъ селеніемъ. Наконецъ, тотъ-же опытъ показалъ, что піонеры тайги не нуждаются въ предварительномъ отграниченіи имъ земельныхъ участковъ: заимки ихъ естественнымъ путемъ распредѣлялись по разнымъ таежнымъ урочищамъ по мѣрѣ ихъ дѣйствительной емкости и разрастались съ увеличеніемъ этой послѣдней. Новые поселенцы тайги не находили удобнымъ втискиваться въ такія урочища, гдѣ нѣтъ достаточнаго запаса удобныхъ для культуры и таежнаго хозяйства угодій, при трудностяхъ таежной жизни заимщикамъ было выгодно допускать къ водворенію возлѣ себя другихъ поселенцевъ, если для нихъ находилось подходящее мѣсто. Изъ всего сказаннаго видно, что авторъ цитируемаго нами отчета находилъ образованіе переселенческихъ участковъ среди таежныхъ пространствъ не только

*) Неоф. изд. Д. Г. З. Им.

безполезнымъ, но даже скорѣе вреднымъ, такъ какъ удачное заселеніе этихъ участковъ сомнительно, а самый фактъ образованія участковъ можетъ остановить процессъ постепеннаго проникновенія въ данный таежный районъ наиболѣе желательныхъ и пригодныхъ элементовъ.

Нельзя не согласиться съ положеніями, приведенными почтеннымъ авторомъ „отчета"; что можетъ быть сильнѣе и доказательнѣе самой исторіи заселенія тайги, кому, какъ не мѣстному старожилому населенію удобнѣе всего было оріентироваться и изучать самыя многообразныя условія трудной таежной жизни. Исторія заселенія, вообще, всей Сибири развертываетъ предъ нами картину постепенной непрерывной борьбы сельскаго населенія съ дикими условіями дѣвственнаго края, причемъ борьба эта происходила въ послѣдовательномъ территоріальномъ порядкѣ; каждый вновь нарождавшійся поселенческій пунктъ, обыкновенно, ютился вблизи ранѣе появившихся. Исключеніе составляли только поселенія, образованныя ревнителями старой вѣры разныхъ сектъ и толковъ,—исключительныя условія религіознаго характера понуждали этихъ поселенцевъ искать убѣжища вдали отъ заселенныхъ мѣстъ. Подъ сѣнью далекой, глухой тайги они находили удовлетвореніе своимъ религіознымъ настроеніямъ; основывали скиты, кельи, монастыри и чуждались общенія съ обыкновенными мірянами. Особый складъ жизни, ограниченность въ потребностяхъ, матеріальная поддержка со стороны остальной братіи раскольниковъ, оставшейся жить среди мірянъ, давали возможность этимъ отшельникамъ существовать среди дикихъ первобытныхъ условій сибирской тайги и дѣлать нѣкоторыя завоеванія на пути превращенія дѣвственныхъ дикихъ земель въ культурный видъ. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторые изслѣдователи сибирской тайги, руководствуясь опытами раскольниковъ, дѣлали выводы и обобщенія, имѣвшія рѣшающее значеніе въ исторіи заселенія тайги.

Но обратимся къ первоначальному взгляду на заселеніе тайги, основанному на опытахъ сторожилаго сельскаго населенія и прошлой исторіи ея заселенія. Единственный, хотя и медленный, но за то вѣрный путь для заселенія таежныхъ пространствъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ И. И Тихѣевъ видѣлъ въ *вольной колонизаціи*, которую правительство должно облегчить и поощрить, а съ другой стороны—направить и регулировать. Сущность предлагаемыхъ съ этой цѣлью мѣропріятій должна была свестись къ обслѣдованію таежныхъ пространствъ съ выдѣломъ лѣсныхъ дачъ и объявленію остальныхъ площадей открытыми для свободнаго заселенія, какъ старожилами, такъ и переселенцами изъ Европейской Россіи. Съ мнѣніемъ этимъ соглашалось и министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, какъ это

видно изъ заключенія министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, состоящаго въ слѣдующемъ: „Единственный возможный путь", находилъ министръ, „къ постепенному заселенію таежныхъ пространствъ—это предоставленіе розыска и раздѣлки удобныхъ для того мѣстъ иниціативѣ и предпріимчивости старожилаго населенія и привыкшихъ къ борьбѣ съ лѣсомъ выходцевъ изъ сѣверныхъ губерній". *)

Вѣнцомъ все болѣе и болѣе усиливавшагося мнѣнія среди высшихъ сферъ, о непригодности сибирской тайги къ сплошному заселенію общинами изъ выходцевъ изъ Европейской Россіи безъ различія ихъ по привычкамъ и укладу жизни, явился знаменательный законъ 27 апрѣля 1896 года „о вольной колонизаціи". Но закону этому, какъ мы увидимъ далѣе, не суждено было до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, распространить свои дѣйствія на тайгу, если не считать нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ поселенія въ урманахъ Тобольской губерніи.

Ю. Горбатовскій.

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

I.

Волшебный фонарь. *Журналъ, посвященный вопросамъ устройства и постановки народныхъ чтеній, организаціи образовательныхъ чтеній для учащихся и научныхъ демонстрированій на лекціяхъ помощью волшебнаго фонаря. Елисаветградъ. Паровая тито-литографія М. А. Гольденберга.*

„Волшебный фонарь" представляетъ періодическое изданіе, выходящее 4 раза въ годъ—январѣ, апрѣлѣ, іюнѣ и октябрѣ. Издается онъ въ Елисаветградѣ г. Н. А. *Пашковскимъ* подъ его же редакціей. Цѣна на этотъ журналъ очень незначительная: 1 руб. съ доставкою и пересылкою. Передъ нами нѣсколько тетрадокъ этого, несомнѣнно, интереснаго и дешеваго изданія. Составлены онѣ весьма разнообразно и статьи сопровождаются чертежами и рисунками описываемыхъ фонарей. Чтобы подтвердить наше мнѣніе о полезности этого изданія—мы приведемъ содержаніе №№ 3 и 4 «Волшебнаго фонаря» за минувшій 1900 г. Такъ, въ этихъ номерахъ помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: „Новый способъ цвѣтной фотографіи", „Какъ ведутся народныя чтенія въ Россіи", „Народныя чтенія въ земскихъ школахъ Елисаветградскаго уѣзда", „Оптическія основанія ус-

---

*) Неоф. изд. Д-та. Г. З. Им. стр. 115.

тройства проэкціонныхъ фонарей“ (съ рисунками), „Отзывы о фонаряхъ комитета Петербурскихъ преподавателей физики“, „Какъ устроить приборъ для сравненія различныхъ источниковъ свѣта“, „Разноцвѣтныя стекла для окрашиванія картинъ“, „Обзаведеніе для демонстратора волшебнаго фонаря“, „Полное руководство для управленія съ волшебнымъ фонаремъ“ (съ рисунками)“, „Дѣлайте сами картины для своего волшебнаго фонаря“, „Дешевыя и хорошія картины для волшебнаго фонаря“, „Раскрашиваніе картинъ для волшебнаго фонаря“ и друг. Всѣ эти статьи составлены толково и написаны довольно легкимъ и понятнымъ языкомъ, такъ что, по нашему мнѣнію, это маленькое провинціальное изданіе можно смѣло рекомендовать всѣмъ, интересующимся организаціей образовательныхъ чтеній для учащихся и демонстрированіями при урокахъ и на лекціяхъ волшебнымъ фонаремъ.

В. Д.

II.

Пѣсни Сибирячки, *М. Г. Васильевой. Изданіе Ал. А. Кобычева (съ предисловіемъ Г. Потанина). IV+187+I стр. 1/16 д. л. С.-Петербургъ. 1901 г. Цѣна 1 р.*

Собраніе стихотвореній г-жи *М. Г. Васильевой* появляется въ свѣтъ съ предисловіемъ извѣстнаго путешественника и писателя-сибиряка Г. Н. *Потанина*. Хотя стихи г-жи Васильевой названы *пѣсчями сибирячки*, но это только потому, что авторъ стихотвореній—урожденка Сибири; сибирскихъ же мотивовъ въ стихотвореніяхъ почти нѣтъ. По словамъ г. Потанина, главная нота въ нихъ—„жалобы женщины, обойденной личнымъ счастьемъ; обманутому въ надеждахъ поэту окружающій міръ кажется тѣснымъ, мрачнымъ и душнымъ; ему хочется въ другую обстановку, но условія жизни приковываютъ его къ мѣсту, и ему кажется, что онъ находится въ темницѣ.

. . . . . есть безъ затворовъ темницы,
Безъ частыхъ рѣшетокъ, безъ крѣпкихъ дверей. . .

И, дѣйствительно, большинство стихотвореній г-жи Васильевой проникнуты недовольствомъ жизнью, окружающей обстановкой; ей тѣсно жилище родное и желанный свободы она жаждетъ давно, *„чтобъ море и чтобъ небо увидѣть другое“* (стихотв. „Опустѣвшее гнѣздо“, стр. 5). Въ другомъ стихотвореніи („Грезы“) она уносится мыслью къ странѣ иной, „гдѣ краски ярки, пышны розы, гдѣ днемъ томитъ палящій зной“; но грезы мгновенно отлетаютъ—и снова таже непривѣтливая дѣйствительность:

„Увы! .. вдругъ грезы отлетѣли...
Пушистый снѣгъ въ окно мнѣ бьетъ,
И заунывный вой мятели
Мнѣ пѣсню грустную поетъ“...

Вообще, почти всѣ стихотворенія г-жи Васильевой носятъ оттѣнокъ грусти; свѣтлыхъ радостныхъ мотивовъ въ нихъ не ищите; она сама говоритъ, что *пѣсня ея родилась не случайно, а цѣною тяжелыхъ мукъ и ранъ сердечныхъ* („Моя пѣсня“, стр. 37). Но отличительной чертой стихотвореній являются ихъ простота и задушевность; видно и чувствуется, что авторъ пережилъ и переболѣлъ то, о чемъ писалъ. Стихотворенія, правда, не блестящи по формѣ. Иногда въ нихъ попадаются даже неправильныя рифмы; но въ общемъ—стихотворенія производятъ пріятное симпатичное впечатлѣніе. Автору нельзя отказать въ нѣкоторомъ дарованіи. Въ заключеніе мы приводимъ стихотвореніе г-жи Васильевой, посвященное памяти С. Я. Надсона, этого высоко даровитаго, безвременно угасшаго поэта:

„Не для славы въ нетлѣнный и пышный вѣнокъ,
Какъ цвѣты, вплелъ онъ звучныя пѣсни...
Оросилъ онъ слезами въ немъ каждый цвѣтокъ
И вѣнокъ не поблекнетъ чудесный!..
Онъ всю душу больную въ тѣ пѣсни вложилъ,
Оттого и звучатъ въ нихъ рыданья,
Что онъ слезы за братьевъ замученныхъ влилъ
Въ эти пѣсни тоски и страданья...
Онъ хотѣлъ осушить рѣки льющихся слезъ,
Онъ неправдой, какъ мукой, терзался;
Лишь порой въ красотѣ упоительныхъ грезъ
Ему міръ обновленнымъ казался...
„Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови“..
Въ красотѣ вдохновенныхъ мечтаній
Ему міръ рисовался, міръ полный любви,
Ни вражды, ни цѣпей, ни страданій!..
Но была тяжела и неравна борьба
Съ полновластно царящею тьмою,
И грядущая міра иная судьба
Вновь казалась далекой мечтою ..
Долго міръ будетъ полонъ страданій и слезъ!..
И, измученъ неравной борьбою,
Вдругъ умолкнулъ пѣвецъ и въ могилу унесъ
Недопѣтыя пѣсни съ собою!..“

Это стихотвореніе мы привели потому, главный образомъ, что оно въ собраніи едва-ли не единственное, въ которомъ авторъ, отрѣшаясь отъ чисто субъективнаго лиризма, касается наболѣвшихъ общественныхъ темъ. Читателей-же мы отсылаемъ къ самой книжкѣ г-жи Васильевой, гдѣ они найдутъ не одно стихотвореніе, проникнутое истиннымъ чувствомъ и вылившееся, такъ сказать, отъ души.

В. Дол—овъ.

Письмо въ редакцію.

Въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на пчеловодство, какъ подспорное занятіе сельскаго хозяйства: цѣлый рядъ инструкторовъ пчеловодства, правительственныхъ и земскихъ, работаетъ надъ распространеніемъ этого полезнаго промысла. Техника пчеловожденія оказала огромные успѣхи и съ каждымъ годомъ замѣтно двигается впередъ. Но есть отрасль пчеловѣдѣнія, которая мало изслѣдована, а именно: значеніе пчеловодства въ духовной жизни народа, взгляды народа на пчелу и пчеловодство. Между тѣмъ, у старыхъ пчелинцевъ сохранилось не мало различныхъ предразсудковъ, заговоровъ, повѣрій, примѣтъ и проч. Хотя разумное пчеловодство въ нихъ мало нуждается, но, тѣмъ не менѣе, въ виду значительнаго спеціально—историческаго и научно—этнографическаго интереса этихъ остатковъ древне-русской словесности и культуры, желательно собрать ихъ воедино.

Руководствуясь этою мыслью, я рѣшился составить и издать книгу, посвященную всестороннему разсмотрѣнію пчеловодныхъ предразсудковъ.

Въ настоящее время у меня собрано болѣе 1000 №№ разныхъ повѣрій и заклинаній по части пчеловодства, но я все еще нахожу это число слишкомъ недостаточнымъ, а по этому обращаюсь черезъ посредство Вашего уважаемаго журнала ко всѣмъ сочувствующимъ разработкѣ разныхъ научныхъ вопросовъ съ покорнѣйшей просьбой оказать мнѣ свое содѣйствіе въ нелегкомъ, задуманномъ мною трудѣ. Содѣйствіе можетъ быть оказано присылкою какъ цѣлыхъ рукописей (въ оригиналѣ или въ копіяхъ), такъ и отдѣльныхъ №№ заговоровъ, предразсудковъ, примѣтъ, поговорокъ и загадокъ о пчелахъ, свѣдѣній о суевѣрныхъ обрядахъ и т. п.

Корреспонденцію прошу адресовать: г. Кострома губернскому пчеловоду Г. А. Кузьмину.

Заранѣе приношу искреннюю благодарность откликнувшимся на мою просьбу и сообщаю, что всѣмъ, приславшимъ мнѣ еще ненапечатанныя нигдѣ свѣдѣнія, составляемая мною книга будетъ выслана безплатно тотчасъ послѣ появленія въ свѣтъ. Фамиліи всѣхъ корреспондентовъ будутъ помѣщены въ текстѣ книги.

Во избѣжаніе расходовъ по пересылкѣ крупныхъ рукописей, прошу увѣдомлять меня открытымъ письмомъ: я вышлю конверты для безплатной пересылки по почтѣ.

Губернскій Пчеловодъ **Г. А. Кузьминъ.**

ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

(CHEMIN DE FER).

СИБИРСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

(Chemin de fer de la Sibérie).

Съ 6 мая сего года вводится новое росписаніе движенія пассажирскихъ поѣздовъ, а именно:

СТАНЦІИ. (Stations).	Скорый № 2, I и II кл. два раза въ недѣлю.			Почтово-пассаж. № 4, I, II и III кл		Товаро-пассаж. № 12, II, III и IV кл.	
	Дни слѣдованія по мѣстному времени.	ВРЕМЯ (temps).					
		Мѣстн. Tomsk.	Петерб. Petersb.	Мѣстн. Tomsk.	Петерб. Petersb.	Мѣстн. Tomsk.	Петерб. Petersb.
Челябинскъ (Tschelabinsk) отправ. (envoi)	По суб. и вт.	5 54 д	3 50 д.	4 39 д.	2 35 д.	11 54 в.	9 50 в.
Курганъ (Kourgane) .	По воск. и ср.	2 19 н.	11 59 в.	3 46 н.	1 26 н.	2 10 д.	11 50 у.
Петропавловскъ. . .	„	11 20 у	8 45 у.	2 00 д.	11 25 у.	6 10 у.	3 35 н.
Омскъ (Omsk) приб.	„	8 19 в.	5 27 д.	11 37 в.	8 45 в.	7 44 в.	4 52 д.
Омскъ (Omsk) отпр.	„	8 59 в.	6 07 в.	1 22 н.	10 30 в.	9 42 в.	6 50 в.
Каинскъ (Kainsk) .	По пон. и чет.	8 06 у	4 55 н.	2 59 д.	11 48 у.	4 51 д.	1 40 д.
Обь (Obi) прибыт.	„	5 56 д.	2 26 д.	4 00 н.	12 30 н.	8 05 у.	4 35 н.
Обь (Obi) отправл.		6 16 в.	2 46 д.	5 25 н.	1 55 н.	9 35 у.	6 05 у.
Тайга пр. Taiga(arriv.)	По вт. и пят.	2 32 н.	10 48 в.	3 39 д.	11 55 у.	8 34 в.	4 50 д.

ТОМСКАЯ ВѢТВЬ.

L'EMBRANCHEMANT DU CHEMIN DE FER A TOMSK.

Тайга отпр. къ Томску (Taïga)	По вт. и пят.	4 14 н.	12 30 н.	4 39 д.	12 55 д.	10 19 в.	6 35 в.
Томскъ (Tomsk) прибытіе .	„	8 19 у.	4 40 н.	8 49 в.	5 10 д.	2 32 в.	10 53 в.
Томскъ (Tomsk) отправ. къ Иркутску .	По пон. и чет.	9 54 в.	6 15 в.	10 29 у.	6 50 у.	2 04 д.	10 25 у.
Тайга пр. Taiga (arriv.)	По вт. и пят.	2 14 н.	10 30 в.	2 44 д.	11 00 у.	6 14 в.	2 30 д.
Тайга от. Taiga (envoi)	По вт. и пят	3 07 н.	11 23 в.	5 29 д.	1 45 д.	10 04 в.	6 20 в.
Маріинскъ отправл. (Mariinsk).	„	8 37 у.	4 40 н.	12 21 н.	8 30 в.	4 48 н.	12 57 н.
Ачинскъ отправленіе (Atschinsk)	„	4 50 д	12 49 д.	11 48 у.	7 47 у.	3 26 д.	11 25 у.
Красноярскъ (Krasnoiarsk) приб. .	Въ н. съ вт на	12 05 н.	7 55 в.	8 30 в.	4 20 д.	2 54 н.	10 44 в.
Красноярскъ (Krasnoiarsk) отпр. .	ср. и пт. на суб.	12 35 н.	8 25 в.	10 15 в.	6 05 в.	4 54 н.	12 44 н.
Канскъ отпр. (Kansk)	По сред. и суб.	11 09 у.	6 48 у.	10 06 у.	5 45 н.	5 50 д.	1 29 д.
Нижнеудинскъ отпр. (Nijneoudinsk) . . .	Въ н. съ ср. на чт. и сб на вос.	1 15 н.	8 40 в.	5 53 н.	1 18 н.	12 35 д.	8 00 у.
Тулунъ от. (Touloune)	По четв. и вос.	6 11 у.	1 30 н.	11 41 у.	7 00 у.	7 46 в.	3 05 д.
Иркутскъ прибытіе (rkoutsk Iarriv.) . .	„	11 26 в.	6 30 в.	7 51 у.	2 55 н.	6 21 в.	1 25 д.

СТАНЦІИ. (Stationis).	Скорый № 1, I и II кл два раза въ недѣлю.			Почтово-пассаж. № 3, I, II и III кл.		Товаро-пассаж. № 11, II, III и IV кл	
	Дни слѣдованія по мѣстному времени	ВРЕМЯ (temps).					
		Мѣстн. Tomsk.	Петерб. Petersb.	Мѣстн. Tomsk.	Петерб. Petersb.	Мѣстн. Tomsk.	Петерб. Petersb.
Иркутскъ отправлен. (Irkoutsk)	Въ ночь съ пон. на вторн. и съ пятн. на субб.	12 31 н.	7 35 в.	7 56 у.	3 00 н.	10 56 у.	6 00 у.
Тулунъ (Touloune). .	По вт. и суб.	5 59 д.	1 18 д.	3 06 н.	10 25 в.	8 34 у.	3 53 н.
Нижнеуд. (Nijneoud.)	„	10 31 в	5 56 д.	8 38 у.	4 03 н.	2 33 д.	9 58 у.
Канскъ (Kansk) . . .	По ср. и воск.	12 38 д.	8 17 у.	1 14 н.	8 53 в.	9 40 у.	5 19 н.
Красноярскъ (Krasnoiarsk) приб. .	„	10 10 в.	6 00 в.	12 55 д.	8 45 у.	9 40 в	5 30 д.
Красноярскъ (Krasnoiarsk) отпр. .	„	10 50 в.	6 40 в.	2 35 д.	10 25 у.	1 13 н.	9 03 в.
Ачинскъ (Atschensk) .	По чет. и пон.	5 50 н.	1 49 н.	10 53 в.	6 52 в.	10 07 у.	6 06 у.
Маріинскъ (Mariinsk).	„	1 39 д.	9 48 у.	8 21 у	4 30 н.	8 50 в.	4 59 д.
Тайга пр (Taiga arriv.)	„	6 44 в.	3 00 д.	2 29 д.	10 45 у.	3 02 н.	11 18 в.
Тайга отпр. къ Томску Taiga (envoi). . . .	По чет. и пон.	10 19 в	6 35 в.	4 39 д.	12 55 д.	4 14 н.	12 30 н.
Томскъ (Tomsk) прибытіе .	По пят. и вт.	2 32 н.	10 53 в.	8 49 в.	5 10 д.	8 19 у.	4 40 н.
Томскъ (Tomsk) отправ. къ Челябин. .	По чет. и пон	2 04 д.	10 25 у.	10 29 у.	6 50 у.	9 55 в.	6 15 в.
Тайга пр. (Taiga arriv).	„	6 14 в.	2 30 д.	2 44 д.	11 00 у.	2 14 н.	10 30 в.
Тайга отправл. (Taiga envoi).	Четв. и понед.	7 16 в.	3 32 д	3 44 д.	12 00 д.	5 53 н.	2 09 н.
Обь (Obi) прибыт. .	Въ н. съ чет. на	2 55 н.	11 25 в.	1 40 н.	10 10 в.	4 10 д.	12 40 д.
Обь (Obi) отправ. .	пят. и пн. на вт.	3 15 н.	11 45 в.	4 15 н.	12 45 н	7 15 в.	3 45 д
Каинскъ отправленіе (Kainsk).	Го пят. и втор.	1 56 д	10 45 у.	5 02 д.	1 51 д.	11 01 у.	7 50 у.
Омскъ (Omsk) приб.	Въ н. съ пт. на	12 08 н.	9 16 в.	5 22 н.	2 30 н.	3 49 н.	12 57 н.
Омскъ (Omsk) отпр	суб. и вт. на ср.	12 38 н.	9 46 в.	6 52 у.	4 00 н	7 52 у.	5 00 н.
Петропавловскъ отпр. (Petropavloysk). . .	По суб и сред.	9 24 у.	6 49 у.	4 49 д.	2 14 д.	9 46 в.	7 11 в.
Курганъ (Kourgane) .	„	5 55 д.	3 35 д.	2 22 н.	12 02 н.	1 09 д.	10 49 у.
Челябинскъ прибытіе (Tshelabinsk arrivi).	Въ н. съ суб. на вос. и ср. на чт.	1 29 н.	11 25 в.	11 44 у.	9 40 у.	2 54 н.	12 50 н.

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

(Chemin de fer de Transbaikalienne).

Съ 6 мая сего 1901 г. дѣйствующее до сего времени росписаніе пассажирскихъ поѣздовъ №№ 4 и 3 измѣняется и съ того же числа вводится новое со слѣдующими прибытіями и отправленіями по станціямъ.

На Иркутскъ-Байкальской вѣтви.

ПОѢЗДЪ № 4.					ПОѢЗДЪ № 3.				
СТАНЦІИ (Stations).	Петербургское. (Petersbourg).		Иркутское. (Irkoutsk.)		СТАНЦІИ. (Stations).	Петербургское. (Petersbourg).		Иркутское. (Irkoutsk)	
	Прибытіе.	Отправл.	Прибытіе.	Отправл.		Прибытіе	Отправл.	Прибытіе.	Отправл.
Иркутскъ (Irkoutsk)	—	5 26 л.	—	10 22 у.	Байкалъ (Baïkal). .	—	11 49 у	—	4 45 ц.
Байкалъ (Baïkal). .	9 06 у.		2 02 д.		Иркутскъ (Irkoutsk)	3 37 д.		8 03 в.	

На Байкальской линіи.

Мысовая (Missovaia)	—	8 21 в.	—	1 17 н.	Срѣтенскъ (Sretensk)	—	3 12 н.	—	8 08 у.
Верхнеуд. (Verchn.)	4 37 н.	5 02	9 33 у.	9 58	Нерчин. (Nertschin).	8 12 у.	8 34	1 08 д	1 30
Петровскій заводъ					Китайскій раз. . . .	6 50 в.	6 55	11 46 н.	11 51
Petrovsky zavod.	1 16 д.	1 46	6 12 в.	6 42	Чита (Tschita). . . .	1 09 н.	1 29	6 05 у.	6 25
Чита (Tshita). . . .	1 39 д	2 04	6 35 в	7 00	Петровскій заводъ	4 19 н.	5 04	9 15 у.	10 00
Китайскій раз . . .	8 35 в.	9 07	1 31 н.	2 03	(Petrovsky zavod).				
Нерчин. (Nertschin.)	7 47 у.	8 17	12 43 д.	1 13	Верхнеуд. (Verchn.).	1 41 д.	2 11	6 37 в.	7 07
Срѣтенскъ (Sréten)	12 56 д.		5 52 д.		Мысовая (Missovaia).	10 32 в.		3 28 н.	

Примѣчаніе. Когда въ Иркутскѣ 12 час.—въ Верхнеудинскѣ 12 час. 13 мин, Читѣ 12 час, 33 мин., Срѣтенскѣ 12 ч. 53 м. Въ Петербургѣ 12 час., въ Иркутскѣ 4 часа 56 мин.

Вышла АПРѢЛЬСКАЯ (четвертая) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго журнала

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

СОДЕРЖАНІЕ:

I) Жестокіе. Ром. въ двухъ частяхъ — *П. Д. Боборыкина* (продолженіе. II) На перегонки. Разсказъ — *Ансельма Гейне* (Пер. съ нѣм) *Н. Б.* III) Стихотвореніе — *П. П. Гайдебурова.* IV) Изъ современной хроники. Ром. *Густава Вида* (Пер съ датск.) — *А. и П. Ганзенъ.* Окончаніе V) Грѣхъ профессора Льдова. Разсказъ — *К. А. Ковальскаго.* VI) Штернштейнгофъ. Дерев. повѣсть *Людвига Анценгрубера.* Пер съ нѣм. — *Л. И. К—нъ* Продолженіе. VII) Происхожденіе современнаго романа — *В. В. Лесевича.* VIII) Новыя данныя о кабинетѣ министровъ Императрицы Анны Іоанновны — *А. Н. Филиппова.* Продолженіе. IX) Международный философскій конгрессъ въ Парижѣ — *Ю. А.* X) Къ вопросу о зарожденіи международнаго права — *Гр. А. А. Комаровскаго.* XI) Лѣто на Кавказѣ. — *М. Б.* Окончаніе XII) Земство и крестьянское хозяйство 2. Борьба земства съ малоземельемъ. — *Л. С Зака* XIII) Очерки изъ исторіи электрохиміи за XIX вѣкъ. — *И. А. Каблукова.* Продолженіе. XIV) Письма изъ провинціи. — *Мих. Лемке.* XV) Всестороннее образованіе. — *М. Н. П.* XVI) Внутреннее обозрѣніе. XVII) Иностранное обозрѣніе. *В А. Г.* XVIII) О нашей живописи. — *Вронскаго.* XIX) Письмо въ редакцію. — *ина.* XX) Библіографическій отдѣлъ. XXI) Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи 12 м **12** р., 9 м — **9** р, 6 м. — **6** р, 3 м. — **3** р. 1 м. — **1** р. За границу 12 м. — **14** руб., 9 м — **10** р. **50** к, 6 м. — **7** р., 3 м. — **3** р. **50** к., 1 м. **1** р **25** к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ. 1-го Апрѣля, 1 го Іюля. 1-го Октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ Контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 р. 30 к. **Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 к. съ полнаго годового экземпляра Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.** Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала Шереметевскій пер, д. гр. Шереметева, кв. 10; въ СПБ. въ кн маг. Н. П. Карбасникова; въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я Оглоблина; въ Варшавѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Вильнѣ, въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

При редакціи находится магазинъ русск. и иностр. книгъ. (Уг Б. Никитской ул. и Леонтьевскаго пер, д. Халатова) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. Кн. маг. принимаетъ на коммиссію постор. зданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библіотекъ на какія дно суммы, даетъ справки по открытію библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

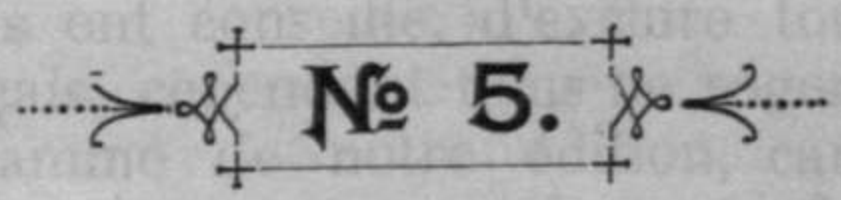
Редакторъ-Издатель **В. М. Лавровъ.**

Année III. Mai. 1901.

L'OBSERVATEUR SIBÉRIEN.

(Ancien Itinéraire a travers la Sibérie et la Russie d'Asie).

(DOUZE FOIS PAR AN).



TOMSK.
Typo-Lithographie P. J. Makouschine.
1901.

De la part de la Rédaction.

D'après l'autorisation de l'administration en chef pour tout ce qui a rapport à la presse, notre journal—recueil portera, depuis le livre présent, un autre nom, celui **d'Observateure Sibérien**, sous lequel il paraitra. Son prix eu sera quelque peu augmenté: au lieu de 3 roubles par an, il coûtera 4, et 2½ pour une demi année, frais de post y compris, pour l'interieur de la Russe; pour être expédié à l'etranger, il coûtera aux abonnés annuels trois roubles de plus, et aut semestriels, deux. Cependant les abonnés de l'année courante ayant versé la somme de l'abonnement annuel, n'auront rien à ajouter.

Tout en conservant son ancien programme, la Rédaction prendra des mesures pour augmenter l'édition et la dimension des livres, à commencer de l'année prochaine.

Dans le texte français de notre journal, nous continuerons à donner des descriptions de diverses localités de la Sibérie, et à communiquer des renseignements indispensables aux voyageurs et aux personnes desirant faire connaissance avec la Russie d'Asie.

En vue de la difficulté de la composition du texte français ici, attendu que les compositeurs des typographies ne connaissent aucune langue étrangère, il arrive fréquement de rencontrer des fautes d'impression dans le texte, nous l'avouons, et nous en demandons pardon à nos lecteurs; nous cragons cependant que ces fautes ne sont pas assez graves, que le lecteur qui connait la langue français, ne puisse comprendre ce qu'il a lu.

Bien des gens nous ont conseille, d'exclure tout à fait de notre édition le texte français, cependant nous ne vogons pas la nécessité de réduire le programme de notre édition, car cela eu serait la conséquence, et nous présumons que le texte français dans notre publication et loin d'être inutile. Nous en sommes convaincus en voyant le nombre des abonnés, à notre journal augmenter chaque année à l'étranger. Il est iudubitable que les étrangers s'interessent à notre lointain pays et trouvent possible d'en faire la connaissance d'après les renseignements que nous leur donnons.

Communication par eau de la Sibérie.

Sur les rivièrs de bassin de l'Obi pour se rendre aux villes et villages situés sur leurs bords.

(Suite.—Voir les livres I—IV de l'année courant de l'Itinéraire).

A 14 verstes de Tobolsk, est situé le village d'Abalaksk, où se trouve un monastère de 3-e rang pour hommes, nommé monastère d'Abalaksk, où on conserve une image de la S-te Vièrge, dite miraculeuse, et vénérée dans toute la Sibérie. Elle a été peinte en 1637, d'après une vision qu'il vue une pieuse veuve habitant la paroisse d'Abalaksk, et portant le nom de Marie. La légende raconte qu'elle vit dans les airs une image de l'Apparition de la S-te Vierge, des deux côtés de laquelle, étaient représentés S-t Nicolas, et S te Marie l'Egyptienne, et qu'elle entendit une voix venant de l'image et disant: „Marie, raconte au peuple ce que tu as vu et dis qu'on bâtisse dans la paroisse d'Abalaksk une église sous l'invocation de l'Apparition de la S-te Vierge". Marie n'exécuta pas cet ordre, et la vision se répéta encore plusieurs fois. Alors elle se mit à la raconter à tout le monde, et les habitants les plus zélés d'Abalaksk et de Tobolsk, avec le consentement et la bénédiction de l'archévêque Nectaire, se mirent à lâ construction d'une nouvelle église en bois à Abalaksk. En ce temps là, un riche paysan nommé Paul Koka, paralysé depuis de longues années, fit le voeu de doter l'église d'une image de l'Apparition de la S-te Vierge ayant à ses côtés S-t Nicolas et S te Marie l'Egyptienne. Ce travail fut exécuté par le d'archidiacre de la cathédrale de S-te Sophie à Tobolsk, nommé Mathieu, le plus habile des peintres de la Sibérie de cette époque. Le voeu fut exaucé, et Koka recouvra la santé. Par la suite, les miracles qui avaient lieu et qu'on attribuait à l'Image d'Abalaksk, donnèrent l'idée de bâtir en cet endroit un monastère pour hommes. Il est situé dans une localité trés pittoresque, et se distingue par son organisation modèle. Présentement un grand hôtel à deux étages se trouve dans le village.

Il faut encore mentionner dans les environs de Tobolsk ce qu'on appelle Koutschoumowoe gorodischtsché, se trouvant à 19 v. de Tobolsk, et à une verste du grand chemin sur le bord haut

et escarpé de l'Irtiche. Ce n'est autre chose qu'un amas de ruines, le reste de la ville historique d'Isker ou Sibir, résidence du Khan Koutschoume. Jusqu'à présent on voit encore le fossé, plusieurs gros trous, et les restes de l'ancien cimetière.

Il y a à Tobolsk deux hôtels ayant des numéros depuis 50 k. par jour. Ils sont fort mauvais. Il y a beaucoup d'auberges, où l'entretien est à bon marché mais qui ne se distinguent ni par la propreté ni par la commodité. Il y a aussi des fiacres.

Les principaux articles du commerce à Tobolsk, sont le poisson et les fourrures. La somme générale des opérations commerciales de l'année est d'environ 1 million ou $1^1/_2$ de roubles.

Le district de Tobolsk comprend un espace de 109.361 v. c. et tout le gouvernement, 1.217.410 v. c. Le district se trouve au milieu de la partie du gouvernement marécageuse et couverte de forets. Sa partie sud—ouest du côté gauche de Tobol, est peuplée principalement par des indigènes, et présente un vaste marais, au milieu duquel on ne voit que par endroits de petites hauteurs ayant de 1 à 4 verstes de diamètre. Dans leurs environs comprenant un espace de 300 v. sont situés des lacs. La communication n'y est possible qu'en hiver; en été, les habitants de l'endroit ne communiquent entre eux qu'avec beaucoup de peine et uniquement à pied, s'enfonçant quelquefois dans l'eau jusqu'à la ceinture; il n'y a que peu de hameaux aù l'on puisse arriver en petits bateaux. Au nord de ce marais, et en suivant le système de la rivière Konda, et jusqu'aux limites du district de Berezowsk, on ne trouve que forêts épaisses et marécageuses. La partie située sur le bord droit de l'Irtiche, porte aussi le même caractère. La meilleure partie du district est enclavée entre les rivières Tobol et Irtiche, mais la aussi ni les forêtes ni les marais ne manquent pas. Le long de tout le courant de la rivière Tobol, la terre est sèche sabloneuse et peu productive, sur les deux rives de l'Irtiche elle est argileuse, et sur la rive gauche, par endroits marécageuse. Les terres que l'on rencontre en remontant le courant de la rivière Vagaï, sont un peu plus fertiles, mais elles aussi, comme en général toutes les terres labourables du district de Tobolsk, exigent beaucoup d'engrais. Tout le plateau du district est arrosé par des rivières appartenant au système du fleuve Obi, qui traverse son angle nord sur une étendue fort minime.

Près de la frontiére du district de Berezof, la rivière la plus considérable du district de Tobolsk qui et l'Irtiche, et qui tra-

verse ce district sur une étendue de 570 v., se jette dans l'Obi. Du côté droit de l'Irtiche se trouvent les affluents Tourtas et Démiane, du côté gauche le Vagaï, le Tobol, la Noska, l'Alimka, la Konda, et une infinité de petites rivières. En nn mot, le district est fourni abondamment d'eau courantes dans lesquelles abondent des poissons de toutes espèces. De toutes les rivières du district, il n'y a que l'Obi, l'Irtiche et le Tobol qui soient navigables. Les lacs ne manquent pas non plus; on eu compte 152, et ils sont disséminés principalement dans les vallées des rivières. Le plus grand de tous, est le lac Baïkalowskoé, sa longueur est de 24 v. et sa largeur de 4; plus vient le lac Chichkarime, dont la longueur est de 11 v. et la largeur de 2—6; le lac Karrassié qui comprend 30 v. carrées; le lac Andréewskoé, longueur 11 v. et largeur $5^1/_2$; c'est là que prend sa source la rivière Alimka.

Il y a dans le district 580 endroits dont la population est russe, et 265 peuplés d'indigénes. Il y a plus de 12000 âmes des deux sexes d'indigènes. Dans tout le gouvernement il y a environ 1.456.000 âmes des deux sexes. Le nombre des gens sachant lire et écrire dans le distsict est de 5.596 h. et de 564 f. et dans le gouvernement entier, il y a 58.145 hommes sachant lire et écrire, et 8266 f. Les émigrés et les exilés, comme partout en Sibérie, ajoutent à l'accroissement de la population. En l'année 1895, 21.386 émigrés des deux sexes se sont fixés dans le gouvernement be Tobolsk, et 4122 hommes, et 946 femmes y ont été exilés. Cependant plus de la moitié de ces derniers ont fui.

En l'année 1897, il y avait en tout dans le gouvernement de Tobolsk 551 établissemens d'instruction, dans la ville même de Tobolsk, il y en avait 21, dans les villes du districts 54, et dans les districts 476, dont 24 dans celui de Tobolsk.

Une partie considérable de la population russe des parties méridionales du district, s'occupe d'agriculture. Parmi les habitants du district de Tobolsk, l'industrie du voiturage est aussi très répandue, tandis que les indigènes s'occupent surtout de la chasse et de la pêche dans l'Obi et l'Irtiche. Il y a dans le gouvernement plusieurs foires, dans les plus importantes sont celles de Tiumègne et celle d'Ichime. La population indigène fait surtout le commerce de fourrures, mais à l'extrême nord du gouvernement de Tobolsk, (au delà d'Obdorsk), le commerce se pratique tout à fait sans argent. Les unités d'échange sont: un poud de saumon, et une peau d'écureuil.

Démianskoié, second port de bateaux à vapeur après Tobolsk, bourg du gouvernement et du district de Tobolsk, au bord de la rivière Démianka, affluent droit de l'Irtiche. Il ja jusqu'à 1000 habitants. Il y a la une église orthodoxe en pierre, une école de village, un bureau de poste. La poste va à la ville de Berezoff toutes les deux semaines, et à celle de Tobolsk, toutes les semaines; elle vient toutes les deux semaines de Tobolsk le mercredi, et de Berezoff toutes les deux semaines le samedi. On ne voit presque pas le bourg quand on est sur l'eau, car le bord trés escarpé le cache à la vue. Lorsqu'on en est tout près, on voit senlement 2 ou trois toits et un peu l'église en pierre. Jadis, Démianskoïe était regarde comme une petite ville. Cette petite ville fut prise par un détachement de cosaques d'Ermak, en 1582. Puis on en fit une colonie de voituriers au commencement du XVII siècle. En ce temps là, le gouvernement y fit transporter de l'Oural, les paysans chargés de la corvée postale qui étaient chargés de fournir des équipages aux voyageurs allant de Tobolsk à Sourgoute. La transfération des voituriers avait pour but d'épargner aux indigènes locaux la charge de l'entretien de la poste.

Samarowo, ou *Samarowskoïé*, troisième port de bateaux à vapeur après Tobolsk, bourg du gouvernement et du district de Tobolsk, situé sur le flane de la rive droite de l'Irtiche, à son embouchure dans l'Obi. Il y a jusqu'à 200 maisons, et 1000 habitants des deux sexes. On fait pour la première fois mention du bourg de Samarowo, en l'appelant la petite ville du prince Samara, prise en 1582 par un des détachements de Ermak, commandé par Bogdan Briazga. Puis, dans le siècle passé, Samarowo, ainsi que Demianskoïé, fut une colonie de voituriers. Il y a aussi une église en pierre et un bureau de poste. La poste part pour Sourgoute, Berezoff et Tobolsk toutes les deux semaines le jeudi, et vient de même. Il y a deux écoles et une administration de baillage.

La principale occupation des habitants est la pêche. De cet endroit, et presque jusqu'à la ville même de Tomsk, les habitants fixés sur les deux bords font de la pêche leur gagne-pain presque exclusif. On pêche en abondance les gardons*) et autres menus poissons que l'on sèche, que l'on sale et que l'on expédie en très grande quantité pour être vendus bien au delà des limites du gouvernement de Tobolsk. Outre cela on pêche des saumons **), des

*) En russe—*iaze*.
**) En russe—*ausetr* (esturgeon).

sterlets, des lottes, des brochets, des perches, des eperlans de Sibérie (Coregonus Muksun Pall) et le coregonus Wimba Pall.

Le principal attirail de pêche, est un filet. Un grand filet avec tous ses accessoires, coute jusqu'à 1000 r. et un petit filet de paysan revient à 100. Puis au pêche encore le poisson avec des attrapoires.

Cet appareil est assez simple et s'emploie surtout au commencement de l'hiver, alors que le saumon et le sterlet en très grande quantité, se sont déjà casés dans des creux sur l'Irtiche. Il y a cependant peu d'endroits semblables où les poissons se rassemblent, mais ils sont connus des habitants qui habitent les bords. L'arrangement des attrapoires est suivant: On attache à une longue corde, à égales distances, des cordes plus fines et plus courtes, au bout desquels se trouve un hameçon. A l'angle de l'hameçon, on fixe par un noeud ordinaire sur un long cheveu, une flotte faite d'écorce d'arbre. Si on descend tous ces hameçons dans la rivière, la corde principale touchera le fond, et les flottes tiendront les hameçons dans une position verticale. Mais pour que ces flottes ne fassent pas remonter la grande corde du fond, on attache à cette dernière de petites pierres à une certaine distance l'une de l'autre. Dans l'attrapoire d'hiver qui sert à prendre les sterlets, un des hameçons se trouve à 9 verschoks de distance de l'autre; la longueur des petites cordes en de $1^3/_4$—$3^1/_2$ verschoks. Dans l'attrapoire d'hiver qui sert à prendre les saumons, la distance entre les hameçons est de 10 à 11 verschoks et les petites cordes de la longueur de $4^1/_2$ à 5 verschoks. Mais la principale différence entre ces deux attrapoires, consiste en la grandeur des hameçons mêmes, les hameçons de l'attrapoire à sterlets sont plus petits et plus fins que ceux de l'attrapoire à saumons. Ces attrapoires sont descendues dans des trous faits expres dans la glace. On étourdit le poisson qui s'est l'aissé prendre, par un grand coup sur la tête, afin qu'il se redresse, et alors on le gèle. On explique la pêche au moyen de l'attrapoire en disant que le poisson blotti dans les trous, s'effraie, commence à se débattre et alors se laisse prendre à l'hameçon.

(La suite au prochain numèro).